

КНИЖНИЦА

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

Т.М. Фрейзер

Оригинальное название: *T.M. Frazier «King» (King #1), 2015*

Т.М. Фрейзер «Кинг» (Кинг #1), 2017

Переводчик: *Иришка Дмитренко*

Александра Котельницкая (1–4 главы)

Редактор: *Елена Скворцова (с 20 главы)*

Настя Татарчук, Ksana Кружкова.

Вычитка: *Лела Афтенко-Аллахвердиева*

Оформление: *Иванна Иванова*

Обложка: *Врединка Тм*

ПРОЛОГ.

Когда мне было двенадцать лет...

— Тащись сюда, чертов говнюк! Ты, маленькая пид*рская киска!

Я и прежде видел, как в моей школе некоторых детей доставали хулиганы, но никогда не вмешивался. Если у тебя нет яиц постоять за себя, значит, ты заслужил то, что тебя ждет.

В то утро я принял решение навсегда уйти из дома. Новый парень моей матери использовал ее в качестве боксерской груши. Но в этот раз, когда я встал перед ней, она не только оттолкнула меня в сторону, но и бросилась защищать этого ублюдка.

Она сказала, что заслужила это.

Она даже просила прощения.

У него.

Я ненавидел ее за это. За то, что она стала слабой. За то, что позволяла ему бить ее подобным образом. Мне настолько хотелось раскрасить лицо Джона, что я, сидя на перемене рядом со школой, сжимал и разжимал свои кулаки, снова и снова проигрывая в голове эти моменты. Я, может, и не был в состоянии победить в схватке с сильным мужчиной, но думал, что мог бы нанести ему пару серьезных ударов.

Поэтому, когда услышал эти слова с другой стороны детской площадки, злость взяла надо мной верх, и я сделал первый шаг прежде, чем все хорошенько обдумал. Я и не понял, как перепрыгнул через песочницу и уже шагал в сторону группы детей, собравшихся в круг на той стороне двора рядом с футбольным полем.

Я был выше всех остальных, поэтому мог с легкостью видеть, что там происходило. В центре круга стоял грубый козел по имени Тайлер, темноволосый мальчишка, который всегда носил футболки с оборванными рукавами. Он держал за ворот рубашки худенького ребенка и вновь и вновь наносил ему удары кулаком по лицу. Маленький мальчик хныкал каждый раз, когда Тайлер его бил. На бедняге была разорвана рубашка — я отлично видел кровоподтеки желтых и синих оттенков. Его ребра проступали так отчетливо, что я мог с легкостью их сосчитать. Из его носа на землю капала кровь. Я оттолкнул двух маленьких девочек, аплодировавших всему этому.

Дети могут быть очень жестокими.

Взрослые могут быть ещё хуже.

Я выскочил прямо перед Тайлером и отвел свой кулак назад. Один удар в челюсть этому

прыщавому хулигану свалил того прямо на задницу. Его голова с глухим звуком стукнулась о тротуар. Без сознания.

Я тут же почувствовал себя лучше, и хоть стремление к насилию постоянно, будто крыса, прогрызало каждую мою мысль и эмоцию, то теперь, после этого удара, я ощутил, как полыхающее пламя превратилось в огонек свечи.

Зажав свой окровавленный нос, паренек сидел на земле. Когда он убрал руку и посмотрел на меня, на его лице сияла самая большая и искренняя улыбка, а зубы были покрыты кровью, выглядя великоватыми для его рта. Не такой реакции я ожидал от избитого мальчика.

— Ты не должен был меня спасать. Я всего лишь позволил ему пару раз меня ударить, прежде чем усмирил бы боль, — его голос дрожал от каждого лживого слова. Слезы текли по щекам, смешиваясь с кровью на губах.

Круг детей распался, и они вернулись к игре в футбол.

— Я не спасал тебя, — перешагнув через него, ответил я.

Я уже уходил, когда этот малыш догнал меня у песочницы.

— Естественно, не спасал. Я и сам мог бы дать ему отпор. Но, черт, приятель, этот долбаный ублюдок оказался на заднице, — выругавшись, ребенок вскинул руки и последовал за мной, пытаясь соответствовать моим размашистым шагам.

— Ага, и что с того? — спросил я.

— Он хотел, чтобы я делал его домашку по математике, и вот что я скажу тебе. Я не чья-то чертова сучка! Поэтому я сказал ему отвалить ко всем чертям, — его голос звучал приглушенно, поскольку он все еще пытался остановить кровь, сжимая ноздри вместе.

— И это все из-за того, что ты сказал ему отвалить? Поэтому он начал тебя бить? — уточнил я, хотя и не сомневался в этом. Помимо херни между моей матерью и Джоном, мне требовалась лишь какая-то мелочь, чтобы мои кулаки начали чесаться от желания ударить что-то.

Мальш усмехнулся:

— Не только... Потом я сказал ему, что круто, когда папочка не против того, что его сынуля — это вылитая морда босса его мамы из Price Mart, — он стряхнул грязь со царапин на локтях, а затем вытер пыль с ладоней о мятые штаны цвета хаки. — Сэмюэль Клируотер. А тебя как?

Я остановился и повернулся к нему. Он протянул мне руку, и я пожал ее. Будучи худым пареньком моего возраста, он ругался как дед, который слишком стар, чтобы следить за своей речью. И кто в двенадцать лет пожимает друг другу руки?

Сэмюэль Клируотер — вот кто.

— Брэнтли Кинг, — ответил я.

— У тебя много друзей, Брэнтли Кинг? — непослушные песочно-белые волосы Сэмюэля упали ему на глаза, и он смахнул их грязными пальцами.

— Неа.

Никто в школе и близко не был таким, как я. Чувство одиночества сопровождало меня всегда, начиная с моего первого дня в детском саду. Пока все дети заучивали «Старого Макдональда» (прим. пер.: детская песня о фермере), я думал лишь о том, сколько времени осталось до темноты, чтобы можно было отправиться домой. Было еще довольно рано, да и какого бы парня моя мать ни пустила бы к нам в этом месяце, тот затеет скандал.

Быть одиночкой стало для меня обычным явлением. Шло время, и мне это начало

нравиться. И хотя я был самым крупным ребенком в школе, мне, подобно призраку, все же удалось стать незаметным.

Пока я не стал попадать в неприятности.

Пока МЫ не стали попадать в неприятности. Преппи и я. Два несовершеннолетних сосунка среди малолетних преступников.

— И у меня. От них больше проблем, чем они того стоят, — почти убедительно произнёс Сэмюэль.

Он заправил свою клетчатую рубашку в брюки и натянул на плечи подтяжки, спадавшие каждые пять секунд. Затем он поправил на шее бабочку в желтый горошек.

— Что за синяки? — спросил я, указав на его ребра.

— Ты все же увидел их, да? — печаль отразилась на его лице, но он, поджав губы, боролся с тем, над чем размышлял. — После смерти мамы достался адский отчим с проблемами. В действительности у него только две проблемы. Пиво и я. Хотя пиво он любит. Меня? Не особо.

Мог бы догадаться Разница лишь в том, что у меня не было отчима на постоянной основе. У них были разные имена, разные лица, но они, по сути, все были одинаковы в одном.

— Ну, малыш, не думаю, что Тайлер полезет к тебе снова.

Я снова продолжил свой путь в сторону здания, где смог бы побыть в одиночестве. Краем глаза заметил Тайлера, который, стиснув от злости челюсти, хромал по направлению к школе.

Сопляк.

— И это все? — Сэмюэль следовал за мной, едва не наступая мне на пятки.

— А что еще тебе нужно? — я нырнул под нижнюю ветку небольшого дерева.

Сэмюэль был на добрых тридцать сантиметров ниже меня и без труда сделал то же самое. Когда мы отошли достаточно далеко от других детей, я подкурил полсигареты, которую хранил в заднем кармане, последней спичкой из спрятанного в моём ботинке блокнотика.

— Можно попробовать? — уставившись на меня, спросил паренек.

Я даже не понял, что он все еще здесь. Я передал ему сигарету, и он сделал глубокую затяжку. После чего начались пять минут его мучений от удушья. Подошвой я затушил сигарету, тогда как лицо Сэмюэля приобрело странный фиолетовый оттенок, а затем оно снова стало бледным, лишь с веснушками и размазанной на нем кровью.

— Это действительно чертовски хорошо, но я больше люблю с ментолом.

Я сложился пополам от смеха, обнимая себя руками. Сэмюэль проигнорировал меня и продолжил говорить:

— Где ты живешь?

— Тут и там.

Если по правде, то нигде. Я больше не собирался возвращаться домой. Школа теперь будет тем местом, куда я смогу прийти принять душ и получить бесплатный завтрак. Всё, что мне было необходимо, находилось в моем рюкзаке.

И он был легким.

— Я живу недалеко от парка «Санни-Айлс». Это сраная крысиная дыра. Но когда я вырасту, то куплю себе домик на той стороне дамбы и буду выглядеть так, как те люди из «Звездных войн».

— Один из тех домов на воде?

— Да, чувак, как тот дом из «Звездных войн» прямо возле бухты, — этот парень жил в трейлере, где его избивал отчим, но мечтать он все же не разучился. А я не мог представить, как пережить следующую неделю, не говоря уже о следующих десяти годах. — Что насчет тебя, чувак?

— А что насчет меня? — я отцепил свой карманный нож от пояса джинсов и начал отдиирать штукатурку со здания.

— Какие планы на будущее?

Наверняка я знал лишь одно: то, чего не хотел.

— Не знаю. Но могу сказать точно, что не желаю ни на кого работать. Мне никогда не нравилось делать так, как говорит кто-то. Хочу быть боссом самому себе, управлять своим дерьмом.

— Да, чувак. Это чертовски классная идея. Точно. Я помогу тебе. Мы сможем сделать это вместе. Ты будешь управлять своим дерьмом, а я буду помогать тебе в этом. Затем мы купим огромный старый дом, как в «Звездных войнах», и будем там жить, и никакой мудак больше не будет указывать, что нам делать! — Сэмюэль достал тетрадь из своего рюкзака и открыл её на пустой странице: — Давай составим гребанный план.

Идея показалась мне глупой: сидеть здесь с мальцом и составлять план на будущее, о котором я никогда не думал. Но почему-то от мысли, что я задену его чувства, в моей груди защемило — это было для меня в новинку. Я сдался, но так и не понимал, что делать дальше. Присев на траву рядом с ним, я вздохнул. Он улыбнулся мне ободряющей улыбкой, словно то, что мы были здесь вместе, стало уже половиной дела.

— В этом нельзя быть кисками, — прокомментировал он. — Мы не заработаем на дом из «Звездных войн», если будем вкалывать в каком-нибудь сраном отеле или на фабрике, да и рыбак из меня хреновый. Поэтому это дерьмо начнется прямо сейчас. Пусть все киски умрут от зависти. Мой дядя — абсолютно конченный ублюдок, и он продает травку. Мы могли бы украсть у него немного и продать для себя, а потом использовать вырученные деньги на покупку новой партии травки.

Достав черный маркер из рюкзака, он начал делать первые чертежи на бумаге. Наверху он вывел слово «ЦЕЛЬ», а под ним — дом на сваях, который на самом деле выглядел как версия фигурки-наклейки того, что вы наверняка назвали бы домом из «Звездных войн». Я не знал его названия, потому что никогда не смотрел этот фильм, но видел трейлер. Затем он нарисовал нас, но себя изобразил намного меньше, чем меня. Зеленым маркером он набросал доллары, кружащиеся над нами в воздухе.

— И что теперь? С этого момента мы друзья, стилига Преппи? (прим.: Преппу — стильный, элегантный)

У меня раньше никогда не было друга, но в этом паренёке с грязным ртом что-то было, и это привлекло мое внимание. Я забрал у него из рук маркер и взял тетрадь. В школе мне давалось плохо всё, кроме рисования. Я действительно был в этом хорош. Рисование было моей любовью.

— Черт, да! — выкрикнул Преппи и стал смотреть, как я добавляю кое-какие детали к дому. Также он изобразил, предположительно, своего дядю, потому что над ним было написано «головорез». — Ты чертовски хорош в этом деле. Чувак, ты и этим должен заниматься. Рисовать. Запиши в плане. У нас должны быть хобби.

— И какое у тебя хобби? — уточнил я.

— У меня? — улыбнулся он, вытерев нос, из которого снова потекла кровь. Одна капля упала на страницу с рисунком, а именно на изображение Преппи. Он хитро кивнул и сжал губы, загибая пальцы под подтяжки. — Сучки.

Думаю, в тот день я смеялся так, как никогда в жизни. Наверное, «сучки» тоже могут быть неплохим хобби.

— Так, а что, если нас поймают? — я прекратил чиркать маркером на листе.

— Не поймают. Мы слишком умные для этого дерьма. Будем делать все осторожно. У нас есть план, поэтому нужно его придерживаться. Никто не встанет на нашем чертовом пути. Никто. Ни мой отчим, ни мой дядя, ни учителя, а особенно такие куски дерьма, как Тайлер. Я никогда не женюсь. И никогда не заведу подружку. Вот так Преппи и Кинг выберутся из всего этого дерьма, а не будут в нем гнить.

— Ну а если нас действительно поймают, что тогда? — снова спросил я. — Я не говорю о копах. Я говорю о твоём дяде или ещё о ком-нибудь другом, кто занимается дерьмом, о котором мы сейчас говорим. Они жестокие люди. Ужасные люди. Они не будут сюсюкаться.

И я узнал это на собственной шкуре. Не один вооруженный до зубов дилер побывал в нашем доме, требуя денег. Мама всегда возвращала свои долги, закрываясь с ними в спальне.

Может, этот парень и продумал все только ради прикола, но чем больше я об этом размышлял, тем лучше это звучало. Жить жизнью и не отвечать ни перед кем. Жизнью, где нет места страху, что кто-то может причинить боль мне или этому мелкому стилинге, по виду которого можно сказать, что в прошлом ему досталось немало.

Идея того, что я вырасту, будучи хозяином самому себе, таким, которому люди не захотят перейти дорогу, становилась все более и более привлекательной, пока проносилась в моем мозгу и посеялась там, где мне не хватало чего-то, о чем говорили школьные психологи, словно «твердое чувство хорошего и плохого». Но именно они и ошибались. Не то чтобы я не чувствовал разницу.

Меня это просто не заботило.

Потому что подобное случается, когда у тебя нет чего-то, о чем нужно заботиться.

Если я действительно собирался воспринимать этого мальчика всерьез, то мне нужно было знать, что он не удерет, когда ситуация зайдет в тупик. Мне было необходимо удостовериться, что он настроен так же серьезно, как и я, поэтому спросил:

— Что будет на самом деле, если кто-то встанет на нашем пути? Влезет в наши дела? В наши планы?

Преппи зажал свой маркер губами, покрывшиеся коркой из засохшей крови. Глубоко задумавшись, Преппи мгновение пялился поверх моей головы. Затем он пожал плечами и посмотрел прямо мне в глаза:

— Мы убьем их.

ГЛАВА 1.

В день, когда вышел из тюрьмы, я делал татуировку киски на киске. Животного на женской интимной части тела.

Кошку на пиз*е.

Нахрен смешно.

С вечеринки этажом ниже, что проходила в честь моего возвращения домой, грохотала музыка, от тяжелого бита которой вибрировали стены моей самодельной тату-мастерской. Дверь содрогалась, будто кто-то ритмично стучал в нее, пытаясь выбить. Рисунки флуоресцентным баллончиком и светящиеся постеры покрывали стены моей мастерской от пола до потолка, бросая слабый свет на все, что находилось внутри.

Маленькая темноволосая сучка, над которой я работал, стонала так, словно кончала. Уверен, она бы с удовольствием кончила, потому что татуировка прямо над клитором не принесет ничего, кроме гребаной боли.

Пока пребывал за решеткой, на несколько часов татуировки были моим единственным спасением, потому что, набивая их, я находил тот маленький уголок моей жизни, где не было херни, с которой изо дня в день мне приходилось иметь дело.

Раньше, когда я попадал в тюрьму на небольшие сроки, первое, что было у меня на уме, — это киски и вечеринки. Выйдя в этот раз, я взялся за свой тату-пистолет, но он не был тем же. Мне не удавалось достичь того самого облегчения, как бы сильно я ни старался. Не помогало и то, что приходившие ко мне люди просили о тупейших татуировках.

Логотипы футбольных команд, цитаты из книг, которых они, вы знаете, никогда не читали; бандиты, подражающие гангстерам, желали тату слезы на лице. В тюрьме слеза на лице означает, что ты забрал чью-то жизнь. Некоторые мелкие сучки, захотевшие такое тату, выглядели так, словно не смогли бы и на таракана наступить, не забившись в углу и не позвав мамочку.

Но с учетом того, что большинство моих клиентов платили услугами и являлись в основном байкерами, стриптизершами, а иногда богатенькими детишками, по ошибке оказавшимися не на той стороне дамбы, наверное, мне стоило понизить планку моих ожиданий.

Но, опять-таки, было приятно оказаться дома. В действительности было приятно оказаться в любом месте, лишь бы не быть там, где пахнет рвотой и пустым прожиганием жизни.

Моя собственная жизнь двигалась вперед на полной скорости с того самого дня, когда я встретил Преппи. Мне нравилось жить вне закона. Я питался страхом в глазах тех, кто перешел мне дорогу.

Единственное, о чем я когда-либо жалел, — это то, что попался.

Не будучи в тюрьме, я проводил практически каждый день из своих двадцати семи лет, которые хожу по земле, в Логанс-Бич, сраном маленьком городке на побережье залива Флориды. В месте, где жители по другую сторону дамбы жили исключительно для удовлетворения желаний богатых, обитающих в своих роскошных квартирах в небоскрёбах и особняках. Трейлерные парки и захудалые дома находились менее чем в миле от уровня богатства и роскоши, для достижения которых понадобится целое поколение.

На свое восемнадцатилетие я купил один из таких захудалых домов на сваях, что был скрыт стеной густых деревьев на трех акрах земли и был расположен практически под мостом. За наличку. И мы с моим лучшим другом Преппи переехали на ту богатую сторону городка, словно белая провинциальная версия сраных Джефферсонов (прим.: длительный американский комедийный телесериал, который транслировался на канале CBS с 18 января 1975 года по 25 июня 1985 года. В центре сюжета находилась богатая семейная пара афроамериканцев Джордж и Луиза Джефферсоны (Шерман Хемсли и Изабель Санфорд) которая жила в Нью-Йорке).

Придерживаясь своих планов, мы стали хозяевами сами себе и не отвечали ни перед кем. Мы делали то, что хотели. Я превратил свое хобби в набивание татуировок, а Преппи имел сучек.

Я трахался. Боролся. Веселился. Напивался. Крал. Трахался. Набивал тату. Продавал наркотики. Продавал оружие. Крал. Трахался. Зарабатывал чертовы деньги.

И снова трахался.

Я всегда любил вечеринки, а они любили меня. Не было сучки, которая не раздвинула передо мной ноги на этих вечеринках, чтобы я мог стянуть с нее трусики. Я получал это дерьмо, когда хотел и где хотел.

Жизнь не просто была хорошей. Она была зае*ись какой отличной. Я был на вершине этого гребаного мира, и никто не переходил дорогу мне и тому, что мне принадлежало.

Никто.

А затем все изменилось, и я получил три года в крошечной камере без окон с возможностью изучать трещины на бетонных стенах.

Закончив с набиванием фиолетового мультяшного котенка, я намазал тату мазью, наложил пленку и только после этого снял свои перчатки. Неужели эта девушка думает, что парни, увидев этого котенка на интимном месте, будут возбуждаться? Хотя я пробыл три года в тюрьме и работа была выполнена хорошо, но эта штука прикрывала мою любимую часть женского тела. Если бы раздел ее и увидел такую фигну, то тут же перевернул бы.

И это было неплохой идеей. Возможно, секс помог бы мне избавиться от тюремного тумана, и я вернулся бы к тому, что было важно для меня, без затяжного чувства страха, поселившегося в моей голове.

Вместо того, чтобы отправить эту девчонку на вечеринку, я грубо дернул ее, спуская вниз по столу ко мне. Я встал, перевернул ее на живот. Схватив ее за затылок одной рукой, ткнул ее головой в стол, а второй принялся расстегивать свой ремень, быстро доставая презерватив из открытого рядом ящика.

Она уже знала, что деньги меня не интересуют, и тем не менее я ничего не делал бесплатно. Поэтому я разместил головку своего члена у ее входа и взял ее киску в качестве платы за татуировку.

Киска за киску.

Черт бы меня побрал.

У этой крошки было отличное тело, но спустя несколько минут чрезмерно заполняющих комнату стонов она так ничем мне и не помогла. Я чувствовал, как мой член смягчается внутри нее. Так не должно быть, особенно после всех тех дней, проведенных с моей правой рукой и воображаемыми партнерами по сексу.

Что нахрен со мной происходит?

Я схватил ее за горло обеими руками и сжал, ускоряя свой темп, вымещая свои разочарования в ритме тяжелого бита, звучащего в комнате.

Ничего.

Я собирался бросить это дело и вытащить член.

И почти не заметил открывшуюся дверь.

Почти.

От дверного проема на меня пялилась блондинка с голубыми, словно у куклы, глазами, с ямочкой на подбородке и с недовольством на розовых губках. Девчонке на вид было лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Она была худой.

Немного загнанной.

Член тут же ожил, обращая моё внимание к тому факту, что я все еще находился внутри брюнетки. Оргазм настиг меня мгновенно, закручивая мой позвоночник, что стало для меня неожиданностью. Я закрыл глаза, выпуская струю спермы в чику с киской на киске, и упал ей на спину.

Что за херня?

Когда я снова открыл глаза, дверь была закрыта, а девушка с печальными глазами исчезла.

Бл*дь, я теряю рассудок.

Я скатился с брюнетки, которая, к счастью, еще дышала, хоть и потеряла сознание то ли от удушья, то ли из-за какой-то дури, потому что ее зрачки были расширены чуть ли не на весь глаз.

Откинувшись на свой передвижной стул, я зарылся лицом в ладони.

Моя голова просто раскалывалась от боли.

Преппи организовал эту вечеринку для меня, и я должен был уже давным-давно втягивать кокаин с сисек стриптизерши. Но после тюрьмы мне хотелось лишь хорошенько поесть, выспаться и послать всех этих людей к черту из моего дома.

— Как ты, босс? — спросил Преппи, просунув голову в мою комнату.

Я указал на девушку без сознания на столе.

— Убери эту суку, — попросил я, пробежавшись руками по волосам, эта музыка внизу только усиливала мою головную боль. — И ради всего святого, выключи это дерьмо!

Преппи не заслуживал моей ярости, но мне было слишком хреново, чтобы следить за своими приказами.

— Понял, — без раздумий ответил он.

Преппи прошел мимо меня, даже не спросив о полуголой девушке на столе. Он просто закинул ее обездвиженное тело на плечо. Ее руки безвольно свисали вдоль его спины, ударяясь о его тело с каждым шагом. Перед тем как отойти слишком далеко, он повернулся ко мне.

— Ты здесь закончил? — спросил Преппи, но из-за музыки снизу я плохо его слышал. Он с детской улыбкой на лице указал подбородком на девушку на своем плече.

Я кивнул ему, на что Преппи улыбнулся так, словно я позволил ему завести щенка.

Больной придурок.

Но я любил этого ребенка.

Закрыв за ним дверь, я схватил свой пистолет и нож из ящика с моими инструментами для татуировок. Я засунул нож в сапог, а пистолет за пояс джинсов.

Я потряс головой из стороны в сторону, чтобы развеять туман, застилающий мой разум. Вот что тюрьма может с вами сделать. Три года спать с одним открытым глазом среди множества людей, среди которых я завел как друзей, так и врагов.

Настало именно то время обратиться к этим друзьям за некоторыми услугами, потому что было нечто более важное, о чем мне нужно было позаботиться, чем мое собственное эгоистичное дерьмо.

Позаботиться о том, *кто* был действительно важен.

Сон может и подождать. Настало время спуститься вниз и хорошо провести время с байкерами. Я годами не вел с ними дела в любой сфере, хоть их вице-президент, Медведь, был мне словно брат. Он уже давно мечтал о том, чтобы я присоединился к его МК (прим.

пер.: мотоклуб), но я отвечал отказом. Я был преступником, любившим мутить свои дела в одиночку без сторонней помощи. Но сейчас мне нужны связи, которые могут предоставить байкеры, как и вмешательство грязных политиков, чьи решения и мнения зависят от цены.

Прежде я никогда не заботился о деньгах. Они были чем-то одноразовым в моей жизни, чем-то, что я привык вкладывать в свой стиль жизни, в котором мне на все насрать. Но сейчас?

Взятки политикам придется дать немало, поэтому мне понадобится много налички и очень, бл*дь, скоро.

Или я больше никогда не увижу Макс.

ГЛАВА 2.

Доу

Никки была моей единственной верной подругой во всем мире.

И вроде бы я чертовски сильно ненавидела ее.

На самом деле Никки была проституткой, которая нашла меня спящей под скамейкой. В предыдущие ночи мне не удавалось укрыться от проливного дождя, и я пыталась уснуть там, при этом постоянно дрожа. Я уже несколько недель жила на улице и ни разу нормально не поела с тех пор, как сбежала из «лагеря отчаянных неженков». Так я называла приют, в котором меня оставили гнить. Я просто была уверена, что Никки хотела меня ограбить (или думала, что я уже была трупом), когда она подошла ближе и заметила, что я все еще дышала.

Честно говоря, для меня было удивительно, что она начала беспокоиться обо мне после того, как поняла, что я живее всех живых.

Ну, может, не совсем жива, но самое главное, что не мертва.

Через листочек, свернутый в трубочку, Никки вдохнула последнюю «дорожку» с желтой раковины, которая в ближайшие дни могла отвалиться от стены. На полу валялась туалетная бумага, а все унитазы были переполнены коричневой жижей. Сильнейший запах хлорки раздражал мой нос, будто кто-то пропитал помещение химикатами, предназначенными для устранения запаха, но никак не уборки.

Никки вздернула подбородок вверх к покрытым плесенью плиткам и зажала ноздри пальцами. Над нами гудела одинокая флуоресцентная лампочка, бросавшая тусклый зеленый свет внутри уборной заправки.

— Черт, какое же это хорошее дерьмо, — сказала она, бросая пустой кулечек на пол.

Никки стала водить кисточкой по засохшим и потрескавшимся губам, покрывая их блеском, который остался в почти пустом тюбике. Затем она мизинцем размазала толстую линию подводки под глазами и удовлетворенно кивнула своему отражению, напоминавшего енота вместо эффекта смоки-айз.

Я натянула рукав своего свитера на запястье и вытерла грязь с зеркала перед собой, замечая две особенности: трещины в виде паутины в углу и девушку, которую не узнавала.

Светлые белокурые волосы. Запавшие щеки. Воспаленные голубые глаза. Ямочка на подбородке.

Ничего из этого не было мне знакомо.

Да, понимала, что это я, но кем, черт побери, я была?!

Два месяца назад мусорщик обнаружил меня в переулке, где я буквально была прикрыта мусором и лежала в собственной крови среди мешков рядом с помойкой. Когда я с ужасной головной болью очнулась в больнице, врачи и полиция решили, что я беглянка. Или проститутка. А может, и то и другое. Офицер задавал мне вопросы, не пытаясь скрыть своего отвращения, и сообщил, что, вероятнее всего, какой-то там Джон (прим. пер.: под этим именем подразумевается неизвестный мужчина) обошелся со мной грубо и это был несчастный случай. Я уже открыла рот, чтобы возразить ему, но остановилась.

Он мог быть прав.

Ничего другого не имело смысла.

Ни кошелька. Ни документов. Ни денег. Ни других вещей.

Ни даже чертовой памяти.

Когда кто-то пропадает без вести, об этом сразу говорят в новостях, люди собираются вместе и организуют поисковые группы. Полиция распространяет ориентировки, зажигаются памятные свечи в надежде, что ты вернешься домой. Если твоё фото не показывают даже в новостях, значит, тебя никто не ищет. Такое бывает, когда *любимые* либо не знают о тебе, либо их просто не существует... Или, возможно, им плевать на вас.

Полиция подняла все дела по стране о пропавших без вести по штату, а потом и по стране, но ничего не нашлось.

Мои отпечатки пальцев не подходили ни под одно дело, и ни одна фотография не соответствовала моей внешности.

Именно тогда я узнала, что быть без вести пропавшей еще не означает, что по тебе скучают. По крайней мере не настолько, чтобы устраивать по этому поводу драму. Ни газетных статей. Ни новостей по телевизору. Ни заявления от семьи, которая ждала моего возвращения домой.

Возможно, была и моя вина в том, что меня никто не искал. Может, я была такой сукой, что мои близкие просто праздновали в тот день, когда я ушла.

Или сбежала.

Или уплыла вниз по реке в корзине, как гребаный Моисей.

Я, бл*дь, не знаю. Возможно все что угодно.

Не знаю, откуда я родом.

Не знаю, сколько мне лет.

Не знаю своего настоящего имени.

У меня было лишь отражение в зеркале в уборной на стоянке, и я понятия не имела, кто эта девушка напротив.

Без какой-либо информации о том, была ли я совершеннолетней или нет, меня отправили в «приют отчаянных», где пару недель я жила среди серийных онанистов и несовершеннолетних правонарушителей. Как-то раз проснувшись из-за того, что какой-то парень стоял около моей кровати, сжимая в руке свой член, я сбежала через окно в ванной. Единственное, что я захватила с собой, — это данную мне одежду и свое новое имя.

Они звали меня Доу.

Как Джейн Доу (прим. пер.: Джейн Доу — псевдоним, под которым подразумевается неопознанное тело или личность).

От настоящей Джейн Доу меня отличало лишь отсутствие ярлыка на ноге (прим. пер.: подразумевается ярлык на ноге тела в морге), потому что я, черт возьми, еще дышала. Крала, чтобы поесть. Спала везде, где можно было только укрыться от плохой погоды.

Попрошайничала около автострад. Копалась в мусорных баках за ресторанами в поисках еды.

Никки пробежалась пальцами с обгрызенными ногтями по своим рыжим жирным волосам.

— Готова? — спросила она.

Шмыгнув носом, она начала переступать с ноги на ногу, словно спортсмен перед забегом. Хотя это было далеко от истины, но я все же кивнула. Я не была готова, никогда не буду, но у меня не было шанса сбежать. На улицах было небезопасно, и каждая ночь на открытом воздухе несла очередную угрозу моей жизни. Не говоря уже о том, что я, если еще больше похудею, вероятно, не смогу постоять за себя. Так или иначе, мне была нужна защита от погоды и людей, которых можно встретить ночью на улице, прежде чем я стану реальной Джейн Доу.

Не думаю, что Никки испытывала чувство голода. Если учесть, что она принимала дозу на голодный желудок. Каждый Божий раз. У нее были ярко выраженные скулы и темные круги под глазами. Как бы печально это ни звучало, за то короткое время нашего знакомства я вообще не видела, чтобы она употребляла что-то, кроме кокса.

Я осуждаю ее за это, и мне от этого хреново. Но мой внутренний голос подсказывает, что Никки намного лучше, чем её поступки. Когда она не раздражала меня своим поведением, я чувствовала, что защищаю ее. Я постоянно боролась за свое выживание, и мне хотелось биться за нее, но проблема была в том, что она сама не хотела бороться за себя.

Я открыла рот, чтобы снова отчитать ее. Когда она повернулась ко мне, я собиралась сказать ей бросить кокаин и отдать преимущество нормальной еде и здоровью. И вот я стояла с открытым ртом, готовая выплеснуть эмоции, будто бы я была лучше, нежели она. Правда была в том, что я могла бы быть по колено в таком же дерьме до того, как потеряла память.

Я тут же оставила свое осуждение за стиснутыми губами.

Никки прошла по мне оценивающим взглядом.

— Думаю, ты готова, — сказала она, не скрывая дерзкой нотки недовольства в своем голосе.

Я отказалась от какого-либо макияжа или выщипывания всех бровей, чтобы на их месте нарисовать такую же тонкую линию, как и у Никки. Зато я вымыла волосы в раковине, используя сушилку для рук вместо фена. Пусть на моем лице не было макияжа, но так было нужно, потому что я, намерившись совершить подобное, была настроена сделать это по-своему, а не как Никки.

Да, я осуждающая сучка.

— Еще раз: как это должно быть? — спросила я.

Она мне уже объясняла это раз десять, но можно было повторить хоть десять тысяч раз, мне все равно не будет комфортно от этой затеи.

Никки поправила свои тонкие волосы.

— Серьезно, Доу, ты слушала, когда я говорила? — она раздраженно вздохнула, но все же продолжила: — Когда мы попадем на вечеринку, нужно лишь подцепить кого-нибудь из байкеров. Если ты ему понравишься, если он положит на тебя глаз, то все что потребуется от тебя — это греть его постель и всегда улыбаться, тогда какое-то время он будет держать тебя около себя.

— Я понятия не имею, смогу ли сделать это, — ответила я робко.

— Ты сможешь и сделаешь. И не нужно стесняться: им это не нравится. Кроме того, ты вообще не застенчивая, просто нервы шалят. Ты та еще штучка, если учесть твой синдром выскочки.

— Жутко то, что за столь короткое время ты обнаружила это во мне, — прокомментировала я.

Никки пожалала плечами:

— Верить или нет, но я просто неплохо читаю людей, а тебя слишком легко прочесть. Вот, например, сейчас ты очень напряжена. Это видно по тому, как сутулятся твои плечи, — она распрямила их. — Вот так намного лучше. Выпяти грудь вперед. У тебя ее особо нет, но, если откинешь плечи назад, парни смогут увидеть, как та торчит, а они такое любят.

Вот что это было. Мне надо было понравиться байкеру, тогда он будет меня защищать, надеюсь, достаточное количество времени, чтобы я успела придумать план Б.

— Худшее из того, что может случиться: он лишь ищет развлечение на одну ночь и просто бросит пару баксов, а потом выбросит тебя, — из уст Никки это звучало скорее как отдых, нежели проституция.

Я могла обманывать себя сколько угодно и думать, будто, утешая себя на улицах, не была такой, как Никки, но правда заключалась в том, что — неважно как я перекручивала факты — этот план делал из меня шлюху.

Тоже мне, Фемида гребаная.

Когда я начала ломать голову над другими вариантами, оказалось, что та была пуста, впрочем, как и мой желудок.

Никки толкнула дверь, и солнечный свет ворвался в комнату, разгоняя темноту, пока та качалась туда-сюда. Последний раз посмотрев на бесстрастное отражение в зеркале, я прошептала: «Мне очень жаль».

Приятно осознавать, что предыдущая я до потери памяти не знала, чем я намеревалась заняться сейчас.

Потому что я собиралась торговать ее телом.

И той душой, которая у меня еще осталась.

ГЛАВА

3

Доу

Я сидела на заднем сидении старенькой «Субару», принадлежащей какому-то лысому парню, мечтая стать временно глухой, дабы не слышать, как Никки отсасывала водителю. Он привез нас в Логанс-Бич, к дому, где проходила вечеринка. Когда мы наконец-то остановились, я тут же выскочила из машины как ошпаренная.

— Пока, детка, — сладко пропела Никки, вытерла уголок своего рта одной рукой, а другой помахала вслед уезжающему водителю. Когда тот скрылся из виду, она закатила глаза и сплюнула на землю.

— Меня сейчас стошнит, — сказала я, еле сдерживая рвотные позывы.

— Ну, я не слышала твоего предложения ему отсосать, чтобы он привез нас, — рявкнула

Никки, — так что закрой свой рот по этому поводу. Потому что мы попали сюда благодаря мне, разве нет?

«Сюда» включало в себя песчаную дорогу на краю собственности, которая поросла деревьями и была ограждена изгородью. Небольшая прореха в кустах позволяла проехать чему-то небольшого размера. Было темно, и по дороге к дому не было ни единого фонаря, отчего казалось, что та не закончится. Слабый запах рыбы наполнил воздух. Мой пустой желудок скрутило в тугой узел, и я прикрыла рот рукой, сдерживая тошноту.

Вдалеке виднелись мерцающие огоньки. Когда мы подошли ближе к зданию, то увидели, что это вовсе не электрический свет, а факелы, воткнутые в землю под странным углом и указывающие путь через траву к задней части дома.

Дом был трехэтажным и стоял на сваях. Все пространство первого этажа было открытым, заполненным блестящими мотоциклами и машинами, занимавшими практически каждый дюйм свободного места. На дальней стене виднелись две двери. На одной были засов и железная решетка, а к другой — через пару футов в сторону — вели две бетонные ступеньки, которые возвышали ее над землей. На остальных двух этажах балконы будто опоясывали дом вокруг, и свет мигал в каждом окне, озаряя тени людей внутри.

От громкой музыки земля подо мной дрожала, из-за чего капельки росы с высоких травинок падали мне на ноги.

— Здесь живут байкеры? — спросила я Никки.

— Нет, этот дом принадлежит парню, ради которого и закатали вечеринку.

— И кто же это? — поинтересовалась я, на что Никки только пожала плечами.

— Понятия не имею. Мне лишь известно со слов Скинни, что эта вечеринка в честь возвращения этого парня домой.

Скинни был нынешним парнем Никки и по совместительству ее сутенером.

Когда мы достигли заднего двора, я впервые увидела байкеров, и мой желудок снова скрутило. Я остановилась как вкопанная.

Они были там, стояли посреди двора вокруг ямы, где горел огонь, пламя и дым от которого достигали почти такой же высоты, как и дом. Я была настолько охвачена тем, что должна была сделать, что забыла остановиться и подумать, с кем мне нужно это проверить. Там было семь или восемь мужчин: несколько из них сидели в шезлонгах, в то время как другие стояли с пивом в руках. На всех были кожаные жилеты, украшенные различными нашивками МК. У некоторых под жилетом были рубашки с длинным рукавом, остальные же вообще ничего не надели под них. Девушки, напоминающие своими модными прикидами Никки, смеялись и танцевали вокруг огня. Одна девушка стояла на коленях и отсасывала парню, который говорил по телефону, направляя ее голову рукой.

Это всего лишь средство выживания.

Я повернулась, чтобы сказать Никки, что, возможно, нам нужно пересмотреть план, но она уже скрылась из виду. Окинув взглядом двор, я увидела ее с каким-то высоким парнем с рыжей бородой. На его голове была бандана с американским флагом.

Сильные руки обняли меня за талию сзади и притянули к твердой стене мышц. Моей естественной реакцией было сбросить его, но он, как только я попыталась вырваться, еще крепче прижал меня к себе. Его горячие дыхание пахло чесноком и алкоголем, поглощая всякие ощущения, когда он прижался своими губами к моей шее.

— Эй, крошка. Я готов к вечеринке. Как насчет тебя? — он схватил мое запястье и со всей силы заломил мне руку за спину, так что у меня точно теперь был вывих. Он притянул

мою ладонь к своему паху, и начал двигать ею вверх-вниз по своей внушительной эрекции. — Хорошее ощущение, не так ли, малыш?

Я раскрыла свой кулак и схватила его за яйца, сжимая их со всей силы.

— Ах ты, сука! — вскрикнул он.

Отпустив меня, он упал в траву на колени. Затем полностью свалился на землю, подтягивая колени к груди. Я, не теряя времени, помчалась вверх по лестнице, напрямик в дом.

— Долбаная сука! Ты, бл*дь, заплатишь за это! — слышалась его ругань вдалеке, тогда как я забегала в дом, проскальзывая между группами людей.

Я бежала вверх по первой попавшейся лестнице, пока не достигла третьего этажа, где стала дергать ручки всех дверей, расположенных вдоль узкого коридора, но те все были закрыты. Когда я уже потеряла всякую надежду, последняя дверь оказалась открытой.

Даже не сделав и шагу в комнату, я поняла, что та, несмотря на темноту, не была пуста.

Небольшое количество неоновой краски на стенах придавало помещению вид, будто оно светилась. Разглядеть многое не удавалось, но я смогла различить два тела в центре комнаты. На первый взгляд казалось, что один человек стоял позади лежащего второго. Заняло всего секунду, чтобы все понять, и не было сомнений, чем это было.

Шлепки кожи по коже. Стоны. Запах пота и чего-то еще. Казалось, я стояла тут уже вечность, а не каких-то несколько секунд. Я должна была уйти в тот момент, когда поняла, что комната была занята, но оторваться от разыгравшейся передо мной сцены было выше моих сил.

Я встретила взглядом с парой привлекательных глаз. Под искусственным освещением они сияли ярким зеленым цветом. Мужчина смотрел прямо на меня, и к моему удивлению, даже не отвернулся и не моргнул. Все быстрее и быстрее его бедра бились о бедра девушки. Его взгляд по-прежнему прожигал меня, пока парень снова и снова наказывал девушку толчками. Закрыв глаза, он запрокинул голову назад, издавая при этом продолжительный гортанный стон, и тогда наша зрительная связь оборвалась.

Мужчина рухнул на девушку и ослабил хватку на ее шее. Он душил ее? Она стонала, когда я только вошла сюда, но после этого замолчала.

Намертво замолчала.

Тут же я вспомнила, что у меня есть ноги, поэтому, закрыв дверь, понеслась вниз по лестнице. Спрятавшись за водонагревателем под домом, я просидела целый час рядом с машинами и мотоциклами, пропуская песок через пальцы, и пришла к заключению о том, в каком дерьмовом направлении двигалась моя жизнь. Как бы сильно мне ни хотелось сорваться с места и свалить этой ночью, я не могла уйти далеко. Мой непреодолимый страх темноты держал меня в плену у этого дома, где я, возможно, только что стала свидетелем убийства, но, по крайней мере, нашла свет.

Страх чертовски мешал моим предпочтениям.

Именно этот страх и урчащий желудок, вызывающий головокружение, напоминали мне о том, почему я оказалась в этом месте.

Основы выживания.

Я в отчаянье, а у отчаянных людей нет изобилия выбора.

Я сделала глубокий вдох. Мне надо было сделать то, что я должна была, даже если и не знала, что это. Хочу сказать, что прекрасно представляю, как это делать. Но мой мозг был как автомобиль, пробег которого сбросили до нуля. Полная потеря памяти, а я собиралась

заполнить её мерзостью и грязью.

Возможно, я была бездомной и голодающей, но у меня все же была мечта убраться с улиц и однажды обрести нормальную жизнь. Жизнь с мягкой кроватью и чистыми простынями. И как только мне не придется заботиться о своей безопасности и пустом желудке, можно будет сосредоточиться на поисках правды о том, кто же я на самом деле такая.

Я дала себе обещание прямо здесь и сейчас, что нужно сделать все, а затем я буду думать об этом. Это будет небольшим темным пятном в моей жизни, но я поклялась никогда не заикливаться на нем.

Я встала и отряхнула с себя всю пыль, начиная внутренний диалог с собой. Я собиралась это сделать. И у меня получится. Я собиралась притвориться, будто знала, что делала, будто не боялась, но притворяться, словно не умираю от страха, было для меня не в новинку с того самого дня, как проснулась без понятия, кто я такая.

Я стану шлюхой байкера, потому что это то, что мне нужно сделать. Стану канатоходцем, если это необходимо для того, чтобы остаться в живых.

С обретенной решимостью я пошла напрямиком к костру, по пути схватила пиво из кулера и открыла его. Прохладная жидкость оцарапала мое сухое горло. Я подходила то к одному, то к другому байкеру с девушками, заполучившими их внимание. Мне даже стало интересно наблюдать за девицей, оседлавшей байкера, который превосходил ее в весе фунтов на сто (прим.: 40 кг).

Меня заинтриговал взгляд на ее лице. Улыбка словно говорила: «Твой член прекрасно скользнет глубоко в мое горло». Я изобразила ту же улыбку, надеясь, что этого хватит для привлечения внимания и кто-то клюнет.

Кто-то, кто мог бы помочь мне выжить.

***

— Эй ты, — прозвучал глубокий голос у моего уха.

Когда я обернулась, первым делом мне бросилась в глаза стена из кожи с белыми патчами на ней. Одна из них гласила «ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ», а вторая «ПЛЯЖНЬ УБЛЮДКИ». У человека в этом жилете были длинные светлые волосы, свисающие с одной стороны головы, тем самым оставлявшие открытым выбритый висок. Мужчина также носил бороду — не щетину, а настоящую бороду — которая была несколько дюймов в длину и выглядела очень ухоженно. Ростом выше шести футов (прим.: 182,88 см), он был худым, но каждая мышца была словно высечена. Я не могла сказать, какого цвета были его глаза, потому как веки парня были опущены и слегка покраснели. Вся его шея была усыпана цветными татуировками, и когда он закурил сигарету, я заметила, что и его руки тоже были в рисунках.

— Эй, — сказала я в ответ, пытаюсь отстоять свою только что найденную уверенность.

Парень был запредельно привлекательным. Он был великолепен. Если мне предстояло оказаться в чьей-то постели, то его оказалась бы неплохим вариантом. Он шмыгнул носом, притягивая внимание к светлым следам от порошка в его ноздрях.

— Меня называют Медведь. Ты кому-то принадлежишь? — спросил он соблазнительно, приближаясь ко мне.

— Возможно... тебе? — я поморщилась от сказанных мною слов.

Из всех долбанных слов, которые я могла сказать, ЭТО единственное, что пришло мне в

голову? Гребаный чертов рот. Никки была права. Я сначала говорю, а уже потом думаю.

Медведь хохотнул:

— Я бы с удовольствием, красотка, но у меня кое-что другое на уме.

— Оу, правда? И что же это? — уточнила я, пытаюсь придать своему голосу больше непринужденности, хотя мой мозг и сердце мчались наперегонки.

— Эта вечеринка? Она для моего приятеля. И он пробыл здесь всего тридцать минут, после чего ушел наверх к себе топиться в бутылке Джека. Он как кот на дереве: никто не может уговорить его спуститься вниз. Это и понятно, если судить по тому, где он побывал, но я надеюсь, ты сможешь мне в этом помочь.

Пальцами он поддел мою юбку спереди и притянул ближе к себе, пока я не уперлась своими твердыми сосками в его грудь. Медведь провел пальцами над моей лобковой костью, в то время как я пыталась сдержаться, кусая нижнюю губу.

— Клубные сучки МК не в его вкусе, — он запнулся, когда увидел непонимающее выражение на моем лице после названной им аббревиатуры. — Сучки «Пляжных Ублюдков», — пояснил он. — Но ты? Ты новенькая. Ты другая. У тебя есть эта невинность в глазах, но я знаю, что ты не такая и не пришла бы на подобную вечеринку, не будучи заинтересованной. Думаю, ты ему понравишься, — Медведь коснулся своими губами моей шеи. — Так что, может, сходишь туда. Сделай его счастливым для меня. Подари ему немножко счастья, когда обернешь эти чудесные губки вокруг его члена. А затем, когда закончишь, верни его сюда, к цивилизации. И возможно, позже, если будешь хорошей девочкой, делая то, что тебе велят, мы сможем вернуться в клубный дом и повеселиться, — он провел зубами по мочке моего уха. — Думаешь, сможешь сделать это для меня?

— Да... Да, я смогу это сделать, — произнесла я.

Мою кожу покалывало от его прикосновений. Я смогу это сделать.

Думаю, смогу.

— Кстати, как тебя зовут? — рука Медведя медленно путешествовала по моей ноге под юбкой и остановилась на ягодице, которая теперь была видна всем, кто смотрел в нашу сторону.

— Доу. Меня зовут Доу, — выдохнула я.

— Подходит, — ответил он, посмеиваясь. — Ну, моя невинная малышка Доу, — Медведь наклонился ко мне слишком близко и удивил меня, запечатлев нежный поцелуй в уголке моего рта. Его губы были такими мягкими, и от него пахло стиральным порошком вперемешку с ликером и сигаретами. Я уже начала думать, будто этот поцелуй означал, что он передумал и не хочет отправлять меня к своему другу, но я ошибалась. Он резко отстранился и, удерживая за плечи, развернул меня лицом к лестнице. Он шлепнул меня по заднице, толкая вперед. — Вверх по лестнице, дорогая. Последняя комната в конце коридора. Будь умницей для моего мальчика, и позже мы с тобой сможем поиграть, — сказал он, подмигивая мне.

Когда я уже поднималась по лестнице, обернулась и одарила его фальшивой улыбкой. Я надеялась, что парень в конце коридора будет похож на Медведя, потому что, возможно, это не будет настолько плохо. И вот тогда меня настигла мысль, заставившая бороться со слезами, хлынувшими из глаз с силой, которая почти поставила меня на колени.

Я официально продала себя, и цена этому была намного больше любой суммы в долларах.

ГЛАВА 4.

Доу

Бум. Бум. Бум. Бам-бум.

Трудно было сказать, где заканчивался бас и начинался мой пульс.

Я вытерла ладони о потрепанную юбку, которую достала из корзины с благотворительностью от «Гудвил», и лавировала сквозь толпу тел, ритмично танцующих рядом друг с другом. Плотный слой дыма как ловушка возвышался под низким потолком. Толпа тусовщиков танцевала подобно роботам и двигалась по кругу под мерцающим светом на каждом свободном дюйме.

В темноте, лишь с мерцающим над головой светом, я прошла вверх по лестнице и, как сказал Медведь, к двери в самом конце коридора.

Двери к моему спасению.

Двери в мой ад.

Я повернула ручку, и раздался скрип. Единственным источником света в комнате был включенный телевизор, который висел на дальней стене в беззвучном режиме. Тяжелый запах марихуаны витал в воздухе.

— Эй? — пропищала я в темноту и поняла, что попытка быть смелой и сделать мой голос более сексуальным потерпела неудачу.

Глубокий грубый голос нарушил тишину, его слова прошлись вибрацией до самых моих глубин:

— Закрой эту долбаную дверь.

Пробравшись в каждую щелочку моей души и тела, меня охватило совершенно новое ощущение, отчего волосы на затылке встали дыбом. Я ожидала, что почувствую себя неуверенно, начну нервничать и даже паниковать.

Но чувство, которое я ощутила, было гораздо больше.

Это был страх.

Сердце билось словно бешеное. Пульс грохотал. Красный сигнал тревоги. Страх.

Мне хотелось развернуться и убежать, но я сомневалась, что мои дрожащие ноги смогут далеко меня унести, однако мысли о моем побеге были тут же прерваны.

— Дверь, — скомандовал снова голос.

Я не сдвинулась ни на дюйм. Но как бы мне ни хотелось убежать, безрассудство толкало меня вперед.

Я закрыла дверь позади себя, и хаос по ту сторону исчез с одним щелчком замка, убивая шум так же, как и возможность того, что кто-то услышит мои крики о помощи.

— Где ты? — спросила я нерешительно.

— Здесь, — отозвался голос, не давая понять, где именно «здесь».

Я сделала глубокий успокаивающий вдох, а затем пошагала к телевизору, пока не оказалась достаточно близко, чтобы суметь разглядеть очертание кровати, которая стояла посреди этой небольшой комнаты, и пару ног, свисающих с края.

— Эм, добро пожаловать домой? Меня прислал Медведь.

Может, разговоры дадут время моему сердцу и телу успокоиться. Но осознание того, что я собиралась сделать, превратило меня в дурочку и заставило замереть на месте перед этой

тенью.

Проигнорировав мою жалкую попытку заговорить, он переместился на край кровати. Хотя я и не была в состоянии разобрать черты его лица, но могла сказать одно: он был довольно крупного телосложения.

Мужчина сел и потянулся вперед. Я приготовилась к прикосновению, но ничего не произошло. Вместо этого он схватил бутылку с прикроватной тумбочки позади меня, поднес ее к губам и сделал долгий, медленный глоток. Тишину комнаты пронзил звук его действия.

Я снова потеряла руки о свою юбку, надеясь, что в темноте не будет заметно, как от нервов вспотели мои ладошки.

— Я заставляю тебя нервничать? — спросил он, словно прочитал мои мысли.

Я могла уловить свежий запах виски в его дыхании.

— Нет, — ответила я на выдохе, и эта ложь комом застревала в горле.

Огромной рукой он грубо сжал мою талию, притягивая меня к себе между ног. Его пальцы впились в мои бедра, и я завизжала от неожиданности.

— Никогда не ври мне, девочка, — прорычал он без намека на игривость.

У меня застыла кровь в жилах. Мое сердце бешено стучало. Он сделал еще один глоток из бутылки и наклонился вперед, чтобы поставить ее на место. В этот раз, когда он приблизился, его движения стали медленнее. Он потерся своей щекой о мою, и я почувствовала щетину на его лице: недостаточную, чтобы быть бородой, но длиннее трёхдневной. Неожиданное покалывание возникло в позвоночнике, и мне пришлось бороться с желанием коснуться его лица.

— Ты всегда игнорируешь людей, когда они задают тебе вопрос?

Да. Да, он заставлял меня нервничать. Парень тревожил меня, и поэтому я стояла там молча. Я не ожидала этого. Думала, просто разведу ноги перед каким-то пьяным придурком, и он поймет меня в этой комнате.

Вместо этого я стояла в темноте, зажата между бедер человека, которого едва видела, но и этого было достаточно для того, чтобы мурашки побежали у меня по спине.

— Я приму твое молчание как знак того, что ты хочешь пропустить светскую беседу, — он схватил меня за плечи и надавил на них. Я попыталась воспротивиться, но мои руки оказались на его бедрах, а колени ударились об пол. — Вот так намного лучше.

«Ты сможешь это сделать. Ты сможешь это сделать. Ты сможешь это сделать».

— Отсоси мне, — скомандовал он, откидываясь на кровати и опираясь на свои локти.

Я провела руками вверх по его бедрам, пока не нашла ремень. Медленно расстегнув бляшку, мои пальцы коснулись разгоряченной кожи его живота. Мышцы его пресса напряглись под моими пальцами, и сквозь сжатые зубы он втянул воздух. Я провела дрожащими руками по его прессу, пытаюсь обрести контроль. Но, добравшись до его ширинки, заколебалась.

Отчаянные люди.

Отчаянные поступки.

Я старалась унять дрожь настолько, насколько это было возможно, а затем не спеша потянула молнию вниз. Стремясь успокоить свое сбивчивое дыхание, я закрыла глаза, молясь о том, чтобы не потерять сознание прямо здесь и не упасть ему на колени. Я надеялась, что, закрыв глаза, смогу перенестись отсюда в зону комфорта, подальше от того, что собиралась сделать.

Расстегнув молнию до конца, я захотела спустить джинсы, и в этот момент его голос

прогремел надо мной как пушечный выстрел. Я удивленно отпрыгнула назад и приземлилась на свою пятую точку.

— Какого ХРЕНА? — взревел он.

С зажмуренными глазами я не могла видеть, как он включил лампу сбоку, но, открыв их, уставилась в пару красивых зеленых глаз, наполненных ненавистью. Они прожигали меня насквозь, будто я являлась причиной всех бед в мире.

Знакомые глаза.

Он оттолкнул мои руки от своего паха и схватил за запястья. Мужчина резко поднял меня на ноги, прижимаясь твердой грудью к моей.

— Я входила ранее, когда ты занимался сексом с какой-то девушкой, — выпалила я, мгновенно пожалев о сказанном. Черт бы побрал меня и мою долбаную привычку болтать до того, как подумать.

Плотно обтягивающая черная майка прекрасно демонстрировала внушительные мышцы его тела. Несчетное количество цветных татуировок украшало одну сторону его шеи, груди и плеч, продолжая свой путь вниз по обеим рукам, тыльным сторонам ладоней и заканчивая костяшками пальцев. Он носил браслеты, которые были похожи на кожаные ремни с металлическими заклепками и были обернуты вокруг его запястий и предплечий. Темные волосы были коротко подстрижены, небольшие черные сережки виднелись в ушах. Шрам пересекал правую бровь. Щетина на квадратной челюсти четко указывала на то, что к ней не прикасались несколько дней.

Я думала, что он был огромным, когда вбивался в ту девушку на столе. Даже увидев его простой тенью, я знала, что он был большим, но на самом деле представить не могла размеры стоящего передо мной мужчины.

Этот парень не походил на тех, кто водится с плохими людьми.

Этот парень и был одним из тех плохих людей.

— Ты? — спросил он.

Его ноздри раздувались, когда он смотрел на меня сверху вниз. Не знаю, чем я его так разозлила, но хватило одного взгляда на этого мужчину при свете, чтобы начать бояться его еще больше в темноте. Лучше бы я послушала свой внутренний голос и сбежала, когда у меня был шанс.

— Очевидно, ты не знаешь, о каком дерьме идет речь, иначе не назвала бы увиденное сексом.

— Я знаю, что видела, — заверила я.

— Нет, не знаешь, потому что с ней не было никакого секса. Я *трахал* ее, — то, как он произнес слово «трахал», наслало наводнение в мои трусики.

«Ты глупышка. Твой мозг точно свихнулся, потому он не тот мужчина, который должен вызывать такую реакцию».

— Кто ты? — спросил он.

— Никто, — ответила я честно.

Мое сердце сжалось от боли, когда я услышала слова, слетевшие с моих губ.

— Ты не одна из долбанных шлюх байкеров, — резюмировал он.

Мужчина склонил голову набок, пока смотрел на меня сверху вниз. Он словно изучал меня, пытаюсь выяснить, кто я такая. Взгляд мужчины задержался на моем рте, когда он облизал губы.

— Ты не знаешь меня, — выплюнула я и попыталась сделать шаг назад, но он не

отпускал.

— Нет, не знаю, но байкерские шлюхи не дрожат как осиновый листок и не задыхаются от нехватки воздуха, собираясь отсосать.

Он сильно сжал мои запястья, и боль пронзила руки.

— Отпусти меня!

Я тщетно дернула свои запястья из его хватки. Мне нужно было срочно выбраться отсюда, но он еще крепче сжал меня, подталкивая назад до тех пор, пока мой затылок не встретился со стеной.

— Так ты говоришь, что делала это и раньше? И знаешь, чего хотят парни вроде меня? Что умеешь сосать и трахаться подобно профессионалке? — он провел указательным пальцем по моей щеке, в то время как я пыталась игнорировать тепло, пробуждающееся от его прикосновения. — Думаешь, сможешь позаботиться обо мне, щенячьи глазки? Хорошо. Продолжим с того, на чем мы остановились, — он приложил мою ладонь к своей выпуклой эрекции, отчего волосы на моем затылке встали дыбом. — Ты разве не собираешься показать, как можешь заставить меня кончить? — дразнил он, его теплое дыхание коснулось моего уха, хотя от самих слов веяло холодом. Ужасом. Я могла слышать, как кровь бежала по моим венам, а сердце билось сильнее и сильнее. — Ты уже заставила меня кончить один раз сегодня ночью.

Я посмотрела на него, хмурия брови:

— Это ложь. Я едва касалась тебя.

— Нет, не сейчас. Когда ты видела меня раньше с той девушкой. Ты стояла в дверях и наблюдала за нами. Понравилось то, что увидела? Понравилось смотреть, как я кончал для тебя?

— Ты слишком высокого мнения о себе. Я осталась не для того, чтобы наблюдать за тобой. Я просто была удивлена. Ты практически ее душил, и я должна была остаться, чтобы посмотреть на это?

Его руки схватили меня за горло и сильно его сжали, перекрывая мне воздух настолько, что я не могла вздохнуть.

— Ты это имеешь в виду? — поинтересовался он, глядя в мои глаза, пока я пыталась скрыть тревогу во всем своем теле.

Он просто упивался моим страхом.

— Да пошел ты, — выплюнула я, собрав все свое мужество в кулак.

Он играл со мной, и да, я боялась, но не была слабачкой.

— Знаю, ты хотела быть на месте той девушки. Ты хотела быть на месте той, в кого я вколачивался членом. Я видел, каким взглядом ты смотрела на меня, и это заставило меня взорваться. И я вижу, как ты смотришь на меня сейчас. Даже страх в твоих глазах не может скрыть твоего желания.

— Ты ошибаешься. Я не смотрю на тебя так.

— Нет? Тогда ответь, что ты на самом деле думаешь, когда смотришь на меня. Прямо сейчас. Какие мысли в данный момент витают в твоей милой головке?

— Я думала о том, что на такого, как ты, стыдно тратить даже один-единственный взгляд.

Он улыбнулся лишь уголком рта и сжал мое горло сильнее, наклоняясь вперед настолько, чтобы его щека прижалась к моей; слова вибрацией прошли по моей коже:

— Сколько тебе лет, зверушка?

— Какая тебе нахрен разница? — рыкнула я сквозь сжатые зубы.

— Я только хочу знать, совершеннолетняя ли ты.

Он отстранился и окинул взглядом мое тело, изучая его. Отпустив мое горло, он тут же одной рукой сжал мне запястья и поднял их над моей головой. Мужчина запустил свой мозолистый палец в вырез моей майки и лениво провел им по округлости груди. От его прикосновений мурашки побежали по моей коже.

Я резко вздохнула.

— Я видела все произошедшее там дерьмо, — ответила я, указывая своей головой в сторону двери. — Будто тебе не насрать на закон, — от волнения мое дыхание ускорилося.

— Мне насрать, — усмехнулся он. — В действительности я надеюсь, что ты *несовершеннолетняя*, — он прижал руки к стене по обеим сторонам от моей головы, накрывая меня своим большим телом и прижимаясь своей эрекцией к моему животу, — потому как я чертовски люблю все незаконное.

Я ахнула, отчего мои легкие наполнились тяжестью. Скривившись в его хватке, я не могла понять, чего хочу больше: то ли прижаться к нему, то ли выбить из него все дерьмо. Он, вероятно, почувствовал мою нерешительность, потому что, посмотрев мне в глаза, покачал головой.

— Смелее, щенячьи глазки. Но я бы не делал этого на твоём месте, — выражение его лица было суровым, глаза, темные и опасные, блестели от удовольствия во взгляде. Он прижался своим лбом к моему и сделал вдох. — Ты и я могли бы хорошо повеселиться, щенячьи глазки, — он покачал головой, и только теперь я заметила темные круги под глазами, а также то, насколько его веки были красными и припухшими.

Он выглядел утомлённым. Но эта усталость не имела никакого отношения к усталости после долгого трудового дня, и брала она свое начало в том, чего не исправишь никаким количеством сна или кофе. Усталость, причина которой была не в отсутствии отдыха, а в наличии тревоги.

Я знала это, потому что сама была такой же.

Он отпустил меня и сделал шаг назад. В момент, когда его угрожающая фигура покинула мое личное пространство, я почувствовала холод из-за его ухода.

Он схватил с тумбочки бутылку и направился к двери.

Я же стояла у стены, словно к ней приросла. Челюсть плюхнулась на пол.

Какого черта сейчас было?

— Ты уходишь? — спросила я.

Мое облегчение смешалось с чувством разочарования.

Он уже приоткрыл дверь, но после моих слов его ладонь замерла на ручке. Музыка тут же проникла в образовавшуюся щель, нарушая мертвую тишину комнаты тяжелым битом.

— Это был чертовски длинный день, и ты застала меня не в самое лучшее время. Сколько бы невинности в тебе ни было, она делает мой член твердым, но я не бываю нежным, поэтому радуйся моему уходу, — он сделал глоток из бутылки и в последний раз окинул взглядом мое тело, которое все еще было прижато к стене. — Три года назад я бы не стал думать дважды, чтобы трахнуть тебя до потери рассудка.

А затем он ушел.

Что это, черт побери, значит?

Желудок прервал мои мысли своим громким урчанием. Закручивающая боль сведет меня с ума. Я обняла себя в попытке уменьшить ее. Я искала еду, как только оказалась здесь,

но все столы внизу были заставлены лишь пивом и бутылками с алкоголем. На журнальном столике не было ничего, за исключением зеркала и множества белых дорожек на нем, кредитной картой их разделял какой-то мужчина, старый настолько, чтобы быть дедом.

Стук в окно заставил меня подпрыгнуть.

— Впусти меня, сучка! — прозвучал откуда-то голос.

Никки.

Я направилась к окну, чтобы его открыть. Никки перелезла и, оказавшись в комнате, свалилась на пол. Ее грязные рыжие волосы прилипли ко лбу от пота, а потрепанное старое пальто из меха, бывшее раньше белым, а теперь ставшее серым, небрежно свисало с одного плеча.

— Как ты узнала, где я? — спросила я.

Я не видела Никки с тех пор, как она бросила меня пару часов назад, когда мы попали на вечеринку.

— Этот парень, Медведь, мне рассказал. Я хотела оседлать его лицо, но он сел на свой байк и укатил с какой-то цыпочкой, которая похожа на Тайру Бэнкс.

«Ну, не такой уж и плохой вариант».

Я помогла Никки подняться с пола.

— Ну и как это было? Как он? Я видела его внизу чуть раньше, и он чертовски горячий парень, — она поправила ремень висящей на ее плече сумочки. — Ты сделала ту штуку с языком, как я тебя учила? — спросила она меня с таким волнением, будто интересовалась, как я прокатилась на колесе обозрения на карнавале. — Ты заставила его кончить? А он тебя? Я хочу знать все подробности.

Из меня вырвался вздох облегчения и разочарования одновременно.

— Нет. Никто ничего не сделал. Он просто... Ушел.

Никки окинула меня взглядом с головы до ног, и эйфория на ее лице сменилась раздражением:

— Неудивительно, что он ушел. Черт побери, видела, на кого ты похожа? Я никогда в таком виде не пустила бы тебя к нему.

Я посмотрела на свою серую майку, которую завязала в узел на спине, чтобы та стала более облегающей, и на потрепанную юбку, которая когда-то, видимо, была покрыта блестками. Я прекрасно понимала, что не выгляжу на все сто, но и денег у меня не было, чтобы выглядеть великолепно.

Ну, или хотя бы хорошо.

Никки покачала головой, яростно жестикулируя руками и указывая на мое тело:

— Ты выглядишь как малолетний ребенок, играющий в песочнице со старой одеждой своей мамочки.

Она шмыгнула носом и поправила джинсовую юбку, едва прикрывающую ее ягодицы. На ее зеленой майке — прямо над правой грудью — было пятно от отбеливателя.

— Это уже не имеет никакого значения. Он ушел, — сказала я разочарованно. — Давай отсюда выбираться.

Я должна была хорошенько подумать и разработать новый план.

План, согласно которому я буду держаться подальше от Никки.

— Не так быстро, крошка. Чего спешить? — она подошла к двери и закрыла ее на замок. — Давай-ка посмотрим, что мы здесь сможем найти, — произнесла она игриво.

Никки открывала ящики комода один за другим и осматривала их содержимое,

отбрасывая носки и футболки в сторону.

— Какого черта ты делаешь? — спросила я. — Нам нужно уходить прямо сейчас. Если бы ты видела лицо того парня, то была бы уже на полпути к границе штата.

— Цыц! Ты вся такая чертовски драматичная. Чего ты так торопишься? Кроме того, здесь есть кондиционер, — ответила Никки, обмахивая подмышки рукой.

Она взяла фото в тонкой пластмассовой рамочке и повернула ту ко мне.

— Сладкая малышка, да? — она пробежалась пальцами по изображению маленькой белокурой девочки с кудряшками, которая улыбалась в камеру.

Впервые с нашей встречи с Никки я увидела улыбку на ее лице и скрывающуюся за ней печаль. Она покачала головой, поставила фото и, открыв нижний ящик, начала рыться в каких-то бумагах.

— Твою же мать, БИНГО! — закричала Никки.

Она вытащила из ящика огромную пачку денег, перевязанную фиолетовыми резинками. Никки помахала ими в воздухе, и от одного взгляда на них мой желудок скрутило еще сильнее. На эти деньги можно купить много еды.

На них можно купить билет в новую жизнь.

Эта мысль исчезла так же быстро, как и пришла. Потому что я ни за какую цену не стану их красть.

Я ни за какую цену не буду красть у НЕГО.

Может, я и была отчаявшейся, но не самоубийцей.

Кто-то начал дергать дверную ручку, после чего раздался громкий стук в дверь.

— Какого хера? — послышался голос с обратной стороны двери. — Почему она закрыта?

— Нам нужно уходить! — закричала я.

Никки схватила другую пачку денег из ящика и бросилась к окну, при этом потеряв несколько купюр и оттолкнув меня в сторону, хотя я собиралась пропустить ее вперед.

Как только Никки перекинула одну ногу через окно, дверь слетела с петель, отчего много щепок разлетелось вокруг. В проеме показался Медведь, человек, который, собственно, и прислал меня сюда. Я даже моргнуть не успела, а он уже заметил пустой ящик, разбросанные вещи и купюры на полу. И, естественно, открытое окно, из которого почти уже вылезла Никки.

Медведь сделал шаг внутрь комнаты. Никки залезла в сумку и достала небольшой пистолет — о нём я и понятия не имела.

— Стой где стоишь! — крикнула она, целясь в его грудь.

Он удивленно приподнял бровь, но остановился и уставился на Никки.

— Уверена, что хочешь это сделать? — спросил мужчина.

В его голосе не было и намека на страх, скорее вопрос прозвучал так, словно он насмеялся над ней. Дразнил ее. Казалось, ему было плевать, что пистолет направлен прямо на него.

Зеленоглазый мужчина появился в дверном проеме, и мое сердце замерло в груди. На его лице появилась ухмылка после того, как он оценил состояние комнаты и посмотрел на Никки. Он сделал медленный уверенный шаг по направлению к ней, проходя мимо Медведя.

— Стой на месте, черт возьми, иначе я, бл*дь, выстрелю! — ее голос дрогнул, когда он подошел.

— Ну так стреляй, — смело заявил он, устремляясь к ней.

Никки повернулась ко мне, а рука, в которой был зажат пистолет, дрожала. На ее лице застыли противоречивые эмоции — в глазах стояли слезы.

— Мне так жаль, — произнесла она.

И в этот момент Никки нажала на спусковой крючок.

Ранящий слух треск коснулся моего левого уха, будто кирку вонзили в ледяную глыбу.

Не знаю, как оказалась на полу, но я лежала с подтянутыми к груди коленями. Мои глаза были закрыты. Руками я закрывала уши, мне хотелось, чтобы этот звон прекратился. Когда он начал стихать, сильные руки перевернули меня на спину. Моя голова с глухим звуком стукнулась об пол, словно была тяжелым грузом.

— Рыжая ушла, — сказал Медведь, касаясь экрана своего телефона пальцем. — Я послал Кэша и Тэнка найти ее, а также пустить молву среди местных. Город слишком маленький, чтобы она смогла незаметно убежать далеко. Мы поймаем ее рано или поздно.

Зеленые глаза были в нескольких сантиметрах от моего лица, и я могла видеть, как пульсировала вена на его шее.

— Кажется, я ошибался. Ты шлюха. Маленькая шлюха-воровка, — он, наверное, заметил мой растерянный взгляд и убрал мои руки от ушей, чтобы я могла его услышать. — Слушай ты мелкая еб*ная сука...

Он запнулся на середине предложения и посмотрел вниз, туда, где удерживал своими руками мои, и мой взгляд последовал за его. Липкая красная жидкость покрывала мои ладони. Он схватил меня за подбородок и повернул мою голову в одну сторону, затем в другую. Когда парень коснулся места над моим ухом, резкая боль тут же пронзила шею, и тогда я закричала.

— Бл*дь, — сказал он, и теперь его пальцы, как и мои ладони, были покрыты чем-то красным.

Это что, кровь?

Медведь стоял в стороне, скрестив руки на груди. Я открыла рот, чтобы спросить, что случилось, но так и не смогла ничего произнести.

Двое мужчин обменялись несколькими словами, но я не смогла их разобрать. Темнота окружила все в комнате, и секунда за секундой я все больше и больше тонула в этом тоннеле мрака. От боязни темноты мой пульс ускорился, однако, как только я сосредоточилась на красивом гневном лице мужчины надо мной, меня накрыло ощущение жуткого спокойствия.

— Я даже не знаю твоего имени, — прошептала я.

Мне удалось оставаться в сознании достаточно долго, чтобы услышать его ответ:

— Меня зовут Кинг.

А затем меня окружила и поглотила полностью тьма.

ГЛАВА 5.

Кинг

За все двадцать семь лет моей гребаной жизни я не был так зол, как сейчас. Мало кто из тех, кому довелось ощутить на себе злость Брэнтли Кинга, до сих пор ходит по этой земле.

А еще меньше из тех, кто выжил, хочет говорить об этом.

И к тому же сколько лет было этой девчонке? Семнадцать? Восемнадцать?

Я не знал ее настолько хорошо, чтобы ненавидеть, но все же мне до боли хотелось обхватить руками ее горло и придушить. А еще лучше снять один из тех ремней, что я постоянно носил на своих запястьях, и затянуть на ее шее. Мне было нужно, чтобы она почувствовала всю мою злость, пока я выжимаю жизнь из ее костлявого тела, словно сок из лимона.

Я хотел выместить на ней все мое разочарование, но я был зол не только на нее. Я был зол на себя.

Я всегда очень серьезно относился к системе безопасности, но сегодня, когда Преппи отдал мне сверток денег, я просто положил его в ящик тумбочки.

Ящик гребаной тумбочки.

А ведь три года назад он поставил сейф на моем чердаке и уже трижды сменил код.

Когда я пересекаю границу между сверхосторожностью и безрассудной легкомысленностью?

Мне надо было оставить кого-то присмотреть за дверью. У меня уже были враги, когда я сел в тюрьму, но их стало гораздо больше, стоило мне выйти. Вместо этого я все забыл и просто-напросто оставил девчонку одну в моей ё*аной комнате. А должен был вышвырнуть ее оттуда на хер в ту же секунду, когда решил, что не собираюсь ее трахать.

Что тоже было не похоже на меня.

Я что, не трахнул ее только потому, что она боялась меня? Или потому, что она казалась наивной и невинной? Не говоря уже о том, что у меня не только встал на нее, но и я чуть не кончил в джинсы от одного вида того, как ее руки дрожали над моей ширинкой, пытаюсь ту расстегнуть. Я уверял себя, что не притронусь к ней, потому что мне нужна девушка, которая займется со мной сексом как профессиональная шлюха. К тому же мне нужно было выместить на ком-то агрессию, которая превращала меня в идиота.

Но девушка оказалась фальшивкой.

Какое-то чувство внутри меня, что я по ошибке мог принять за совесть, просило не пользоваться ситуацией. Стоп. Нет. Это что-то просило меня не пользоваться ею. Если я правильно прочитал эмоции на ее лице, то в момент, когда я вышел из комнаты, ее щеки пылали румянцем от страха, смущения, злости и даже от легкого желания, что превратилось в пытку для моего напряженного члена. Понадобилось немало силы воли, чтобы не вернуться в комнату и не отыметь ее прямо у стены.

Но это было до того, как я увидел ее. Любые мысли о правильном поступке канули в лету, как только я заметил ее подругу с моими деньгами. Шесть тысяч долларов, которые удалось украсть рыжей, не покроют даже сотую часть того, чего бы я попросил в качестве откупа, но сумма не имела значения.

Так или иначе, но девчонка, отключившаяся в моей постели, заплатит по полной.

Я присел на край кровати и откинул одеяло. Из-за сильной худобы юбка казалась великоватой и была подвернута на талии, чтобы хоть как-то держаться на ее бедрах. Материал, когда-то бывший блестящим, открывал мне вид на ее белые хлопковые трусики. Я провел кончиками пальцев по всей длине ее ноги: от щиколотки до бедра.

Простое прикосновение оживило мое тело, и поток крови пробудил мой член.

Она была слишком худой. У нее впали щеки. Под глазами — темные круги. Острые локти напомнили мне то, как выглядел Преппи, когда мы с ним познакомились. Она не являлась тем типом девушек, с которыми я обычно имел дело. Мне нравились сиськи и задницы. Нечто, с чем можно поиграть, чем можно занять мой член.

Тогда почему я не мог прекратить прикасаться к ней?

Я стащил с нее майку и бросил на пол.

Бюстгальтера на ней не было.

Маленькая, но идеально круглая грудь. Мне даже стало любопытно, как она будет выглядеть, если к ней прибавить один-два размера. Грудь, которую я хочу ощутить на своем лице, когда она будет скакать на мне.

Девушка тяжело вздохнула во сне, но не проснулась. Когда ее дыхание вновь восстановилось, я принялся лениво выводить пальцами круги на гладкой коже ее живота. Вокруг пупка, а потом вокруг ее маленьких круглых сосков. Мне пришлось чертовски сильно постараться и сдержаться от того, чтобы не нагнуться и не втянуть один из них в свой рот. Я хотел кусать сосок с такой силой, чтобы выступила кровь. Мне хотелось слизать кровь с ее бледной кожи.

Я ненавидел и желал ее настолько сильно, что не мог даже припомнить, было ли в моей жизни нечто подобное.

Мой испорченный разум заполнили новые — чуждые для меня — сентиментальные чувства, и только быстрый секс смог бы убрать все это дерьмо из моей головы, но девушка в моей кровати была без сознания и ранена.

Со стороны может показаться, будто я забочусь о ней.

Но в действительности я хотел трахнуть ее рот так, чтобы она подавилась собственной слюной. Из-за неспособности понять, чего же я хочу больше, у меня разыгралась мигрень.

Мне нужно было убираться отсюда. То, что я прикасаюсь к ней, пока она спит, ни к чему хорошему не приведет, но я не мог заставить себя поднять свою задницу с кровати. Она даже пошевелилась. Совсем немного, но этого было достаточно, чтобы напомнить мне одно: я захожу на территорию Преппи. Однако я не мог просто так уйти. Что, если она проснется и попытается уйти?

Тогда я не узнаю, куда сбежала рыжеволосая с моими деньгами?

Я проигнорировал тот факт, что она просто физически не смогла бы уйти отсюда, потому как была прикована наручниками к изголовью моей кровати. Вместо того чтобы встать и уйти отсюда, я разделся до трусов и залез к ней в постель. Притянув ее спиной к своей груди, я накрыл нас обоих одеялом.

Такое со мной происходило впервые. Ни с одной женщиной я не спал в своей постели, тем более под одним одеялом. Да я бы никогда и не разрешил кому-нибудь остаться здесь, чтобы просто поспать.

Я положил руку на ее впалый живот. Тепло от ее тела коснулось моего бедра, и от этого член стал лишь тверже под тканью боксеров. Подперев голову рукой, я облокотился на матрас и поразился нашей с ней разницей: ее бледное идеальное тело против моего огромного в татуировках.

От созерцания всего этого мой член становился ещё тверже, что причиняло мне боль.

Мысль о том, что я сорву белые трусики с этой маленькой невинной девушки и отымею ее киску своим членом, тут же послала спазмы по моему позвоночнику. Возвращение в комнату случилось только по одной причине: я передумал. Какой бы невинной она ни казалась, это она пришла ко мне в комнату и предложила себя, и кто я, мать вашу, такой, чтобы отказываться от этого?

Возможно, тюрьма меня изменила, но я не был готов меняться. Я пробыл внизу всего десять минут, а потом развернулся и взлетел по лестнице, чтобы раздеть ее, упереть лицом в

матрас и показать ей, с кем она столкнулась.

Я покрутил между пальцами один из ее белокурых локонов. Снова и снова напоминал себе, что эта девушка была воровкой и шлюхой и я имел полное право взять свою плату за то, что она взяла у меня.

Эта сука принадлежала мне.

Только я мог взять ее.

Как бы сильно ни хотелось лечь на нее и похоронить свой член глубоко в ее киске, но я не мог заставить себя сделать это.

История жизни этой девушки была длинней, чем можно было судить по ее внешнему виду. Ее подруга, очевидно, являлась наркоманкой с огромными глазами и лоснящимся красным носом. Но эта девушка не была похожа на наркоманку, а ее одежда и исхудалое тело наталкивали меня на мысль о том, что она терлась возле Медведя и его ребят не из-за очередной дозы.

После её пробуждения я собираюсь узнать у нее всю информацию о том, кто она такая. А потом я решу, что мне с ней делать дальше. Хотя я уже знал решение: она будет голой и на коленях.

Она глубоко вздохнула, и я замер, опасаясь, что она может проснуться до того, как я выберусь из постели. Станным было уже то, что ее тело, почувствовав меня рядом с собой, расслабилось. Ее попка прижалась к моей набухшей эрекции.

Я подавил в себе стон.

Нас разделяли лишь ее трусики и мои боксеры. Я хотел засунуть в нее свой член и тем самым облегчить напряжение в своих яйцах. Но я остановился и так же быстро, как и залез, встал с постели.

Я подобрал свои джинсы с пола. Прежде чем выйти из комнаты, оглянулся на девушку, которая спала в моей кровати. Через окно пробивался лунный свет, окрашивая её белые волосы оттенком светлее, нежели её бледная кожа

Ее вид будет преследовать меня, словно призрак.

Я не знал, чего мне хотелось больше: убить или трахнуть ее.

Может, то и другое, но я был уверен в одном.

Так или иначе, я заставлю ее кричать.

Я наконец-то снова начал чувствовать прежнего себя.

ГЛАВА 6.

Доу

Проснувшись с дикой головной болью, я не понимала где нахожусь. От давления, которое ощущалось прямо на моей макушке, создавалось впечатление, что череп расколется пополам. Матрас подо мной был мягким, а простыни прохладными на ощупь. Если рассматривать это как альтернативу лавочкам и тротуарам в парке, где обычно я спала, то очень даже неплохо.

Я выпрямила ноги, а потом попыталась сделать то же самое с руками. Вот только левое запястье было приковано к изголовью кровати. Мои глаза расширились в ужасе, когда я услышала лязг металла.

Наручники.

Бл*дь.

Я быстро уселась на кровати и в панике оглянулась по сторонам. Когда я случайно коснулась плечом уха, тотчас мою голову с одной стороны пронзила резкая боль. Потрогав его, я поняла, что на нем какая-то повязка. И тогда же вспомнила события прошлой ночи.

В меня стреляли.

Никки выстрелила в меня.

Я находилась в той же комнате, что и прошлой ночью, но при дневном свете ее можно было рассмотреть гораздо лучше. В изножье стояла деревянная оттоманка с разветвленными углами, на ней стоял телевизор. Справа от меня располагался занимавший всю стену гардероб с двойной дверью. В спальне оставалось место лишь для одного прикроватного столика. Хотя помещение и не было большим, благодаря кровати с железной спинкой и синему покрывалу на ней здесь было уютно.

Где моя одежда?

Я была полностью обнажена до пояса, и слава богу, хотя бы мои трусики остались на мне.

Мне стоит нахрен убраться отсюда.

Мой живот скрутило от боли. Я не смогла сдержать болезненный стон и обернула руку вокруг живота. Дверь распахнулась, а за ней появился мужчина, которого я видела в этой комнате прошлой ночью.

«Меня зовут Кинг».

Он вошел в комнату так, будто перешагнул через порог из ада на землю. Где даже само присутствие нас, смертных людей, его просто-напросто раздражало. Его бесстрастное выражение лица сотрясало все во мне до глубины души.

— Имя, — потребовал он, закрыв за собой дверь и остановившись лишь тогда, когда достиг кровати.

Он скрестил мускулистые руки на груди. Было видно, как на правой стороне его шеи, под татуировкой, бился пульс. Его взгляд упал на мою грудь, и я тут же постаралась прикрыть ее одеялом, насколько позволяла свободная рука.

— Какое тебе дело? — язвительно спросила я.

На Кинге была такая же темная одежда, что и вечером, а его запястья вновь украшали кожаные браслеты. Единственным дополнением к вчерашнему образу стала темно-серая бейсболка у него на голове. При свете дня я наконец увидела его тату, которые так заинтриговали меня ночью. Если игнорировать тот факт, что Кинг меня пугал, то остается лишь одно: он был безумно красив. Его глаза были настолько глубокого зеленого оттенка, что казались черными. Я опустила взгляд на полные розоватые губы.

— Я думал, мы можем начать с твоего гребаного имени, а потом ты бы рассказала мне, куда твоя знакомая сучка свалила с моими деньгами? — прошипел он.

Передо мной стоял экземпляр мужчины самой невероятной красоты, который мне когда — либо доводилось видеть за всю свою жизнь. В темноте многое казалось мне гораздо страшнее, чем было на самом деле, поэтому я всегда боялась ее. Но при свете дня Кинг переплюнул все: он был больше, чем просто устрашающим; больше, чем просто пугающим; больше, чем просто разозленным; и больше... чем просто прекрасным.

— Ты обокрала меня, щенячьи глазки. Это твоя первая и последняя попытка рассказать мне, куда сбежала рыжеволосая сука. В любом случае ты заплатишь за это, но еще можешь

сохранить свою жизнь, если скажешь то, что я хочу знать.

Я теряла почву под ногами. На кону стояла жизнь, моя жизнь, но в голове витали совершенно глупые мысли.

— Где моя одежда? — спросила я.

— Ты украла у меня шесть гребаных тысяч баксов! Твоя одежда должна быть последним, о чем тебе стоит думать!

«Твою мать! Шесть тысяч?!»

Е*нутая Никки».

— Не играй со мной, девочка.

Кинг схватил меня за лодыжку и тянул к себе, пока я не оказалась полностью на спине. Мои руки раскинулись широко, но из-за одного прикованного к кровати запястья казалось, что еще чуть-чуть и я выверну плечо. Мою вторую руку он прижал к матрасу и откинул одеяло с моей груди.

— Полагаешь, я не наслаждался твоим телом, пока ты спала? Не думала о том, что я так и сделал? Вот что тебе стоит усвоить: я могу делать с тобой что захочу и когда захочу. Потому что в данный момент ты принадлежишь мне.

Пока жила на улице, я не раз оказывалась в опасных ситуациях, порой выбраться из них мне помогал только мой инстинкт самосохранения. Я была свидетелем событий, от которых по коже бежали мурашки, а сердце было готово вырваться из груди. Страх стал моим закадычным другом.

Но этот страх ничто по сравнению с Кингом.

— Даже не смей прятать от меня свои хорошенькие сиськи. Прошлой ночью ты была готова отсосать мне, так что не делай вид, что сейчас стесняешься и тебе нужно прикрыться. Хотя от вида твоих маленьких белых трусиков мой член стоит с тех самых пор, как я раздел тебя.

Оседлав меня, Кинг наклонился. Он сжал ладонью мой подбородок. Я попыталась увернуться, но он впился пальцами в мою кожу и заставил смотреть на него.

— Хочешь узнать, что именно я делаю с людьми, которые воруют у меня? Которые берут то, что принадлежит мне?

— Нет, — выдохнула я.

И я на самом деле не хотела этого знать.

— Я мог бы лично познакомить тебя с теми, кто знает это, но правда в том, щенячьи глазки, что никого из них уже нет в живых.

«Черт».

— Клянусь, я не знаю, где она. Прошу, отпусти меня, — моя мольба вышла жалкой. Мне не хотелось умирать из-за глупости Никки. — Мы можем договориться, — произнесла я.

Ума не приложу, что я хотела этим сказать, но была готова на что угодно, лишь бы выбраться нахрен из этого дома.

Кинг окинул меня взглядом с головы до ног.

— Меня это больше не волнует. Твой поезд ушел, — ответил он, склонившись надо мной так низко, что мог с легкостью провести пальцем по моей ключице. — Ты хорошенькая, щенячьи глазки. Глядя в твои глаза, я не могу совладать со своим членом. Но ты слишком худая. Кроме того, я не трахаю наркоманок.

— Я не какая-нибудь гребаная наркоманка! — дико завизжала я.

Каждый раз, когда меня называли наркоманкой, я слетала с катушек. Если ты живешь на

улице, это еще не значит, что ты употребляешь всякую дрянь.

— Херня все это! Нет другой причины, по которой ты была бы настолько тупой, чтобы украсть у меня шесть штук, кроме как на наркоту! И я знаю, что ты нездешняя, потому что в ином случае у тебя хватило бы мозгов не трогать принадлежащее мне!

Его голос становился все громче и громче, а взгляд превращался из холодного в ледяной. Он думал, будто я была как Никки. Наркоманкой. Он думал, что я прогнусь под него.

Но он ошибся.

— Я понятия не имею, кто ты есть на самом деле, чертов ублюдок, — прошипела я, — но не такой уж ты и умный, каким себя считаешь! Кто, мать твою, назначил тебя мировым судьей?!

Я ожидала, что после моих слов он просто озвереет, но вместо этого увидела заинтересованность на его лице.

— Ты частично права. Потому что, когда дело касается меня и моей собственности, судья именно я. И я же — присяжные. И я буду даже палачом, если понадобится.

Не успел мозг переварить его слова, как мой желудок громко заурчал, привлекая к себе внимание. Я постаралась прикрыть живот рукой, тем самым пытаюсь унять боль от голода. Кинг тут же проследил за моими действиями. Меня окутал страх упасть в голодный обморок, но мне удалось его перебороть.

Кинг привстал на коленях, но все еще остался надо мной. Я уселась так, как позволяли мне мои наручники, и мое лицо оказалось в миллиметрах от его.

— Никки — наркоманка. А я просто хочу есть, ты, тупой кретин! — выплюнула я.

Кинг сжал ладони в кулаки. Он поднял руку. Я пригнула голову как можно ниже, защищаясь от удара.

Но ничего не произошло.

Я открыла глаза через мгновение. Кинг пялился на меня сверху вниз, его рука зависла в воздухе, но я не увидела в его взгляде злости. Он поднял руку и провел ею по своим коротко стриженным волосам. Его лоб был нахмурен, словно Кинг испытывал неловкость.

Я была прикована к его кровати, и никто, мать его, не знал, что случится со мной в следующий миг. Слишком опасно для меня было включать режим выскочки.

— Прости. Я не хотела. Я имела в виду, что...

— Заткнись, — перебил меня Кинг, но его голос оставался спокойным.

— Я не употребляю никакой дряни. И никогда не употребляла. Я имею в виду, это то, что мне известно. Дело в том, что...

— Заткнись.

Мой желудок снова заурчал. Его очень сильно скрутило от голода, и мне показалось, что я вижу мерцание перед глазами. Мне нужно было поесть. Мне нужно было убежать. Мне нужно было быть где угодно, но только не в его постели.

— Клянусь, я не брала твоих денег. Это была не я. План был не такой. Мне лишь нужно было найти байкера, чтобы...

— Бл*дь, да закрой же ты рот! — прорычал он, и после вспышки его ярости в комнате повисла жуткая тишина.

Новый спазм больно уколол мой желудок. В этот раз я держала глаза закрытыми, пока боль не утихла. Попыталась облизнуть сухие потрескавшиеся губы, но мой язык превратился в тяжелую глыбу. Кинг протянул руку и коснулся моей щеки подушечкой большого пальца. Я

была так сосредоточена на том, чтобы не потерять сознание, и едва поняла, что он делает. Спустя несколько мгновений я слышала только биение своего собственного сердца. Кинг резко встал и, хлопнув дверью со всей силы, покинул комнату.

Я превратилась в пленницу.

Мне предстояло или умереть от голода и страха, или же от рук Кинга. Но то, как я умру, не имело значения. Имело значение, когда это случится, потому что во мне окрепла уверенность: этот дом я не покину.

По крайней мере, живой.

ГЛАВА 7.

Доу

Сквозь сон я услышала, как открылась дверь и кто-то подошел к кровати. Мой слух прорезал звон посуды, которую поставили на стол. Запах еды привел меня в чувство быстрее, чем это сделал бы нашатырь.

Еда.

Я тут же окончательно проснулась и попыталась дотянуться до подноса с едой, но металлический браслет наручников сильно впился в мое запястье. Я разочарованно вздохнула.

— Полегче, бандитка, — произнес голос.

Я не сразу обратила внимание на парня, который стоял, склонившись над столиком у кровати, а потом, скрестив руки на груди, сел на нее. Я точно видела его вчера на вечеринке. И только после того, как глаза молодого человека скользнули вниз, к моей обнаженной груди, я вспомнила, что по-прежнему была без одежды. Я быстро, насколько это было возможно, прикрыла грудь локтями и подвинулась ближе к спинке кровати.

Он улыбнулся и медленно приблизился ко мне.

— Нет! — вскрикнула я, когда он протянул руку к моей шее.

— Нет? — переспросил мужчина. — Ты не хочешь этого?

Он поднял поднос и поставил его на кровать передо мной.

— Нет, нет. Хочу. Я правда хочу есть, — уверила его.

Я скривилась от боли, когда в попытке сесть ровнее задела свое раненое ухо. Немного подумав, я быстро приняла решение о том, что моя скромность останется в стороне, пока не будет наполнен желудок. Я убрала руки с груди и придвинула поднос ближе к себе. Но я, увидев его содержимое, замерла.

Какого хера?

Передо мной было две тарелки. На одной из них лежал завернутый в белую бумагу сэндвич с какой-то начинкой, а вот вторую и тарелкой нельзя было назвать. Там располагалось зеркало, на которое насыпали три дорожки белого порошка, а рядом — свернутая в трубочку банкнота. Возле посуды находился пакет, застегнутый на молнию, в нём — игла, ложка, зажигалка и маленький кулек с желтоватым порошком.

— Что все это такое? — спросила я.

— Завтрак, — ответил он с каменным лицом. — И тебе придется выбрать что-то одно с подноса.

После своих слов парень тут же отодвинулся от меня.

— Это шутка?

Кто вообще выбирает наркотики на завтрак?

«Никки», — подумала я.

— Выбери мудро, девочка, — он указал глазами на поднос.

Я схватила сэндвич и разорвала обёртку прежде, чем он смог закончить предложение.

Прихватив зубами бумагу, я откусила немаленький кусок.

— Не спеши, — предупредил он.

Его слова прозвучали с насмешкой. Проигнорировав их, я начала отрывать зубами большие куски сэндвича и глотать их целиком. Чувство того, что мой желудок вновь наполняет пища, было схоже с эйфорией. Я не остановилась, пока полностью не умяла свой завтрак.

Мне не нужны были наркотики. Мне была нужна лишь еда.

Я вытерла крошки с лица и облизала пальцы. Парень передал мне стакан воды, и я осушила его за три больших глотка. Я вытянулась на кровати и положила руку на свой голый живот, не обращая внимания на то, что была практически голой в присутствии очередного незнакомца. Но, как только открыла рот, чтобы поблагодарить за сэндвич, ощутила неудержимый порыв тошноты. Рука тут же потянулась к губам.

— В чем дело? — спросил он, когда мой взгляд начал метаться по комнате в поисках чего-то, куда меня могло вырвать.

Ничего подходящего в зоне моей досягаемости не было, но ему понадобилось лишь мгновение, чтобы понять, в чём я нуждалась. Он соскочил с кровати, схватил в углу комнаты металлическую корзину для мусора и вернулся в ту же секунду, когда я не могла больше сдерживаться. Меня вырвало. Весь мой только что проглоченный завтрак теперь был на дне корзины. Тошнота накрывала меня снова и снова, пока я полностью не выплюнула все то, что не прожевала.

— Я же сказал тебе не спешить, — он подошел к окну, открыл его и выбросил корзину со всем ее содержимым на улицу. — Позже уберут.

Даже просыпаясь в больнице и не помня своего имени, я не плакала так, как сейчас. Я не плакала так в тот момент, когда мне сказали, что мою память не получится вернуть. У меня не было слез, когда меня отправляли в заполненный извращенцами приют. Не плакала я и тогда, когда сбежала оттуда и начала жить на улице. Ни одна слезинка не скатилась по моим щекам, когда я осознала: использование собственного тела было единственным шансом выжить. Боль от пули, ранившей мое ухо, не вызвала слез. Я была прикована к кровати татуированным психопатом, который явно собирался меня убить.

Но выплюнув всю еду, какую мне удалось проглотить за последние несколько дней, я *ревела*.

Это были не просто несколько слезинок. Я рыдала. Громко и долго. Мои плечи дрожали от плача, и я не чувствовала, что эти слезы когда-нибудь закончатся.

Мерзкие слезы.

Надежда. Она все, что у меня осталось, но сейчас я была готова отпустить и ее. Мне было плевать, останусь ли я прикованной к этой постели, пока меня не убьют, и даже плевать, где сгниют мои кости.

С меня хватит.

Я имела дело с таким дерьмом, что не каждый человек может выдержать, и сыта этим по горло. Меня это больше, чем просто зае*ало.

За*бало бояться. За*бало ходить голодной. За*бали рыжие шляхи. За*бало, когда в меня стреляют.

За*бало оправдываться перед этой жизнью.

Я снова села в кровати и опустила голову на прикованную руку. Мое тело было полностью расслабленным. Я бросила взгляд на окно и поняла, что солнце уже встало. Я не знала, сколько было времени, и мне было абсолютно наплевать на это.

Меня никто не искал, когда я была жива, так что никто и не заплачет, если меня не станет.

Это была самая настоящая ирония. Я хотела найти крышу над головой и место, где могла бы поспать, и самым что ни на есть наихудшим образом мне это удалось. Хотя я не знала одного: как долго меня еще продержат в живых.

Парень, чьего имени я не знала, покинул комнату, но оставил поднос на кровати. Интересно, сколько этой дряни мне нужно принять, чтобы умереть? Половину? Все сразу? Может, Кинг сам планирует накачать меня этим дерьмом? Или, может, он оказался трусом и приказал своему другу сделать за него грязную работу?

А может, мне повезет, и моя смерть будет быстрой. Одной пули в лоб будет достаточно.

В любом случае мне было плевать, как я умру. Я просто знала: это конец, и меня успокаивало то, что мне не придется бороться.

Усталость ломала меня.

Возможно, Кинг думал, что я упрощу ему задачу и сама накачаю себя наркотиками. Я хмыкнула. От меня он подобного удовольствия не дождется. Если он хочет меня убить, ему придется проявить характер и сделать это самому. Я приложила все свои силы и пнула поднос ногой. Зеркало упало на ковер. Кокаин превратился в белое облачко в воздухе.

Я не смогла сдержать смех.

Смеялась настолько сильно, что слезы покатались по щекам. Смеялась настолько сильно, что горло начало першить. Вот она я. Наполовину раздетая. Прикованная к кровати. На моем лице следы от рвоты. А наркотики рассыпаны по полу.

Мой маниакальный хохот больше напоминал смех шизофреника, который не принял свои таблетки.

Дверь открылась, и в комнату вошёл парень, ранее принесший поднос. Я не отреагировала на его появление и лишь пялилась в окно, понимая, что солнце близится к закату.

— Ты хоть знаешь, во сколько мне обошлась покупка этого дерьма? — спросил он с широко распахнутыми глазами.

— Нет. Как и не понимаю, зачем ты принес мне эту хрень, если я сказала твоему другу, что не являюсь конченной наркоманкой, — я перевернулась на бок, поворачиваясь к нему спиной. — Почему бы тебе не покончить побыстрее со всем этим дерьмом и просто не убить меня?

— Это было проверкой, — произнес парень, обходя кровать. Он присел передо мной, опираясь спиной о стену. В его руках была керамическая тарелка, от которой шел пар. — Ты ее прошла.

— Что? Какого хера все это значит?

— Кинг. Он решил проверить тебя, говоришь ли ты правду. Наркоманка даже на минуту не задумалась бы о еде — сразу сунула бы свой нос прямо в порошок, — он протянул мне тарелку. — Вот. Кстати, я Преппи.

Странное имя для странного парня. Он выглядел как головорез, учитель и серфер в одном флаконе.

Я видела его мельком вчера ночью, но не успела как следует рассмотреть. Его рост был примерно шесть футов (прим.: примерно 182,8 см). На нем были светлые джинсы, желтая рубашка с коротким рукавом и белый галстук. Волосы песочного цвета он зачесал назад и завязал на макушке в хвост, по обеим же сторонам над ушами его голова была выбрита налысо, что открывало взору тонкие линии татуировок, завитками уходившие от ушей до затылка. Руки, тыльные стороны ладоней и даже костяшки пальцев были усыпаны татуировками. Темный цвет его бородки не соответствовал цвету волос. На первый взгляд он казался старше, чем был на самом деле, но его озорные молодые глаза выдавали истинный возраст.

— Что это? — спросила я, пялясь на дымящуюся жидкость.

— Куриный бульон. Пей медленно, чтобы желудок не отторг еду. Когда ты ела в последний раз? — он скрестил на полу ноги и закинул руки за голову.

— Не помню, — не знаю почему, но то, что я произнесла слова вслух, заставило меня почувствовать стыд. — Несколько дней, наверное.

Я нерешительно взяла тарелку из его рук. Она была теплой в моих ладонях, и я тут же почувствовала боль в слабых руках. Я медленно поднесла ее к губам, впитывая парящее тепло щекой и ощущая блаженство, когда жидкость потекла по моему горлу.

— Почему вы вообще меня кормите?

— Ты утверждала, что не наркоманка, но твои ребра вот-вот проткнут кожу, а о ключицу можно даже нож заточить. Кинг не тот, кто до смерти морит людей голодом.

— Так он не собирается меня убивать? — в надежде уточнила я.

— Я ведь не это сказал, а то, что он не морит людей голодом. Команда Медведя вышла на след рыжей. Если мы ее поймаем и выясним, что ты не имеешь к этому делу никакого отношения, возможно, он тебя отпустит.

— Возможно?

— Он не самый предсказуемый парень, и его не было несколько лет. Он не похож на прежнего себя, поэтому сложно сказать, что творится в его голове.

— Лет? — после этого слова я вспомнила, что проходившая здесь вчера вечеринка проводилась по случаю его возвращения домой.

— Где он был?

— В штате.

— В колледже?

— В тюрьме.

Да, это имело больше смысла, чем колледж.

— Что он сделал? — я воспользовалась случаем вытащить из него побольше информации. Подумала, что, чем больше узнаю о Кинге, тем вероятней возможность быть отпущенной ими живой.

— Ты явно задаешь слишком много вопросов, девочка. Зачем тебе это?

Я дернула плечами и глотнула еще бульона.

— Думаю, это всего лишь мое любопытство.

— Он убил кое-кого. Но его поймали, — осторожно ответил Преппи.

Я громко проглотила немалую порцию бульона.

— Кого он убил? — мой рот не закрывался от любопытства.

Преппи улыбнулся. Его темные шоколадные глаза заблестели от возбуждения. Я понимала, что в его душе скрывается намного больше, чем можно судить по его внешности. Нечто зловещее было там, под татуировками и галстуком.

Нечто, от чего волосы на моих руках становились дыбом.

Преппи нагнулся вперед, положил руки на колени и опустил на запястье подбородок.

— Свою мать.

ГЛАВА 8.

Доу

В моей голове не было ни единого сомнения в том, что Кинг способен на поступки, о которых нормальный человек даже не задумается. Но отнять жизнь собственной матери?

Преппи задавал мне те же вопросы, что и Кинг — о том, кто я такая — и я рассказала ему свою историю. Разница между ними состояла в том, что Преппи хотя бы выслушал меня.

Я выложила ему краткую версию.

Потеря памяти.

Приют.

Жизнь на улицах.

Никки.

Попытка продать себя, чтобы получить крышу над головой и шанс защитить себя.

Также в отличие от Кинга Преппи, кажется, поверил мне.

Я выпила весь бульон до последней капли, а Преппи сменил повязку на моем ухе. Кожа под ней начала чесаться, когда он снял бинт.

— Почему ты меня не отпустишь? — спросила я, прижав к животу спортивные штаны, которые он мне дал. — Ты можешь сказать Кингу, что я просто сбежала.

Преппи помотал головой из стороны в сторону.

— Этого не будет, — сgrimасничал он, будто в моем вопросе было что-то не так. Будто не существовало факта, что его друг приковал меня наручниками к своей постели против моей воли.

Преппи отстегнул наручники. Он четко дал мне понять, что это временно, и подвел меня к двери, которую я считала гардеробной, но которая на самом деле оказалась маленькой, чистой ванной.

Я только сейчас поняла, насколько сильно мне хотелось в туалет. Я бросила спортивные штаны на пол и уже была готова стянуть с себя трусики, когда заметила, что дверь так и осталась открытой, а Преппи наблюдал за каждым моим движением.

— Ты можешь, пожалуйста, закрыть дверь?

— Конечно, — Преппи переступил порог ванной комнаты и затворил за собой дверь.

— Это не то, что я имела в виду.

— Прости, детка. Босс приказал мне не спускать с тебя глаз.

— Ты всегда делаешь то, что тебе говорят? — с горечью спросила я.

— По большей части.

Будучи не в силах ждать больше ни секунды, я спустила трусики по бедрам и присела на унитаз.

Ничего не получилось.

— Уже перехотела? — поинтересовался парень.

— Нет. Но я не могу писать, когда ты пялишься как сейчас. Хотя бы отвернись. Я никуда не собираюсь. В этой комнате даже окна нет.

— Прости. Не знал, что у вашего величества проснулась боязнь публики, — с сарказмом ответил Преппи, закатывая глаза.

Он снова открыл дверь и повернулся ко мне спиной. В этот момент, когда я знала, что он не смотрит, мое тело расслабилось. Освобождение стало таким желанным, что я даже громко застонала.

— Я, возможно, и кажусь добрым, детка, но не принимай желаемое за действительное. Кинг и я сделаны из одного теста.

— Если он прикажет тебе убить меня, ты сделаешь это? — уточнила я.

Мне необходимо было узнать, может ли он быть одним из тех, кто покончит со мной.

— Да, — ответил он без колебаний.

Когда я закончила, Преппи отвел меня назад в кровать и вернул наручники обратно. В этот раз он приковал их к нижней перекладине изголовья кровати, поэтому мне не придется сидеть с поднятой вверх рукой.

— Преп, — глубокий голос Кинга прогремел из дверного проема, отчего меня бросило в дрожь.

Он посмотрел на Преппи и кивнул. Закрепив наручники на моем запястье, парень удалился из комнаты. Кинг же бросил на меня мимолетный взгляд и последовал за Преппи, закрыв за собой дверь.

Они нашли Никки? Она сообщила им, что я не крала у них ничего? Или, может быть она все свалила на меня? Не будучи под воздействием наркотиков, Никки была помешана на том, чтобы прикрыть мою задницу, но, когда дело доходило до них, она становилась непредсказуемой. Если на кону стояла ее жизнь или ее наркотики, она спускала на меня всех собак.

Я слышала, как хлопнула дверь и как затем из приоткрытого окна снизу донеслись их приглушенные голоса. Попытавшись выглянуть в окно, я выпрямила шею. Кинг и Преппи стояли на лужайке под навесом. Солнце как раз садилось, и небо окрасилось оранжевым цветом.

Я встала с кровати, дотянулась ногой до рамы и пальцем поддела створку, чтобы ту сдвинуть.

— Рыжая нашлась, — произнес Кинг, подкуривая сигарету.

— Где? — последовал вопрос Преппи.

— Эндрю прочесал округу. Старый мотель с бассейном возле парковки.

— Деньги вернула? — спросил Преппи.

Он оперся спиной на столб, скрестив руки на груди.

Кинг потряс головой и выпустил изо рта дым.

— Думаю, она говорит правду, чувак, — сообщил Преппи, указывая локтем на окно моей комнаты. Я пригнулась, втягивая голову в плечи, чтобы они меня не увидели. — Полагаю, ты знаешь о моих способностях определить ложь, и эта девчонка не кажется мне воровкой. Что о ней сказала рыжая?

— Нихера не сказала.

— То есть?

— Эта сука мертва.

***

Никки была мертва.

Я не могла даже вдохнуть.

Голова шла кругом.

Кинг сказал, что все, кто крадет у него, платят за это, и Никки тоже поплатилась.

Своей жизнью.

Мне даже не нужно было спрашивать Кинга: несомненно, я была следующей.

На небе сгустились тучи. Кинг и Преппи зашагали в сторону дома, и я перестала разбирать то, что они говорили. Я опустила створку и вернулась на кровать, где они меня и оставили.

Как только мне подвернется шанс сбежать, я сделаю это. Не было времени на то, чтобы что-то спланировать. Мне придется действовать мгновенно, не медля ни секунды.

Несколько минут спустя вернулся Преппи и отстегнул наручники.

— Идем, — сказал он.

Он стащил меня с кровати и потянул к двери.

— Куда мы идем? — настойчиво потребовала я ответа.

Потом до меня дошло. Это был дом Кинга. А я была в его спальне.

Он не допустил бы моего убийства в своем доме, поэтому для начала он решил увести меня подальше. Это был мой единственный шанс, и мне было необходимо им воспользоваться.

— Недалеко, — всего лишь ответил Преппи.

Опускались сумерки, надвигалась гроза. Они не могли подождать хотя бы до утра? Если бы меня не душил страх, я бы смогла придумать план побега.

— Почему?

— Идем. Увидишь.

Мы спустились по узким ступенькам в коридор и достигли гостиной дома. Кинга нигде не было. Кажется, он все-таки поручил грязную работенку Преппи, но часть меня желала, чтобы это сделал Кинг.

Я хотела посмотреть ему в глаза, когда он будет целиться в невинного человека.

Но, видимо, такого шанса мне не выпадет. Преппи вел меня на балкон, пропустив вперед на первой ступеньке, о которую я споткнулась. Он отставал на пару шагов, но его хватка на моем запястье не ослабла. Он оглянулся, когда дернул мою руку, негласно командуя остановиться. Передо мной был единственный шанс спасти свою жизнь. Я не думала. Я просто действовала.

Согнув ногу в колене, я ударила, пока он был сзади. Сильно. Он отпустил руку и схватился за яйца, когда я навалилась ему на плечи всем своим весом, толкая его вниз со ступенек и спускаясь вслед за ним.

Я сбежала по лестнице и перепрыгнула через Преппи, который скрутился у её подножия, стонал и бормотал ругательства в ковер.

Я сорвалась с места так быстро, как только могла. Придерживая спортивные штаны на талии одной рукой, я уже мчалась по грязной подъездной дорожке. Со всех сторон были только деревья. Я не помнила, откуда мы приехали прошлой ночью, и ничего не подсказывало мне, с какой стороны вообще можно найти людей.

Найти помощь.

Где-то позади меня хлопнула дверь. Со стороны дома послышались тяжелые шаги по деревянному полу и следом эхом отозвались в моей голове.

Ветер донес до моих ушей глубокий и очень недовольный голос.

Черт.

Солнце почти скрылось за горизонтом. В темноте виднелись очертания деревьев, а мне нужно было лишь добраться до проезжей части.

Я сорвалась с места в направлении дороги. Убрав со своего пути ветки кипариса, я пролезла через полученный проем. Из-за раскидистого кустарника я едва касалась голыми ступнями влажной, мягкой земли. Но я продолжала лезть вперед.

Ветки и сучки блокировали каждое мое движение. На лицо налипла паутина, пока я пыталась проделать себе путь через кустарник. Еще немножко вперед, и мне удастся спрятаться за густой листвой кипариса.

Я наступила на что-то острое, и изо рта вырвалось шипение. Я попыталась переступить грязь, наваливаясь всем своим весом на ветки. Когда подняла ногу так высоко, как только могла, чтобы перейти неизвестно что, в меня врезалось нечто, налетев всей массой и выбив весь воздух из легких.

Неважно, насколько настойчиво я пыталась вдохнуть, у меня не получалось. Снова и снова я открывала рот, чтобы втянуть воздух, но вновь и вновь легкие подводили меня.

Я все еще пыталась сделать вдох, когда чьи-то руки схватили меня и опрокинули на спину. Массивные и крепкие бедра зажали мои ребра с двух сторон, сдавливая будто тисками, угрожая раздавить их любым движением колена.

Кинг перекатился через меня, ухватил мои запястья и заломил их над головой. Я снова попыталась вернуть себе возможность дышать. Когда мне удалось наконец-то втянуть воздух, моя грудь вздымалась и опускалась, касаясь груди Кинга с каждым тяжелым вдохом.

Над нашими головами завывал ветер. Небо отвечало ему страшным грохотом грома. На нас сорвался дождь.

Первые ледяные капли коснулись моей кожи, отчего по телу побежали мурашки. Я внезапно поняла, что надо мной возвышался огромный мужчина. Дождь резко превратился из одиночных капель в завесу из воды. Потoki стекали по лицу Кинга, а его глаза блестели как у дьявола.

Он и сам выглядел как дьявол.

— Думаю, я четко дал тебе понять, что ты принадлежишь мне, — прорычал он. Его ноздри раздувались от злости. — Твой долг еще не оплачен, щенячьи глазки.

— Так убей меня наконец и покончи с этим! — ответила я самым громким голосом, на который только нашла в себе силы, но их хватило лишь на хриплый шепот. — Или отпусти меня, или убей нахрен!

Кинг прищурился:

— Это будет слишком легко.

— Что тогда? Чего ты от меня хочешь? Я слышала тебя. Никки мертва. Твоих денег нет, а мне нечем тебе отплатить. У меня ничего нет, — я боролась, чтобы сбросить его с себя, но толку от этого было, как от цыпленка в лапах тигра.

— О, но я все-таки думаю, щенячьи глазки, ты отплатишь мне. Сделаешь то, что я хочу, — произнес он, скользя пальцами от моего запястья к плечу.

Кинг сжал пальцы на моем горле. Недостаточно, чтобы задушить меня, но достаточно,

чтобы показать: он может это сделать.

— Пожалуйста, отпусти меня! Я — ничто. И никто! Ты не хочешь меня. Прошлой ночью ты ушел из комнаты, потому что не хотел меня. Забыл? Так что отпусти меня. Пожалуйста. Я умоляю тебя.

Я перестала бороться, потому как это было бессмысленно. Единственное, что я могла сделать, — это повлиять на него словами.

И я с треском проваливалась.

— Но и тут ты ошиблась. Прошлой ночью я считал тебя напуганной маленькой девчонкой, которая не в состоянии выдержать то, чего хочу я; то, что я могу сделать; и то, что мне необходимо. Но это больше не имеет значения. Теперь ты моя собственность, а со своей собственностью я делаю, бл*дь, что хочу! — он сделал ударение на слове «я» и сжал ладонь на моем горле.

Я уже открыла рот, дабы возразить и сказать ему, что никогда не была и не буду его, когда губы Кинга обрушились на мои с такой силой, что моя голова еще больше вжалась в грязь под нами. Мне некуда было деться и некуда было исчезнуть. Его полные губы были мягкими, но поцелуй явился полной противоположностью. Он втянул мою нижнюю губу в свой рот и языком слизал с нее капли дождя.

Кинг был напряжен и свиреп, как ад, но таким же был и поцелуй. И если бы его слова не противоречили реальности, я бы с уверенностью могла сказать, что принадлежу ему. На секунду поцелуй заставил меня забыть о том, что эти губы принадлежат разъярённому психопату.

Дождь продолжал падать на нас порывами. Впервые в жизни я думала не головой. За все мои движения сейчас отвечало тело. Потому что, как бы сильно я ни убеждала себя в том, что не хочу его поцелуев, мое тело с подобным же рвением твердило обратное. Оно хотело Кинга.

Я открыла рот, чтобы воспротивиться ему, но в этот миг его язык коснулся моего и из его горла донесся стон. Момент этого прикосновения превратился в искру, которая эволюционировала в энергию, направившуюся сквозь мое тело к низу живота.

Кинг поставил колено между моих ног и раздвинул их в стороны. Он ни разу не разорвал поцелуй, снова и снова потирая эрекцией местечко у меня между ног. Его руки скользнули мне под затылок, прижимая мой рот к своим губам. Из-за того, как он целовал меня, моя голова кружилась.

Это был абсолютно новый, неизвестный мне вид жажды.

С громким и гортанным рыком Кинг разорвал поцелуй. Оставшись на коленях, он склонился надо мной и провел подушечкой большого пальца по моей скуле. Он посмотрел на меня так, будто видел впервые в жизни. Черты его лица были такими мягкими, а губы припухли от поцелуев.

Моя грудь поднималась с каждым быстрым вдохом. Кинг возвышался надо мной словно гора, закрывая от капель ледяного дождя, поэтому весь холод я чувствовала спиной. Зубы начали стучать друг о друга. Его глаза впились в меня, пока он изучал мое лицо, а потом взглядом прошелся по всему телу. Могу поклясться, я почувствовала его прикосновения, хотя на самом деле он не притрагивался ко мне.

— Проваливай, — прошипел Кинг, вскакивая на ноги, будто к нему подсоединили электрические провода.

— Что? — переспросила я.

Мне с горем пополам удалось встать на колени. Я выпрямилась перед ним, придерживая теперь уже мокрые тяжелые спортивные штаны так крепко, будто они вот-вот спадут.

— Просто проваливай нахер! — зарычал он, вставая во весь рост.

Он угрожающе подошёл ко мне на шаг. Его внезапная близость заставила меня попятиться назад. Я споткнулась о камень и упала на задницу.

— Этой дорогой доберешься до трассы, — произнес он и указал рукой в направлении позади меня.

Я обернулась и увидела дорогу, но, когда посмотрела назад, парня уже не было. Хруст веток под его сапогами быстро затих, а ему на смену пришли раскаты грома.

Я была свободна.

Но я также была одинока. Во мраке.

Грудь будто сдавило тисками. Я прижала ладони к сердцу, пытаюсь усмирить его, чтоб оно не выпрыгнуло из моей груди. Оно билось все быстрее и быстрее, и мне казалось, я сейчас закричу. Я снова не могла совладать с дыханием.

Во мне поселилась паника.

Перед глазами все застилала пелена. Деревья вокруг меня кружились, пока картинка не превратилась в одно сплошное темно-зеленое и коричневое месиво, будто их засосало в эпицентр торнадо.

Несколько минут назад я чувствовала себя в большей безопасности, пляясь в полные ненависти глаза Кинга. Попытавшись встать на колени, я поскользнулась в грязи и упала на руки.

Неспособная найти в себе мужество на вторую попытку, я перевернулась на бок и прижалась щекой к земле, прижимая руку к уху, с которого спала повязка.

Я хотела стать невидимой. Мне нужно было раствориться во мраке, и, может, тогда невзгоды растворятся вокруг меня. Я прижала колени к груди.

Двадцать четыре часа назад я могла бы оказаться в теплой постели какого-нибудь байкера, купаясь в комфорте, и с крышей над головой. Сытая. Я бы сохранила свое достоинство, но с тех пор, как я проснулась на больничной койке, у меня его не было. Вместо этого я осталась босой, замерзшей и лежащей среди деревьев. Когда луна исчезла за черными грозowymi тучами, меня накрыл полный мрак.

Я как можно плотнее прижала голые ступни к телу. Пальцы на ногах заледенели. Пока дождь беспощадно лупил по мне, постукивание зубов превратилось в дрожь всего тела. Каждая ледяная капля превращалась в болезненный укол.

Какого черта он поцеловал меня? Какого хера я вообще позволила ему это?

Я была зла на себя. Не из-за того, что сопротивлялась ему, а из-за того, что мне это понравилось.

За последние несколько месяцев я делала множество гнусностей. Искала еду в мусорных баках. Спала в брошенных машинах. Но ничего из этого не вызывало во мне большего отвращения, чем отсутствие моего сопротивления его губам.

Но еще более отвратительным являлось мое желание того, чтобы он вновь появился из-за зарослей кипариса и забрал меня с собой из этого мрака.

Мне пришлось напомнить себе, что Кинг был не из тех, кто спасает.

Он был из тех, кто убивает.

Мое тело содрогнулось. И я чертовски замерзла. Я до сих пор была зла. До сих пор

напугана.

И до сих пор была возбуждена.

При свете дня несложно было отодвинуть все проблемы на задний план и подумать о способе выживания. Но наедине со своими мыслями стала лучше понимать, что без знания прошлого, прожитых и выученных уроков я была всего лишь оболочкой какого-то человека.

Я была незнакомкой сама себе. Была чужой, живя в теле какой-то девушки, которую даже не знала. Я украла его у нее случайно, и это стерло ее с лица земли и поместило меня на ее место.

В такие ночи, как эта, когда паника начинала пожирать меня, я говорю с ней вслух:

— *Знаю, это странно, но я скучаю по тебе. А еще более странно то, что я постоянно говорю тебе это, но мне правда жаль. Мне жаль, если то, что делаю я, не является тем, что сделала бы ты. Я хотела бы, чтобы здесь была ты, а не я, потому что голодание на улицах не та жизнь, которую я хочу для тебя или себя. Мне жаль, что я подвела тебя.*

Просыпаясь каждый день, я надеюсь, что ты вернёшься. Мне стыдно за то, что я делала ранее, за то, что пыталась продать свое тело ради защиты. Это был момент слабости, но отныне с меня хватит. Я справлюсь сама. Я смогу защитить себя. И мне стыдно за то, что произошло с Кингом. Не знаю, как много смогу вынести, но я обещаю, что не позволю ему трахнуть меня. Или тебя. Или лучше сказать нас обеих? Это была бы самая странная гребаная оргия в мире.

Я громко рассмеялась, касаясь губами грязи и случайно втягивая ее в рот. Я закашлялась и начала плевать, пока кусок не выпал изо рта.

— *Я постараюсь лучше. Обещаю. Я смогу выжить... Ради тебя.*

ГЛАВА 9.

Доу

Как только взошло солнце, я встала с земли.

Я поплелась по дороге, на которой выбоин было больше, чем асфальта. Волоча ноги несколько часов подряд, я шла, покрытая грязью, которую солнце запекло в застывшие куски глины.

Каждый шаг по траве на обочине трассы отдавался болезненной агонией во всем теле. Каждая травинка резала мои стопы словно лезвием, отчего каждый последующий шаг причинял только больше боли моим голым, поцарапанным и окровавленным ногам.

Хромая, я плелась в неизвестность, пока наконец-то не наткнулась на первый признак цивилизации: квартирный комплекс.

Мне нужен был телефон, или полицейский участок, или церковь. Кто-нибудь, кто мог бы помочь, но у меня не было сил искать что-нибудь еще. Я хотела присесть и собраться с духом, потому что мое тело сейчас напоминало серую тучу из смятения, истощения и обезвоживания.

Почему Кинг отпустил меня?

Что-то в его нерешительности цепляло меня за живое. Часть меня ожидала, что в любую секунду он выскочит на дорогу и утащит в свою машину. Возможно, поцелуй изменил его решение? Он думал, у него получится использовать меня для своих развратных целей, но

после поцелуя понял, что, скорее всего, разочаруется? Поэтому он отпустил меня?

По-другому быть не могло. Но тогда почему, если он убил Никки, ему не убить и меня? Почему он пожалел меня, но так расправился с ней?

Ничего из этого не имело ни капли гребаного смысла.

После очередных мыслей о том, что со смертью меня разлучали секунды — кстати, не впервые за последние тридцать шесть часов — свобода была тем, о чем я даже не мечтала.

Но вновь вернуться на улицу было своего рода пленом. Свобода, по крайней мере, давала выбор.

А у меня он до сих пор не появился.

Я поплелась к комплексу. Старое, неухоженное, маленькое здание. Десять отделов, тесно прилежавших друг к другу, были прикрыты от солнца темным козырьком. Половина досок как попало заменили фанерой. Из бетонной дорожки ввысь пробивался колючий сорняк.

Не в силах сделать больше ни шагу, я оперлась на стену и сползала по доске, пока моя задница не ощутила под собой бетон. Наконец-то у меня было спасение от палящего солнца, которое будто кислотой разъедало мою кожу.

Мне просто нужно было немного посидеть, перевести дыхание и собраться с мыслями.

— Ты не можешь находиться здесь, девочка. Проваливай.

Хриплый мужской голос прозвучал из ниоткуда. Передо мной стоял мужчина в футболке размера на три меньше с изображением единорога, перепрыгивающего через радугу. Он возвышался надо мной, скрестив руки на груди.

— Ты глухая, что ли? Ты не можешь тут оставаться. У меня здесь не скопище отбросов, — он лениво пнул мое бедро ногой в кроссовке. — Вали. Сейчас же.

— Прошу. Мне всего лишь нужен телефон. Пожалуйста? — умоляла я его.

Слова превратились в сухой скрип. Мне даже было плевать на тот факт, что, когда я позвоню копам, они просто закинут меня в очередной групповой дом (прим. пер.: групповой дом — дом для совместного проживания «трудных» и бездомных подростков и молодых людей).

Я думала только об одном единственном.

Мне необходимо рассказать об убийстве. Может, Никки и была шлюхой и воровкой, но она не заслужила из-за этого смерти.

Иногда мне казалось, что она ненавидит меня, но Никки — это все, что у меня было.

Мужчина вздохнул с явным раздражением.

— Зачем он тебе? — спросил он, ныряя пальцами в пачку «Читос» (прим. пер.: кукурузные шарики или палочки), которую держал в руке.

Закинув целую горсть шариков себе в рот, он слизал с пальцев сырный порошок.

— Пожалуйста. Вы должны мне помочь. Меня похитили. Заперли в комнате, приковав наручниками к кровати. Я сбежала и провела ночь в лесу. Я шла весь день. Мне нужна вода, я обгорела и устала. Это первое место, попавшееся мне на пути. Пожалуйста, мне необходимо позвонить в полицию. Мою подругу... Мою подругу Никки убил тот же человек, который держал меня у себя.

Он сунул еще одну горсть чипсов в рот и вытер пальцы о единорога.

— Неужели? Тебе повезло. Я как раз работаю патрульным в этом округе. Меня зовут Крестор. Так что можешь рассказать мне свою историю, — он приподнял жировую складку на своем животе и показал прикрепленный к ремню полицейский значок.

Полупережеванные кукурузные хлопья вылетали из его рта, когда он снова начал говорить: — И кто, думаешь, убил твою подругу?

— Я не думаю, что он ее убил, а знаю это наверняка! Я слышала, как он говорил об этом. Но я не знаю его полного имени, да и имя ли это вообще. Мне лишь известно, как его называют другие.

— И как они его зовут? — Крестор прислонился спиной к стене, пялясь на наполовину выкрученную лампочку над дверью, а потом, абсолютно потеряв интерес к моей истории, стал вкручивать ее до упора.

— Все зовут его Кинг.

Его глаза вспыхнули, а пальцы ослабили хватку на пачке шариков. Читос упали на бетон. В ту же секунду он ринулся вперед и, схватив меня под руки, поднял на ноги.

— Стойте! Что вы делаете? — спросила я, пока он волок меня к парковке.

Правая нога подвернулась, когда я наступила на неровный выступ на бетоне и упала на дорогу, сдирая кожу на запястьях о сорняк.

— Вставай и пошли! Не смей нахрен возвращаться сюда! — крикнул он. Мужчина схватился руками за голову, а после маниакально замахал ими в воздухе. — Мне не нужно здесь это дерьмо! Проваливай, девочка! Когда увижу тебя в следующий раз, я вышибу тебе мозги.

Он оставил меня на дороге и поспешил назад в здание. В один миг я видела его спину, а в другой она исчезла за дверью с надписью «ОФИС». Он опустил жалюзи, полностью замуравывая себя в комнате.

Я стояла на трясущихся ногах и стряхивала мусор с ран на руках и с футболки. Ступни зудели. Боль от вывихнутой лодыжки посылала резкие уколы агонии по всей ноге. Из простой неудачницы я превратилась в королеву лохов.

Кинг наверняка был уже далеко. Но насколько далеко? Будь у меня хоть малейший шанс на помощь себе или Никки, я бы убралась подальше от Логанс-Бич, но я не знала, в правильном ли направлении иду.

Я волочила ноги, будто они больше не принадлежали мне, а просто свисали, как сломанный бампер на машине.

Проходили часы, и хоть все это время я шла, у меня не получилось уйти далеко. Многоквартирное здание все ещё виднелось позади меня.

За целый день мимо не проехала ни одна машина. Живот снова бунтовал против пустоты в нем, скручиваясь в узел и урча. Лицо и уши сгорели на солнце. Стопы опухли и онемели, благодаря чему я уже не чувствовала боли.

Но я продолжала идти.

С каждым дюймом, которое солнце проделывало на пути к горизонту, тревога внутри меня росла. Варварский солнечный день скоро окунется в пустынную тьму ночи.

Я наткнулась на старый заброшенный банк с заколоченными окнами как раз в тот момент, когда вдали над головой раздался раскат грома.

На небе вспыхнула молния, которая отскакивала от тучи к туче. Я почувствовала запах дождя раньше, чем первые капли упали на мое лицо.

Я похромала к козырьку над подъездной площадкой, но не успела. Небо разразилось надо мной проливным дождем прежде, чем я смогла доковылять до сухого места. Когда я наконец-то забралась под навес, с меня уже текло так, будто я только что искупалась в озере. Бетон подо мной окрасился в темный цвет от грязи, налипшей на меня прошлой ночью и

стекавшей теперь вместе с водой. Я прислонилась спиной к банкомату и опустила задницей на выступавший фундамент, прижавшись лбом к коленям.

Я чувствовала свое поражение. Мне захотелось, чтобы одна из молний изменила свою детскую игру перескакивания с облака на облако и спустилась с небес прямо на меня. Лучше быть мёртвой, чем ненужной.

Смерть лучше, чем все это.

— Ну, привет, — голос прозвучал из ниоткуда.

От затылка до копчика поползли мурашки. Руки покрылись гусиной кожей. Я подняла голову и увидела мужчину с грязной серой бородой, горой возвышающегося надо мной. Морщины от его глаз бороздами тянулись вниз по скулам.

У него не хватало нескольких передних зубов, а подбородок был усеян красными шрамами.

— Ты потерялась или что-то в этом роде? — от него воняло скисшим молоком, а одежда была изодрана.

— Что-то вроде этого.

— Я Эд, — произнес он, протянув мне руку. Ногти были желтыми и длинными.

Поняв, что я не собиралась пожимать ему руку, он опустил передо мной на колени, разгоняя мое сердце до бешеной скорости. Эд протянул мерзкую ладонь к моему лицу и попытался погладить щеку костяшками пальцев. Я содрогнулась и, неуклюже пошатнувшись, отстранилась от него. Перед глазами заметались искорки. Я ухватила за выступ, чтобы не упасть на землю.

— Не груби старику Эду. Как тебя зовут? — спросил он, облизывая губы и поправляя грязные штаны цвета хаки в области паха.

— Мм... Рада знакомству, Эд, — произнесла я с такой уверенностью, на которую только смогла найти в себе силы. — Но мне уже пора идти.

Я попыталась обойти его, но он встал передо мной, блокируя путь.

— Почему бы тебе не остаться и не обсохнуть немного? — его глаза блуждали по моему телу. — Хотя... Мне нравится, когда женщина мокрая.

Он щелкнул языком по своему нёбу с характерным звуком.

— Спасибо. Мне это не нужно. Я просто жду, пока меня не заберет мой друг, — солгала я, желая, чтобы это на самом деле было правдой. Я снова попыталась выбраться из его западни, но в этот раз он схватил меня за руку. Я попробовала освободиться, но даже у ребенка это получилось бы лучше, чем у меня. — Отвали!

— А теперь слушай сюда. Ты пришла в мой дом. Теперь ты останешься и посмотришь, насколько гостеприимным я могу быть.

Эд дернул мое запястье, разворачивая меня и наваливаясь грудью на мою спину. Он удерживал мои руки перед собой. Его член дернулся возле моего бедра, и я глотнула ртом воздух. Если бы в желудке что-то было, меня бы тут же стошнило.

Я топнула по ботинку Эда своей голой пяткой, и боль от этого пронзила мою ногу до самого таза. Я причинила боль лишь себе, но никак не ему, хотя этого оказалось достаточно, чтобы выбить его из колеи. Мне удалось вырваться из его хватки.

Я сделала лишь несколько шагов, когда он дернул мои волосы, опрокидывая меня на спину. Я даже услышала глухой удар своей головы о бетон. Второй раз за двадцать четыре часа из меня выбили жизнь. Мои легкие больше не могли работать. Они трепетали внутри моего тела, моля о воздухе. Пелена перед глазами все сгущалась и сгущалась.

Это было именно той причиной, по которой я искала защиты у байкеров. В эту секунду я пожалела, что Медведь отвел меня к Кингу, а не забрал к себе в постель.

Но потом я вспомнила данную *ей* клятву.

Я должна защитить ее. Любыми способами.

И я не собиралась отправляться в ад без боя.

Когда Эд попытался прижать мои ноги к земле и раздвинуть их, я выдернула одну из его лап и удачно пнула ей ему в лицо. Кровь хлынула из его носа, а жар от удара разлился по ступне, будто ее подожгли.

— Ты поплатишься за это, сука! — прошипел Эд.

Возвратившись в прежнее положение, он ударил меня кулаком в челюсть. Мою голову откинуло в сторону, и я приземлилась на бетон. Рот наполнился теплой жидкостью с металлическим привкусом.

Эд прижал что-то холодное и острое к моему горлу.

— Давай! Спротивляйся, бл*дь, и я перережу твою глотку, — предупредил он сквозь стиснутые зубы.

Удерживая нож некрепкой хваткой, он сдернул мои штаны и трусики вниз одним грубым рывком.

Каждая моя попытка вдохнуть отдавалась жжением на горле от его лезвия.

Я закрыла глаза. Это то, что случается, когда ты желаешь смерти?

Иногда желания сбываются.

Я только надеялась, что он убьет меня, когда закончит, лишь бы мне не пришлось вспоминать это впоследствии.

Не прошло даже и дня после того, как я дала *ей* обещание защищать, как тут же с треском провалила эту миссию.

Эд пыхтел надо мной, пока я сжалась от страха и смирилась с тем фактом, что умру под козырьком заброшенного банка посреди неизвестности.

Будто я никто.

В следующую секунду Эд исчез. Его вес внезапно пропал с меня.

Донеслись звуки борьбы, а потом оглушительный взрыв, громом отразившийся в моем ухе. Я уже слышала этот звук.

Мне хотелось поднять голову и посмотреть, что там происходит, но шея не слушалась, а голова весила будто стотонный мешок.

Сильные руки скользнули под мою спину и колени, без труда поднимая меня в воздух, и прижали к твердой груди словно ребенка. Я пыталась сопротивляться тому, кто бы это ни был, но смогла лишь еле заметно дернуться в его руках.

— Попалась, — прошептал знакомый низкий голос над моим ухом.

Кинг.

— Я думала, ты меня отпустил, — произнесла я.

Мысли цеплялись друг за друга в моей гудящей голове, вколачиваясь одна в одну.

— Я передумал.

Мышцы Кинга едва ли напрягались, пока он меня нёс. Прикрыв меня кожаной курткой, он решительно вышел под стену проливного дождя.

Мир вокруг меня хаотично вращался.

— Я думала, перед глазами должна была промелькнуть вся жизнь...

— Почему ты так думала? — спросил он.

В своем ослабленном состоянии я не понимала, был ли его голос и правда ангельским или я это выдумала.

— Потому что это должно было произойти, когда ты умираешь... — ответила я

— Ты не умираешь.

— Ммм... Хорошо. Потому что у меня нет даже жизни, которая могла бы пронестись перед глазами. Если и существует какая-то сила, ответственная за это, то она показала мне тебя.

— Почему меня? — поинтересовался он.

Когда я не ответила, Кинг встряхнул меня, бормоча что-то о том, чтобы я оставалась в сознании и не засыпала, но мне было плохо его слышно.

Мне кажется, я ответила лишь:

— Потому что, даже если ты и кажешься злым и огромным, на тебя действительно очень приятно смотреть, — я не смогла сдержать зевок. — Почему ты вернулся за мной?

Я использовала всю свою энергию, чтобы открыть один глаз и посмотреть через плечо Кинга. Эд сидел на земле, прислонившись к стене спиной.

Между его глаз красовалась красная дыра от пули.

Кинг прижал меня к себе, склонив голову к моему уху:

— Потому что ты моя.

ГЛАВА 10.

Доу

Я проснулась наполовину погруженная в теплую воду. Каждый ушиб, царапина или порез болели так, будто их прижгли раскаленными прутьями. Когда я открыла глаза, Кинг наклонился над краном, держа в руке мочалку.

Резко набрав ртом воздух, я скользнула задницей по дну ванны, расплескивая воду на пол. Я отодвинулась подальше от него, скрещивая руки на груди и сведя под водой ноги. Кинг схватил мое запястье и подтащил меня к себе, лишая единственной защиты, которая могла у меня быть. Огрубевшие кончики пальцев его свободной руки прошлись по моей коже от ключицы к груди. Когда он достиг соска, то ущипнул его.

СИЛЬНО.

Я вскрикнула.

— Я уже видел их, щенячьи глазки. Нет надобности закрываться от меня.

Кинг был без рубашки. Кубики на его животе сокращались с каждым движением, оживляя татуировку.

— Ты убил Эда, — выплюнула я.

Воспоминания о событиях прошлой ночи неуклюже толкались в моей голове, пытаюсь выстроить логический ряд произошедшего. В памяти одна за одной всплывали жуткие детали.

— Эда? — переспросил Кинг, вздернув бровь.

— Парень, который прошлой ночью... — я начала объяснять. — В общем, которого ты...

— Пристрелил, — закончил Кинг. — Не знал, что вы были знакомы, — Кинг поднес

мочалку к моей коже, что заставило меня зажмуриться. — Я всего лишь смою грязь.

— Ты не очень убит горем. Видимо, убедил себя в том, что ты и судья, и присяжные, и палач, — произнесла я.

— Простого «спасибо, Кинг, что спас мне жизнь» было бы достаточно, — ответил он. — Но чтобы ты знала и что стоило бы знать Эду: если ты играешь со мной и с тем, что мое, то да, я и судья, и присяжные. А когда ситуация взывает к критическим мерам, то я чертов палач.

От его слов мой желудок скрутило в узел.

— Какое тебе дело до того, причинил бы он мне боль или нет?

— Потому что ты моя.

— Почему ты снова и снова говоришь это?

— Потому что это так.

— Я никогда не соглашалась быть твоей, что бы это ни значило.

— Твое согласие меня не особо волнует. Это не переговоры. Или ты хотела, чтобы Эд сделал то, что он планировал с тобой сотворить?

— Нет. Я говорю не об этом.

Даже в теплой воде моя кожа покрылась мурашками, стоило мне подумать о том, что могло случиться, если бы Кинг не спас меня.

Я была бы мертва.

Разве смерть Эда меня расстраивала? Нет. Или он, или я — такова была ситуация, и я рада, что она закончилась хорошо для меня.

— Поэтому мне нужен был байкер, — пролепетала я.

— Что-что? — спросил Кинг.

— Ничего, — поспешила ответить я, не понимая, как могла произнести это вслух.

— Нет, ты сказала что-то о том, что тебе нужен был байкер. Что, бл*дь, это вообще значит?

— Для защиты! — прошипела я. — Ты понятия не имеешь, что представляет собой жизнь на улице. Такие, как Эд, поджидают тебя на каждом углу, ждут, пока ты уснешь, или потеряешь бдительность, или забредешь не в ту аллею. Я не была в восторге от этой идеи, но мне больше ничего не оставалось. Никки сказала, что на твоей вечеринке будут байкеры. И если я поправлюсь хоть кому-нибудь, он защитит меня.

— Ты пришла на вечеринку, чтобы тебя, как шлюху, снял байкер?

Его голос был полон злости и разочарования, и по какой-то непонятной причине я на самом деле ненавидела тот факт, что разочаровываю его. Точно так же я ненавидела и тот факт, что разочаровываю сама себя.

Или ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да, — честно ответила я. — Хотя бы ненадолго. Но я поняла, насколько глупой была эта идея. Я больше не хочу этого.

Я не понимала, насколько смущенно и застенчиво звучат мои слова, пока не произнесла их вслух.

— По крайней мере, в этом теперь есть смысл. Давай наклонись назад, — скомандовал Кинг.

Я задрала подбородок, а Кинг придержал меня за затылок. Он взял чашку с полочки и, набрав в нее воды, медленно вылил на мои волосы.

— Ты убил свою мать, — прошептала я.

Какой бы приятной ни была ванна, я не могла заткнуть свой рот, слова сами слетели с языка.

— Преппи, бл*дь, — Кинг помотал головой. — Он не должен был ничего говорить. Это не твоего ума дело, — выплюнул он. Его задели мои слова. — Это вообще нахер никого не касается!

Через минуту или две его дыхание вновь выровнялось, а венка на шее перестала пульсировать. Он закончил поливать мои волосы.

— Значит, ты знаешь, что я сидел в тюрьме?

— Да.

— Знаешь, как долго я там пробыл?

— Три года, — произнесла я, вспоминая слова Преппи.

— Да, три года. А ты знаешь кого-нибудь, кто получил за убийство три года? — почему я раньше об этом не подумала?! В этом не было смысла. Я потрясла головой. — Это длинная история, но сегодня у меня нет настроения баловать тебя сказками.

— Но ты убил Никки.

Я прокляла себя за то, что не могла найти иголку с ниткой, чтоб зашить себе рот. К моему удивлению, Кинг прыснул со смеху. Это был настоящий смех, будто я рассказала забавную шутку. Я даже не знала, что этот человек способен на такой смех.

— Нет, — ответил он. — Я не убивал.

— Да, убил, — возразила я. — Я слышала, как ты рассказывал об это Преппи. Почему ты это отрицаешь?

— Подумай головой. Ты действительно слышала, как я говорил, что убил ее?

И опять он был прав. Я не слышала, чтобы он произнёс именно эти слова.

— Я сказал лишь то, что она была мертва. Извини, щенячьи глазки, но это так. Я нашел ее с иглой в руке в сраном мотеле за городом, — Кинг поймал слезу, скатившуюся по моей щеке, большим пальцем. — Она стреляла в тебя. Думаешь, она правда достойна этой слезы? — он удивил меня, когда слизал соленую каплю с пальца.

— Она стреляла не в меня, — защищалась я. — Она пыталась сбежать. Никки подстрелила меня случайно. На самом деле, она целилась в тебя. Мы были в отчаянии. Отчаянные люди совершают отчаянные поступки.

В этот момент я поняла, что соскучилась по Никки. Какими бы конченными ни были наши отношения, она стала всем, что у меня было.

А теперь не существовало и ее.

— Щенячьи глазки, специально или нет, но она выстрелила в тебя. Честно говоря, если бы я нашел ее живой и если бы она снова наставила на меня пистолет, я бы прикончил ее.

— Моя жизнь похожа на все увеличивающуюся кучу вопросов, которые продолжают падать сверху, и я готова добавить к этому ещё и ответы, прежде чем потеряю остатки мозгов.

— Как... Красноречиво с твоей стороны.

— Я серьезно. Для чего ты искал меня? Зачем париться и тащить меня обратно?

— Мое решение отпустить тебя было временным помутнением рассудка. А почему я принял это решение, тебя не касается. Дело в том, что твоя подруга мертва, а ты все еще должна мне. Ты моя собственность и будешь принадлежать мне, пока я не изменю своего решения.

Он провел мокрой мочалкой по моим ногам, вытирая раны на стопах. Я вскрикнула и зажмурилась.

— Ты их почти изуродовала.

— Знаешь, такое случается, когда тебя бросают гнить в лесу, а потом ты идешь несколько миль под раскаленным солнцем, — выплюнула я.

Я ожидала, что он начнет возражать мне, вступит в словесную перепалку, но он удивил меня:

— Мне жаль. Как я говорил, это было временным помутнением рассудка.

— Ты только что извинился передо мной?

— Нет, я сказал, что мне жаль и это было временным помутнением рассудка. Я не произнёс «прости».

— Как именно я должна заплатить тебе? — нерешительно поинтересовалась я. — Мы уже говорили об этом. Мне нечего тебе дать, — я вздохнула. — У меня вообще ничего нет.

— Ты заплатишь так, как я скажу, щенячьи глазки.

— А что, если я не хочу быть твоей?

Кинг не колебался:

— Тогда, я отдам тебя Преппи. Он с тобой разберется. Парень хоть и кажется милым, но в нем столько дерьма, что он и глазом не моргнет прежде, чем прижать тебя к стене и отыметь. Он любит, когда девочки кричат под ним. Любит, когда они теряют сознание от боли. Просто обожает, когда они сопротивляются. Или, может, я одолжу тебя Медведю и его команде. Слышал, Гаррис и Моно любят игры с ножом, — в его голосе не было ни капли юмора. — Но если ты согласишься, то будешь принадлежать исключительно мне. Будешь под моей защитой. И когда ты мне надоешь и твой долг будет оплачен, сможешь уйти.

— Защита, — повторила я. Именно то, что я здесь искала. — Что, если ты не устанешь от меня?

Кинг подавился смешком:

— О, я устану. Всегда устаю. Но до этого момента ты будешь делать все, что я говорю. Ты будешь жить в моем доме, — его взгляд опустился к моей киске, — и спать в моей постели.

— Ты собираешься изнасиловать меня? — мое сердце выпрыгивало из груди. — Одно дело, если я добровольно могу заплатить за себя таким образом. И совсем другое, когда у меня отнимают выбор. Если это твой план, можешь просто сунуть мою голову под воду и открутить кран на полную.

— Хотя твое тело сейчас ослабло и истощено, но твой рот, кажется, так и нарывается на неприятности.

После этих слов адреналин тут же рванул по моим венам, вернув меня в реальность и приготовив к новому сражению за свою жизнь. Разбрызгав еще больше воды, чем в прошлый раз, я встала в ванне абсолютно голой перед ним. И мне было плевать, что я ничем не могла прикрыться.

Кинг удивил меня в очередной раз, когда залез в ванну, намочив тем самым свои джинсы. Я выставила перед собой кулаки, собираясь ударить его в случае необходимости. Он прыснул со смеху и прижал меня к своей татуированной груди, при этом заведя мои руки за спину.

— Ты еще поймешь, что во мне много дерьма, но я не какой-нибудь гребаный насильник. Прежде чем я трахну тебя — а я это сделаю, щенячьи глазки — ты будешь

умолять меня об этом, — прошептал он возле моей шеи.

Я сдвинула бедра, пытаюсь унять то ощущение, которое он пробудил у меня между ног. Курсировавший по моим венам адреналин превращался в нечто иное. Я была готовой для него. Только не в том смысле, что я думала ранее.

Предательское тело.

— Сначала тебе нужно зализать раны. Твои стопы порезаны, а ухо снова начало кровоточить.

Кинг ступил из ванны на пол и вытащил меня вслед за собой, ставя на холодный кафель, из-за чего мои зубы начали стучать друг о друга. Он открыл шкафчик и достал оттуда полотенце размером с одеяло.

— Есть еще кое-что, что ты должна знать.

— Например?

— Ты рассказывала Преппи, что с тобой случилось. Но как такая, как ты, вообще могла пропасть?

— Такая, как я?

— Кто-то точно скучает по твоим прекрасным глазам, — он сжал мои волосы в кулак и запрокинул голову назад.

— Я пыталась найти кого-то, кто знает меня, — ответила я, хотя зубы все также стучали. Кинг обтирал меня полотенцем, осторожно обходясь с повреждениями. — Полиция тоже искала, но не нашлось ни единого заявления о пропаже похожей на меня девушки. Моих отпечатков пальцев не было ни в одной базе. И ранее я не привлекалась к уголовной ответственности.

Кинг расстегнул джинсы и, стянув их с себя, повесил на веревку, протянутую через всю ванную. На нем остались лишь черные боксеры, эластичную ткань которых натягивала огромная эрекция. Он заметил, что я смотрю на него, но ему ни капли не было стыдно за его возбуждение. Он даже не прикрывался. Уголок его рта дернулся в улыбке, когда парень сделал несколько шагов ко мне.

Кинг поднял меня на руки, будто я была младенцем, и понес в свою спальню на кровать. Наручники так и висели на спинке.

— И что теперь? Я твоя пленница? Опять прикуешь наручниками к кровати?

Кинг помотал головой:

— Нет, щенячьи глазки. Ты не моя пленница. Не думаю, что они нам понадобятся.

Он кивнул на наручники. Идеально сложенное, татуированное высококласными рисунками мускулистое тело Кинга поблескивало в лившемся из окна свете луны. Мой рот наполнился слюной, и мне снова пришлось сжать бедра, чтобы унять желание, собирающееся у меня между ног.

Может, он и был дьяволом, но тело точно украл у бога.

Я прошептала свой последний вопрос:

— Тогда кто я? — истощение понемногу брало верх.

— Я уже говорил тебе.

Кинг наклонился ближе, стащил с меня полотенце и позволил взгляду нагло блуждать по моему телу, прежде чем накрыл меня простыней. Опустившись одним коленом на матрас, он склонился к моему лицу и захватил мою нижнюю губу своим ртом. Я почувствовала приятное покалывание внизу живота. Кинг отпустил губу, цокнув языком:

— Ты не моя пленница. Ты просто *моя*.

ГЛАВА 11.

Кинг

Противореча своему самому рациональному решению, я все-таки вернул ее обратно в свой дом. Накормил ее. Искупал. Уложил в свою постель, и она даже не стала сопротивляться тому, что я залез к ней под одеяло и прижимал к себе, пока она не уснула со слезами на глазах. Она была здесь против своей воли, а я был извращенным е*анутым ублюдком.

Но счастливей в своей жизни я себя еще не чувствовал.

Именно тот поцелуй перевернул все с ног на голову. Я не собирался целовать ее там, в лесу, но у меня не получилось засунуть в задницу всепоглощающее желание наброситься на ее губы. Сначала мне показалось, что жажда поцеловать эту барахтающуюся подо мной девчонку просто пробудила во мне больную сторону моей сущности. Но, когда она ответила мне, я потерялся в ней полностью и безвозвратно.

Ее вкус, ее язык, притяжение, которое я почувствовал к ней, когда она впервые оказалась в моей постели, смешались в нечто, что я не смог обуздать. Я потерялся в этом поцелуе, и прошла целая минута, прежде чем снова получилось взять себя в руки. Остановиться было чертовски сложно, а мысль о том, что я могу утолить свое желание в ее теле, превращала мой член в сталь.

Я не собирался преследовать ее. Но всю ночь не смыкал глаз, пялясь на вентилятор на потолке. Бл*дь, да я даже не знал эту девчонку, но уже переживал за нее. Что она делала? Выбралась ли из леса? Я несколько часов надеялся, что она пошла в правильном направлении, в сторону Корал-Пайнс. Миль через десять она бы в любом случае нашла там признаки цивилизации.

Целый день я боролся с желанием отправиться за ней. Потом Преппи рассказал мне с том, что она нихера не помнила. О том, что потеряла память.

Поэтому я и сделал это. Эта новость стала пинком под зад для того, чтобы вернуться за ней. И это решение изменит жизнь всех вокруг меня.

Чью-то в лучшую сторону.

Чью-то в худшую.

А кому-то вообще не жить.

Я выяснил, кто такая Доу.

ГЛАВА 12.

Доу

Хоть я и лежала с открытыми глазами, тьма вокруг меня сгущалась, давая выход моей панике. Пара полуприкрытых веками каштановых глаз надо мной напомнила мне, что я не одна. Страх тут же сковал мое тело. Истинное желание в его взгляде мгновенно растопило меня, и я почувствовала влагу между ног. Я терялась в ощущении прикосновений

его кожи к моей; жар, который исходил от его голой груди, словно окутывал меня.

Очень медленно он провел пальцами вверх по моему бедру, трогая меня везде, кроме одного местечка, больше всего ожидавшего его прикосновений, пульсировавшего желанием, о котором я не знала. Его касания были одновременно нежными и робкими, словно он сам не знал, где дотронется меня в следующий миг. Я поерзала, пытаюсь направить его туда, куда мне было нужно, туда, где я жаждала его пальцы больше всего.

— Шшшшшшшш, — прошипел глубокий голос у моей шеи, отчего волоски на коже встали дыбом, а в животе запорхали бабочки. — Ты хочешь, чтобы я коснулся тебя здесь?

Его рука опустилась на мою грудь, зажимая между пальцами чувствительный сосок. Я издала громкий стон и выгнула спину навстречу его руке.

— Нет, — ответила я на выдохе.

Мне нужно, чтобы он скользнул ниже. Гораздо ниже. Он отпустил мой сосок и слегка сжал грудь.

— Я нужен тебе здесь? — услышала я голос, который дразнит меня словами так же, как его владелец пальцами.

— Нет, — я снова простонала, умирая под его пыткой, будучи не в силах дожидаться его прикосновений там.

Я слегка дернула ногой.

— Шшшшшшшш. Веди себя хорошо, и ты получишь то, чего хочешь, — прошептал голос.

Кончиком языка он прошелся по моей шее, в то время как рука спустилась к моему лону. Два пальца медленно заскользили по моему клитору, едва касаясь плоти.

Его тело замерло.

Я заерзала под ним, ища освобождение, которое он отказывался мне дать.

— Пожалуйста, — молю я. Ответа не последовало. — Пожалуйста, — повторила я.

Ответом снова стала тишина.

Я посмотрела в глаза, мгновение назад обещавшие мне удовольствие, но они начали исчезать. Потянувшись к нему, я ухватила лишь ночной воздух. Моя кожа еще горела в тех местах, где он касался меня, но я уже не чувствовала его рядом.

А потом, будто по щелчку пальцев, я осталась одна во мраке.

Прежде чем меня окутала паника, я почувствовала у себя за спиной того, кто пару мгновений назад возвышался надо мной, но что-то было не так.

Это был другой человек. Тепло от этого тела было намного, намного интенсивнее, и его было больше. Я жаждала, нуждалась в нем и знала, что он был готов дать мне его.

Другие пальцы не были такими робкими, и я почти распалась на кусочки, когда они коснулись влаги у меня между ног, раздвигая мои складочки, пока я не избавилась от мрака позади меня. Мое тело просило его прикосновений, нуждалось в них и хотело, чтобы они наполнили его чистым наслаждением, которое расколет мой мир пополам.

Пальцы стали проникать в меня.

Глаза распахнулись. В этот момент я поняла, что больше не сплю. Я лежала на боку, лицом к стене. В кровати.

В кровати Кинга.

С КИНГОМ.

Это его пальцы сейчас наполняли меня. Внутри он согнул их, и они коснулись точки G, что заставило меня выгнуть спину. Я резко набрала ртом воздух и попыталась отодвинуться

от него, но он обвинил второй рукой мою грудь, прижимая к себе.

— Попалась, щенячьи глазки, — прорычал он, лаская местечко за моим ухом жарким дыханием, отчего по моей спине поползли мурашки.

Я осознавала, что мне нужно сопротивляться или, по крайней мере, оттолкнуть его от себя, но я не могла это сделать. Все понятия о правильном, ошибочном, хорошем или плохом улетучились из моей головы, потому что его пальцы начали скользить внутрь и наружу, пока большим пальцем он прижимал мой клитор. Он все быстрее и быстрее описывал круги вокруг него, заставляя меня тяжело дышать в подушку. Кинг притянул меня ближе к себе, преследуя освобождение, которого я жаждала больше, чем следующего вдоха.

— Вот так, — снова заговорил Кинг.

Его напряженный и глубокий голос окутал меня туманом из ощущений.

— Что ты... — я начала свой вопрос, но не смогла сформировать слова, потому что внизу Кинг прижал меня ладонью к себе и лишал возможности даже дышать.

— Я собираюсь заставить тебя кончить, щенячьи глазки. Тебе понравится, насколько сильно ты кончишь, — пообещал он.

Когда я почувствовала, что балансирую на грани, Кинг сильнее и жестче начал массировать мой клитор. Я мысленно поднималась вверх, боясь упасть с высоты, на которую он меня возвел.

— Да, детка! Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Не бойся кончить для меня.

Он в последний раз коснулся моего клитора, и у меня перед глазами замерцали огоньки. Потом я стала падать, мчась с космической скоростью вниз, в самое неземное удовольствие, о существовании которого я даже не подозревала. Крича в подушку, сжимая ладони в кулаки, я чувствовала, как оргазм разрывает меня от груди до кончиков пальцев на ногах. Мое лоно продолжало пульсировать вокруг пальцев Кинга, пока я возвращалась назад на землю.

— Ты погубишь меня, щенячьи глазки, — простонал Кинг. Он вынул пальцы и облизал их языком. — Бл*дь!!!

«Какого хера только что произошло?»

Кинг присел у изголовья кровати. Как бы сильно я ни хотела пошевелиться, сил у меня на это не было, я была прикована к матрасу.

— Тебе кое-что нужно усвоить прямо сейчас. Когда в следующий раз ты начнешь стонать и гладить свою киску во сне, я не стану брать на себя ответственность за то, что случится. Ты будешь в этом виновата. Потому что я не буду паинькой и решу твою проблему чем-то гораздо большим, чем просто пальцы.

— Кто тебе сказал, что мою проблему нужно решать? — зашипела я.

Кровь прилила к щекам, сжигая меня смятением.

— Бл*дь, да кто угодно в районе десяти миль (прим. пер.: примерно 16 км) догадался бы, что тебе нужно, но в следующий раз, когда ты проснешься, в твоей киске окажется мой член. И когда это случится, ты кончишь так мощно, что произошедшее только что покажется тебе обычной икотой. Напомню, что это моя кровать! Я здесь сплю, как и ты теперь. Так что осторожней со снами.

— Я...

— Мне нахер не нужно, чтобы тебе снился кто-то, когда ты спишь рядом СО МНОЙ Е МОЕЙ Е*АНОЙ ПОСТЕЛИ!!

Внезапный гром в его голосе сбил меня с толку. И разозлил окончательно.

— Во-первых, я не отвечаю за то, что или кто мне снится, и это тебя нахер не касается!

И во-вторых, — я выставила перед ним два пальца, — я не хочу спать с тобой в одной постели! Это ты приволок меня сюда! И в-третьих, откуда ты знаешь, что мне снился не ТЫ?

Я надеялась, что это уменьшит мое замешательство, но с каждым словом оно росло и росло, пока я не почувствовала, что заливаюсь жаром от макушки головы до ног.

— Тебе снился не я, — ответил он уверенно, скрещивая руки на груди.

Внезапно до меня кое-что дошло.

— Я назвала чье-то имя? Чье?!

— Нет, щенячьи глазки. Ты не называла ничье имя. Хотя я не могу дождаться, когда выкрикнешь мое.

— Ты не читаешь мои мысли, поэтому нахрен не можешь знать, что и кто мне снится, — возразила я.

Голос становился громче с каждым предложением. Я была разочарована тем, что не произнесла чье-нибудь имя, и зла на себя за то, что насладились сокрушительным оргазмом, который подарили мне его пальцы.

— Щенячьи глазки, ты хочешь знать, почему я уверен, что тебе снился не я?

— Да, — прошептала я.

На короткий миг злость в его глазах утихла. На его идеальных губах появилась хитрая ухмылка, и он перекатился на меня, прижимая мою спину к подушкам. Он поймал меня в ловушку. Склонив лицо ко мне, Кинг согрел мою кожу дыханием, когда прорычал:

— Потому что, детка, если бы тебе снился я, ты бы кричала в разы громче, чем сейчас.

— Ты, мать твою, подлый сукин сын!

Я закричала, но он уже покидал комнату, и мои слова полетели в пустоту.

По тому, как мое тело отвечало ему, я была уверена, что он может заставить меня чувствовать, и у меня не было сомнений в том, что он исполнит каждое данное им обещание касательно моего оргазма. Мне нужно было оставить его в покое и вспомнить, что я обещала ей.

Это будет очень нелегко, особенно если мне придется спать в его постели.

Сон, который снился мне, пока не вмешался Кинг, был слишком реальным, слишком живым. Во мне зарождалось сильное чувство того, что это было нечто большее, чем просто сон. Может быть, если повезет, мне удастся заглянуть в свое прошлое.

Каштановые глаза могут быть ключом к правде о том, кто я такая и что со мной случилось на самом деле.

Я снова уснула, мечтая о том, чтобы парень из моего сна пришел ко мне для того, чтобы вернуть назад к семье и друзьям, вернуть к нормальной жизни, чтобы все, случившееся за последние несколько дней, было забыто как ночной кошмар. Я грезила о том, что где-то есть люди, которые умирают от тревоги за меня и которые вскоре придут за мной.

Я снова и снова прокручивала этот сценарий в своей голове и почти поверила в него.

Почти.

Кинг был смыслённым, расчетливым и хитрым. А самое худшее: он обладал силой, от страха перед которой у меня тряслись коленки. Желая его, я становилась слабой. Мне нужно было держаться подальше от Кинга, но этому, по его словам, не бывать.

Парень был прав: мне снился не он. Кинг был не сном.

Он был кошмаром.

ГЛАВА 13.

Доу

Кинг так и не вернулся в постель, но мне от этого стало только легче. Я по-прежнему так же сильно не хотела быть собственностью человека, чье настроение меняется быстрее, чем температура воды в кране. Поэтому решила сосредоточиться на том, что было подо мной. *А точнее, прямо подо мной.*

И надо мной.

И вокруг меня.

И внутри меня.

Кровать. Крыша. Стены. Еда.

Через оконное стекло пробивались лучи солнца. Я потянулась руками и ногами и вздохнула полной грудью. Может, моя ситуация и не такая хорошая, как я предполагала, но, по крайней мере, в ней есть плюсы.

Ну... Например, я не прикована к кровати наручниками.

— Проснись и пой! — прокричал Преппи, открывая дверь нараспашку и бросая одежду прямо мне на голову. — Нам дохера нужно сделать, а я не люблю ждать. Особенно гребаных цыпочек.

Я стащила одежду с лица и прижала ту к животу.

— Почему ты такой довольный? Кажется, ты должен ненавидеть меня за то, что я сделала? — спросила я, вспоминая свой удар по яйцам, спустивший Преппи вниз по лестнице, когда я пыталась сбежать.

— Неа, не побоюсь сказать, меня это даже поразило. Не пойми меня неправильно, это было п*здец как глупо. Видела бы ты лицо босса. Он злился так, что я думал, у него полопаются артерии. А если малыш Преппи или другие ребятки не работают надлежащим образом, приходится заводить совсем другую песенку. Но мы, парни, знаем, как справиться с таким ударом. Ну... Типа того. А теперь, мать твою, одевайся!

— Куда мы идем? — я натянула футболку на голову.

Преппи прыгнул на кровать, подсакивая словно пятилетний мальчишка. Я не могла пропустить мимо его беззаботность и улыбнулась.

— Боже ты мой, она улыбается! — просиял Преппи, прыгая еще сильнее, пока из-за резонанса я сама не стала соскакивать на край кровати. Еще мгновение, и я приземлюсь задницей на пол. — Бл*дь, а у тебя милая улыбка! Она не делает тебя похожей на наркоманку.

— Что, прости?

— Нар-ко-ман-ку, — произнес Преппи, делая ударение на каждом слоге, будто я глухая.

— Я слышала. Но... Я действительно похожа на нее?

Мне вспомнились мое худое тело, перемотанная бинтом голова и красная кожа, обожжённая солнцем.

— А разве нет? — спросил Преппи, странно улыбаясь. Я недоверчиво посмотрела на него и скрестила руки на груди. Он спрыгнул с кровати и взял меня за локоть. — Мы можем это исправить. Не переживай. Откормим тебя чуть-чуть, и на этот костлявом теле появятся сиськи и попка.

Я сразу припомнила слова Кинга о Преппи. Слова о том, что он любит делать с

женщинами. Я вырвала руки из его хватки и отступила назад. Если Кинга нет поблизости, позволит ли себе лишнее Преппи?

— А, все ясно. Босс угрожал тебе мной, да?

Я неохотно кивнула:

— Он сказал правду?

Преппи сделал шаг ко мне и снова впился пальцами в мои руки. На этот раз он рывком прижал меня к себе, и у меня не осталось другого выхода, кроме как посмотреть ему в глаза.

— Да.

Он заправил локон волос мне за ухо. Странно, но его прикосновение не заставило меня дрожать. Мужчина, который стоял передо мной, был способен на такую же грубость, как и Кинг, и мог совершить поступки, от которых у меня волосы встали бы дыбом. Но сам он не вызывал у меня недоверия. С ним мне было до чертиков комфортно.

— Я не сожалею. Со мной случалась такое дерьмо, что я не уверен, захочешь ли ты узнать об этом. Я не извиняюсь за то, кто я есть. Все равно в итоге получается дерьмово. Я — это я. С этим фактом ничего не поделаешь. Хотя мне становится интересно, почему Кинг угрожал тебе именно мной.

— Может, он теряет хватку, — прошептала я.

— А в тебе, значит, и юмор проснулся, — он улыбнулся. — Что в тебе такого особенного?

Преппи взял мое лицо в свои ладони и сфокусировал взгляд на моих глазах, будто пытаясь выудить оттуда ответы на свои вопросы. Он поджал губы и вздёрнул брови.

— Я тоже задаю себе этот вопрос.

Преппи внезапно сделал шаг назад и потряс головой, будто избавляясь от мыслей. На его лице снова была улыбка, и на этот раз он улыбался во все тридцать два зуба. Я все больше и больше понимала этот его характерный взгляд.

По непонятной причине Преппи начал говорить с испанским акцентом:

— Босс сказал мне, что, поскольку ты наша рабыня, а у него сегодня дохерища дел, ты поедешь со мной. Так что оделась, рабыня, и давай, мать твою, поколесим по окрестностям! — Преппи поднял большой палец вверх и, развернувшись на пятках, задвигался. — Одежда должна быть впору, — подметил он, указывая на джинсы. — Одевай их и спускайся. Время не сучка. Ждать не будет.

— Мы куда-то собираемся? И чья это одежда? Куда мы едем? — вопросы сыплются из меня, как будто очередь из пулемета, и я едва ли успеваю набрать воздуха для очередного вопроса.

— Знаю, у тебя пробелы в памяти, детка, но твоя кратковременная память вообще работает? Потому что я зае*усь повторять по триста раз! — он сделал паузу, а потом продолжил мучительно медленно: — Да. Мы кое-куда едем. Одежда на кровати. Одевайся. Через пять минут жду тебя на кухне, — закончив свой «полет» слов, он добавил. — И хватит задавать кучу е*анутых вопросов, иначе у тебя будет длинный, оооооочень длинный день.

— Ты оставишь меня здесь одну? — я схватила одежду с кровати и прижала ее к груди. — Помню, ты стоял и смотрел, пока я писала, а теперь что, просто уйдешь?

— Ты хочешь, чтобы я посмотрел? — подмигнул Преппи. — Потому что это можно организовать. Хотя я и под запретом в плане, цитирую: «*Не прикасаться, бл*дь, к ней*».

Он сделал ударение на каждом слове, загибая при этом по пальцу.

— Нет, просто это странно. И Никки. И Кинг. И ты. И вообще все, — я прикусила губу.

— Для меня тоже, детка. Для меня тоже. Но я всего лишь следую приказам босса, — ответил Преппи. — Но давай же, бл*дь, прокатимся, и может быть, после всех наших дел мы повеселимся, ну типа игры на приставке и все такое. Но это только когда Кинга нет рядом. А теперь, мать твою, шевели задницей!

Преппи оставил дверь в мою комнату открытой и шумно спустился вниз по лестнице. Его свист утихал, как и шаги, по мере того, как он отдалялся от спальни.

Парень принес мне простую одежду. Пару джинсов, черный топ и черные босоножки на плоской подошве, которые были точно моего размера. Одежда была на два размера больше, но ткань была приятной и мягкой на ощупь. Он также оставил мне пару зубных щеток и ярко-красные кружевные трусики с неотрезанной биркой. Четыре из пяти минут я провела, одеваясь и чистя зубы.

Вчера я пошла спать с мокрой головой, поэтому кончики волос превратились в сосульки. С помощью расчески, которую нашла в ванной, я попыталась придать им более сносный вид.

На мне была настоящая одежда и обувь.

Это было божественно.

Ванна магическим образом повлияла на мои раны. Я нашла все, что мне было нужно для перевязки уха и ног. Потом я втерла масло алое в кожу, по сравнению со вчерашним днем казавшуюся менее красной.

Найдя дорогу на кухню, я остановилась в дверном проеме как вкопанная. Посередине небольшой комнаты с желтыми стенами и столешницей цвета авокадо стоял старый потёртый стол, полностью покрытый вырезанными узорами и мелкими рисунками: различными именами, изображениями членов, цитатами и массой матерных слов. Но не это привлекло мое внимание, а то, что находилось в центре этого стола.

Блинчики.

Несколько стопок аппетитных, смазанных сливочным маслом, идеально круглых блинчиков.

Преппи стоял у плиты со сковородой в руке, подкидывая блинчик в воздух. Поверх выцветшей рубашки красного цвета с коротким рукавом и джинсов на нем был красный фартук на завязках. Его желтый галстук был закинут на плечо. Белые кроссовки очень подходили к его белым подтяжкам.

Но блинчики.

Не дождавшись, пока он скажет мне «угощайся», я уже сунула два блинчика так глубоко в рот, что могла подавиться, но мне было плевать. Они могли быть отравлены, но и на это мне было плевать. Если бы я умерла с полным блинчиков ртом, пока их яд расплавлял бы мои внутренности изнутри, с удовольствием удостоилась бы этой участи.

Потому что это блинчики.

Преппи выключил конфорку и выложил последний блинчик в стопку на тарелку посередине стола.

— Полегче. Помнишь? — напомнил он мне.

Он налил немного апельсинового сока в красный пластиковый стакан, пока я проглатывала кусок блинчика, который угрожал моей жизни. После этого я старалась откусывать куски поменьше и жевать помедленней.

— Так чем мы сегодня занимаемся? — уточнила я.

— Делами, — нерешительно ответил Преппи. — Бизнесом.

— Почему мне нельзя просто остаться здесь?

— О, можно, но тогда мне придется приковать тебя к кровати. Меня не будет достаточно долго. Так что ты не поешь, не сходишь в туалет, а будешь просто лежать в кровати.

Мне показалось, я даже почувствовала боль из-за того, что Кинг приковал меня к постели в прошлый раз.

— Значит, бизнес. Что за бизнес?

Произнеся эти слова, я тут же пожелала забрать их обратно.

«Идиотка, ты точно не захочешь узнать об этом».

Преппи явно не парился с ответом на мой вопрос:

— Заткнись и заканчивай свой завтрак, чтоб мы могли наконец-то выбраться из этого е*аного дома.

Он говорил в таком стиле, в каком не говорил никто другой. У него было интересное поведение, но слова, слетавшие с его губ, всегда были грубыми.

Но я заткнулась и просто сделала то, что мне было велено.

Потому что это *блинчики*.

***

Я последовала за Преппи из огромного гаража на задний дворик. У меня не получалось быстро идти, я все еще хромала.

Хотя мои ноги были в куда лучшем состоянии, нежели вчера, каждый шаг казался болезненней предыдущего.

Я еще ни разу не видела дом Преппи и Кинга днем. Теперь у меня появился шанс хорошенько его рассмотреть.

Дом находился у самого края залива. Сам по себе он был огромным, а прилегающая территория составляла примерно акр (прим. пер.: 4046 кв. м.).

Местами его ремонтировали, но кто бы ни занимался этим, давно бросил эту затею. Голубой сайдинг был забрызган грязью. Сорняки обвили фундамент. На траве валялись ржавые ведра с краской и старые инструменты. Фасад дома был частично покрашен серым, а под козырьком крыши краской из баллончика было написано «КОРОЛЬ ДОРОГ». Слова выглядели так, будто кто-то пытался их зарисовать другим цветом, но буквы все равно проглядывали из-под тонкого слоя краски.

— Так ты теперь нянька? — спросила я, когда мы оказались позади дома.

— Кажется, да, — ответил Преппи. — Я выполнял для Кинга дохера дерьма, но это для меня что-то новенькое. Со мной раньше никто не ездил. Но также и он никогда не брал к себе бродяжек.

— Бродяжек?

— Ну, ты типа бездомной собачки без ошейника. Милая, но чересчур худая и немного лохматая.

— Хорошо, я поняла, но меня не нужно было брать. Я здесь против своей воли, — поправила я.

— Когда Кинг спас тебя от дебила прошлой ночью, это тоже было против твоей воли?

— Нет. Он собирался убить меня.

— Ладно. Тогда другой вопрос: у тебя есть куда пойти? — я помотала головой. — Видишь? Он приютил тебя. Как собачку.

Это был первый раз, когда я поняла, что была здесь не совсем против своей воли, и Преппи заставил меня это увидеть.

— Я имею в виду, да, он спас меня, — согласилась я. — Но, с другой стороны, он ожидает, что я выплачу долг, который даже не мой, только лишь подчинившись его конченной воле.

— В любом споре — два мнения. Они оба могут быть ошибочными. Но и оба могут быть правильными, — пропел он, пока мы проходили мимо костровой ямы на заднем дворе.

Это была не просто дыра, как я думала ранее. Вокруг ямы был уложен кирпич высотой с фут. За ямой, в конце огромного двора, находилась деревянная пристань, оцепленная мангровыми зарослями (прим. пер.: вечнозелёный кустарник или дерево, растущее прямо из дна залива или озера), которые угрожали поглотить все под собой. Зеркальная спокойная гладь залива тянулась вдаль, окруженная лишь природой.

Ни других домов. Ни других пристаней.

С ближайшего дерева слетела птица, сбросив дождевые капли с ветвей. С одной из них свисала живая змея.

Это место было таким же странным, как и Кинг. Живописное, незаконченное и грубое, но в то же время загадочное и по-своему прекрасное.

Потрёпанный дом в каком-то смысле можно было назвать кусочком рая.

— Кто еще здесь живет? — поинтересовалась я, пока мы направлялись к двери отдельного гаража.

Брезенты разной степени выцветания прикрывали ряды, как мне показалось, машин и мотоциклов. Они казались тяжелыми под слоем пыли, будто все было завернуто в туман. Оживая в темноте сырого гаража, осколки чего-то засияли в солнечных лучах, пробивавшихся через разбитое окно.

— Во всем доме только нас двое, — ответил Преппи, сбрасывая брезент с чего-то, что напомнило мне старый седан, который выглядел в точности как в фильмах пятидесятых. — Но в гараже живет Медведь. Отирается здесь, когда не хочет жить в доме клуба, что в последнее время не редкость, — он указал на дверь в дальнем углу, обклеенную стикерами для бамперов.

Преппи завел машину, а затем открыл гаражные ворота. Он выехал и припарковался так, чтобы потом можно было спокойно их закрыть.

Он медленно повел машину вниз по склону.

— Не хочу, чтобы малышка Бетти собирала всякую грязь, — проинформировал меня Преппи, легонько шлепая по рулю машины.

— Ты дал машине имя?

— Ну... Да. Конечно. Все важное в жизни должно иметь имя.

— И не поспоришь, — с сарказмом произнесла я, имея на этот раз в виду не машину.

— Ой, да ладно. Ты важна. И у тебя есть имя. Мы просто его еще не знаем. Может быть, у тебя херовое имя. Ну там... Например, Петуния Пиплбитер или что-то типа того. Ты должна быть благодарна за то, что не страдаешь от именной трагедии, — пошутил Преппи.

— Думаю, Доу лучше, чем Петуния Пиплбитер, — согласилась я, не сдержав смех.

— Да, черт возьми, — Преппи дал газу, как только мы достигли конца трассы и свернули на дорогу.

Единственный город, который я посетила, помимо Логанс-Бич, был Харпер-Бридж. Хотя эта местность и была такой же населенной, у нее все же были явные отличия от того

места, где я проснулась на аллее. Места, в котором Никки впервые стала мне подругой, если это можно так назвать.

Е*аная Никки.

Что-то тяжелое появлялось внутри, когда я вспоминала о ней. Часть меня хотела оплакать ее утрату, будто я знала ее всю свою жизнь, а не пару недель. Другая же часть просто хотела плакать, но я стряхнула эти мысли, потому что она не заслужила моих слез. Она бросила меня.

Эта сука стреляла в меня.

Пока мы ехали, Преппи показывал мне окрестности. Когда мы минули мост, который полностью скрылся в земле, я поняла, что слово «дорога», написанное на доме Кинга, относилось к этому месту.

Я поймала себя на том, что высовываю голову из окна подобно собаке. Когда я открывала рот, то могла почувствовать на языке солоноватый привкус воздуха.

Меня могли выбросить на улицу в любую минуту, так что я решила наслаждаться временем, которое не было отягощено бременем необходимости выживать.

Наша первая остановка была возле маленького ухоженного домика с белым сайдингом. Преппи припарковал машину.

— Оставайся здесь, — приказал он прежде, чем вылез из машины и громко хлопнул дверцей.

Я откинулась на сиденье, готовясь к долгому ожиданию, когда он внезапно выскочил за окном с моей стороны.

— Я хочу быть твоим другом, детка, — сказал он мне. — Мне до*уя жаль, что тебе пришлось пережить все то дерьмо, которое ты испытала. Я знаю, что это такое, и был на твоём месте. Я хороший парень. Большую часть времени. Но из-за того, что я хороший, не значит, что тебе можно этим злоупотреблять. Ты уже воспользовалась этим однажды, я простил это. Надеюсь, ты не настолько тупая, чтобы повторить попытку. Так что, хоть я и не должен этого говорить, все равно скажу. Не уходи никуда, окей? Не пытайся сбежать, потому мне будет похер, что ты мой друг. Если найду, я перережу тебе глотку и оставлю гнить там, где вряд ли кто-нибудь тебя найдет. Ладненько?

Он щелкнул по кончику моего носа и трусцой побежал по подъездной дорожке, оставляя меня на пассажирском сиденье в откровенном шоке.

Передняя дверь немного приоткрылась, когда Преппи остановился на крыльце, будто человек, который был за дверью, ждал его. Преппи осмотрелся по сторонам и исчез в доме.

Я утонула в кожаном сиденье. Слава Богу, он оставил зажигание включенным, поэтому я могла послушать музыку.

Хоть я и чувствовала бриз с дороги, здесь, на равнине, было очень душно, и влажность была настолько высокой, что я видела, как воздух дрожал над землей.

Я закатала джинсы до колен, чтобы хоть немного остыть.

Предупреждение Преппи хоть и пугало меня до чертиков, но не было необходимым. Мне некуда было идти.

«Я защищу тебя», — говорил Кинг.

Я решила остаться из-за блинчиков Преппи. Кинг сказал, что не станет принуждать меня трахаться с ним, так что мне лишь предстояло наслаждаться свободной комнатой и не наткаться на Кинга.

«Ты будешь умолять об этом».

Ага, сейчас! Он может и дальше в это верить, пока я буду уплетать блинчики.

Через сорок пять минут передняя дверь открылась. Пожилая женщина вышла с Преппи на крыльцо и подарила ему долгое объятие. Она держала его лицо в своих ладонях близко к своему и что-то говорила, ее лоб почти касался его. Преппи вернул поцелуй в щеку и помахал ей, возвращаясь к машине.

— Ты в порядке? — спросил он, выруливая назад на трассу.

— Да. А что? Ты удивлен, что я все еще здесь?

— Не, просто сегодня на небе ни облачка. Глэдис любит поболтать, а е*аное солнце жжет, как ад, и в машине жарче обычного, даже с включенным кондиционером, — он указал рукой на мои подкатанные джинсы: — Но, кажется, ты разобралась.

— Порядок. Глэдис твоя бабушка? — поинтересовалась я.

— Не совсем, — ответил Преппи с дьявольской ухмылкой на лице. — У нас с ней дела.

— Дела? Какие дела у тебя могут быть с пожилой женщиной, с которой ты провел в доме сорок пять минут?

И потом до меня дошло. Преппи, наверное, понял это по моему лицу.

— Что? — спросил он.

— Ты занимался с ней сексом?

— О боже мой! Ты думаешь, я парень-проститутка!

Преппи ударил кулаком по рулю. Он свернул на обочину, остановился и вытер слезы с глаз, которые начали выступать от безудержного смеха.

— Это не так уж и смешно, — пробубнила я, скрещивая руки на груди.

— Да, да, детка. Что конкретно Кинг сказал тебе обо мне? Он как-то упомянул, что у меня пунтик на старушек? Если да, то я надеру его гребаную задницу, потому что это неправда.

— Нет, он этого не говорил, но тебя не было достаточно долго, и ты ей, похоже, нравишься. Сильно. Если она не твоя бабушка, значит, я подумала, что...

— Давай. Скажи это. Ты думала, я извращенец, который удовлетворяет старушку своим членом и получает за это бабки? — он повернулся ко мне и откинулся назад на водительскую дверцу.

— Ну, да... Но то, как ты это говоришь, звучит смешно.

— Потому что это на самом деле смешно, — ответил Преппи, доставая пачку сигарет из консоли.

Он со скрипом опустил стекло и подкурил одну сигарету, поворачивая голову к окну, чтобы выпустить дым. Парень завел машину и снова выехал на дорогу.

— Думаю, в итоге мне понравится с тобой нянчиться.

Я почувствовала, как покраснело мое лицо:

— Тебе не нужно со мной веселиться. У меня, может, и немного воспоминаний, но у меня есть чувства, так что мы можем просто притвориться, будто ничего этого не происходило?

— Да, мэм, я забуду об этом, — произнёс Преппи, хоть и выражение его лица говорило о том, что этого никогда не будет.

Парень припарковался возле другого дома, который в точности напоминал мне первый, только возле этого росли голубые цветы вместо белых.

— Вот что я скажу, детка. Почему бы тебе не пойти со мной и не увидеть, как на самом деле обстоит дело?

— Нет, спасибо. Я лучше подожду здесь, — фыркнула я, звуча почти как вредный, капризный младенец.

— Нетушки. Дело касается моей репутации. Так что ты идешь, — сказал Преппи, выключая двигатель. Вместе с ним с шипением заглох и кондиционер, выпуская через щели последний глоток прохладного воздуха.

— Я думала, ты собираешься забыть обо всем этом.

— О, я солгал, — ответил он, обходя машину и открывая для меня дверь. — После тебя, дорогая.

Я подошла к парадной двери, а Преппи следовал за мной по пятам. Он позвонил в дверь, и другая женщина того же возраста открыла дверь и впустила нас в дом.

— Арлин, это Доу. Она — друг. Она ведь может войти? В машине становится адски жарко.

Южный акцент Преппи теперь набрал полную силу.

— Почему нет, конечно, дорогая! В такой денек, как сегодня, вообще не стоит сидеть в машине. Тебе должно быть стыдно, Сэмюэль, если ты уже заставлял ее сидеть и ждать тебя, — она игриво шлепнула его по плечу, когда он ступил в комнату, и зашаркала ногами, проходя в гостиную. — Садись, садись. Я уже приготовила чай. Сейчас принесу для тебя приборы.

Преппи уселся на диван, заполненный подушками с кружевным узором, и махнул мне, чтобы я присоединилась к нему.

На стеклянном столике с чайным набором стоял настолько блестящий серебряный поднос, будто его только что отполировали. Рядом располагался ещё один, на котором было три корзинки с печеньем и хрустящими палочками.

— Угощайся, дорогая, — сказала Арлин, которая вернулась в комнату с блюдцем и чашкой.

Она протянула его мне и наполнила мою чашку. Я бросила взгляд на Преппи, уплетавшего печенье с космической скоростью.

— Арлин печет самые невероятные печеньки, — проговорил он с набитым ртом так, что крошки разлетались в стороны.

Арлин положила печенье на мое блюдце, и я попробовала кусочек. Оно было еще теплым и мягким, а шоколад просто таял у меня на языке. Теперь я понимала, почему Преппи так их нахваливал. Я прикончила оставшееся печенье одним махом и попыталась сдержаться, чтобы не ударить Преппи за то, что он мог слопать их все раньше меня. Вместо этого я откинулась назад и, скрестив ноги, попивала чай, надеясь, что Преппи подавится и откинёт лапы, а печенье достанется мне.

Это было немного драматично, но печенье того стоило.

— Видишь, Сэмюэль. У этой девушки есть манеры. Тебе стоит поучиться парочке у нее, — произнесла Арлин, глядя на него поверх своей чашки. — Так это твоя новая подружка?

— Нет, мэм, просто друг, который помогает мне сегодня.

Я заметила, что Преппи не матерился в разговоре с Арлин.

— Это замечательно, дорогая. Друзья — это фантастика. Когда я в один прекрасный день в клубе по бриджу...

И Арлин начала длинный рассказ о людях, дружба с которыми началась в клубе по бриджу (прим. пер.: карточная интеллектуальная парная и командная игра), и о том, как она

потеряла их, когда внезапно началась война и она пошла на фронт медсестрой. О какой именно войне она говорила, я не знала, поэтому вежливо улыбалась и кивала, пока Преппи втягивал в себя ароматный запах стоявших перед ним вкусностей.

Он так смешно выглядел в ее гостиной. Его татуировки и подтяжки как бельмо на глазу выделялись на фоне кружевных узоров и чайного сервиза.

Ладно, он не был извращенцем, но тогда, может, присматривал за старушками? Типа «друг на час»?

Когда он сказал, что я буду помогать ему в его делах, мне представилось, что мы отправимся в темные переулки и порочные места, где запросто можно купить наркоту и изящно пожать руки после заключения сделки.

Я точно не ожидала того, что меня усадят пить чай в гостиной пожилой дамы, которая могла быть чьей-то бабушкой.

— Оу, не стану вас задерживать. Я в курсе, что у вас еще несколько остановок. Жанин звонила как раз перед вашим приходом, так что я знаю, она ждет вас с нетерпением. Кстати, она испекла вам вишневый пирог, — сказала Арлин.

— Дамы, вы меня откормите, — Преппи откинулся на спинку дивана и похлопал себя по набитому животу.

Арлин поднялась с места:

— Сэмюэль, делай то, что должен. Я буду в саду. Не забудь попрощаться перед уходом.

Арлин поставила свою чашку, взяла шляпу с широкими полями, пару перчаток для работы в саду и исчезла за парадной дверью.

— Давай займемся нашим дерьмом, — проговорил Преппи. Он встал, прошел по коридору и остановился перед дверью чуть дальше. — Ты идешь? Или думаешь, я здесь храню свою хрень для БДСМ? Потому что я больше не позволю сунуть мне в рот тот красный шарик на кожаном ремешке. От него у меня сводит челюсть.

— Ха-ха. Очень смешно, — в этот момент мне показалось, что за дверью может идти цирковое представление, и меня бы подобное не удивило. — Мы уже выяснили, что парень-проститутка здесь ни при чем.

— Неа. Парень-проститутка — просто смешно.

— Ну так просвети меня. Что вы здесь делаете?

— Мы занимаемся выращиванием.

Преппи открыл дверь и отступил в сторону, позволяя мне войти первой. Да, будь здесь цирковое представление, оно не удивило бы меня так, как то, что я увидела. Ряд за рядом маленькую комнатку наполняли растения с мелкими листочками. Стены были увешаны самой современной техникой. На потолке была установлена система вентиляции. Аэрозольный генератор выпускал пар каждые несколько секунд. Преппи протиснулся мимо меня и сбросил свой рюкзак на пол. Он открыл его, достал оттуда пару инструментов и прошел между рядами, исследуя каждый кустик. Иногда он брал линзу и внимательно присматривался к листочкам.

— Вы выращиваете травку?

— Бинго!

— В доме пожилой женщины... Выращиваете травку... Зачем?

— Если бы тебе пришлось угадывать, чем я занимаюсь, когда исчезаю в доме, ты бы сама никогда не пришла к этому заключению?

— Нет.

— Вот поэтому.

— Так и в доме у Глэдис?

— И еще в нескольких по городу. Мы выплачиваем их ипотеку и счета или просто даем им наличку, если это то, чего они хотят, а в ответ они позволяют нам пользоваться комнатой в их доме, чтобы выращивать нашу травку.

— Так ты не «друг на час»?

— Твоя вторая догадка? Ну, это, по крайней мере, лучше парня-проститутки, но нет, я не е*анный «друг на час». Хотя стоит признать, что нет ничего плохого в том, чтобы подружиться со всеми этими дамами, которые вносят свой вклад в наш «тепличный» бизнес. Это делает их счастливыми. Заставляет продолжать вести с нами дела и оберегать наши задницы от закона.

— Кажется, парень-проститутка мне нравился больше этого.

Преппи широко развел руками и с гордостью окинул взглядом комнату:

— Детка, добро пожаловать в мой замысел. Добро пожаловать в «Бабулину Оранжерею».

***

— Значит, так ты называешь операцию? «Бабулина Оранжерея»? — мы вдвоем снова были в машине после трех остановок, и Преппи только что сказал, что Бетти была нашим последним пунктом на сегодня.

— Это я ее так называю. Кинг ненавидит это наименование, но он не так давно вышел, и у него пока не хватает времени, чтобы навестить их всех и возвратиться в дело. Но он вернется.

— Ты начал это, когда Кинг был в тюрьме?

— Ага, меня надул наш поставщик, который хотел иметь дело исключительно с Кингом, так что я послал его к хренам собачьим и основал «Бабулину Оранжерею». Так мы зарабатывали бабки, пока громилы не было с нами.

— Ты когда-нибудь думал найти работу?

— А это, по-твоему, что? — переспросил он.

— Ну, я имею в виду настоящую работу.

— Бл*дь, нет. Я ни дня не работал на настоящей работе. И не планирую. Нах*й такое?

— Не знаю, просто либо у тебя окончательно крыша поехала, либо ты чертовски гениален.

— А я не знаю, всегда ли ты такая смелая или ты самый худший случай из серии «я не могу закрыть свой гребанный рот», — размышлял он.

— Со мной всегда так.

— У Кинга вроде есть настоящая работа с татуировками. Его можно выследить. Но он любит это делать. Тебе стоит пойти посмотреть на его работы. Это просто невероятно. Он занимался этим с самых малых лет, тренируясь на мне.

Осознание реальности, которая ожидала меня, свалилась мне на голову в тот момент, когда мы въехали в гараж.

И в этой реальности почти шесть футов роста.

Преппи заметил, как я плююсь вверх на дом.

— Знаю, Кинг, может, и грубоват снаружи, но он — это самый лучший человек, которого я встречал в своей жизни.

— Неужели? Наверное, у тебя немного знакомых.

— А ты все шутишь? — Преппи опустил гаражную дверь. — Но, если серьезно, он не такой уж и плохой.

Мы подошли к дому, когда большая тень мелькнула в окне второго этажа, отчего по моему позвоночнику побежали мурашки.

— Лучше скажи это ему.

ГЛАВА 14.

Доу

На обед Преппи приготовил аппетитную пасту с сосисками. Думаю, бабули начали влиять на него, потому что мы ели на раскладных подносах, усевшись на диван в гостиной перед телевизором.

После обеда Преппи исчез в своей комнате, а поскольку я была пушечным мясом для наказаний, то поднялась к Кингу. Или может быть, я просто хотела, чтобы он нашел меня. Я не была хозяйкой положения, но это было уже хоть что-то.

Мое внимание привлек жужжащий звук. Он исходил из той же комнаты, где Кинг работал с девушкой.

Дверь не была плотно закрыта. Внутри я увидела девушку с длинными рыжими волосами, сидевшую на стуле с низкой спинкой. Кинг находился позади нее, но все было не так, как в прошлый раз. Он был в черных перчатках. И держал жужжащую тату-машинку, которую я видела не раз и уже знала, что он макнет иглу в маленькую емкость с краской, а потом снова продолжит работу.

Мужчина со светлыми волосами рыжеватого оттенка и голубыми глазами сидел на стуле в углу, опершись подбородком на руки. Он шарил глазами по журналу «Guns & Ammo», который держал в руках. Глаза рыжеволосой были прикрыты, а Кинг тихонько притопывал в такт лившейся из колонок песни группы «Lynyrd Skynyrd».

Не зная, как Кинг отреагирует на то, что смотрю на его работу, я развернулась, чтобы уйти.

— Щенячьи глазки, мне нужно больше салфеток.

Я развернулась к нему. Глаза блондина немедленно сфокусировались на мне. Рыжеволосая вытащила наушники из ушей, а Кинг даже не поднял голову.

— Ты мне? — переспросила я, неуверенная в том, к кому обращался Кинг и кого именно назвал «щенячьи глазки».

— Да, тебе. Разве что я назову Джека «щенячьи глазки». Но что-то подсказывает мне, что ему это не понравится.

Мужчина в углу сидел с каменным выражением лица, прочитать которое было невозможно. Девушка посмотрела на меня понимающим взглядом, а потом снова вставила обратно наушники и закрыла глаза.

— На столешнице, — нетерпеливо добавил Кинг.

Я посмотрела в угол комнаты и нашла рулон салфеток. Схватила его и подошла к Кингу, поставив на маленький столик возле него. Я только собралась выйти из комнаты, когда его голос зазвучал снова.

— Останься, — приказал Кинг.

Разворачивая рулон салфеток, он брызгал спину девушки жидкостью из пластикового флакона и вытирал лишнюю краску с татуировки, пока не остался доволен результатом.

— Здесь все.

Он втер ей в кожу что-то из баночки, а потом накрыл татуировку пленкой, приклеив края пластырем. Кинг похлопал девушку по плечу, и она снова вытащила наушники.

— Пленку снимешь завтра. Не загрязни тату.

— Как всегда, — ответила она.

Я не видела, как Джек встал со своего места, но внезапно он уже оказался рядом с рыжеволосой, помогая ей слезть со стула.

— Ноги постоянно немеют, пока мне делают тату, — объяснила она мне.

Она на несколько секунд наклонилась к блондину, пока не убедилась в том, что может стоять самостоятельно.

Я мельком взглянула на ее новую татуировку. На ней было изображено дерево: изящное, но мощное цветущее апельсиновое дерево на фоне заката. В центре листочки сложились в слово «Джорджия». Тату выглядела так, будто двигалась, а листочки падали с ветвей.

Это было невероятно красиво.

У обоих ребят были обручальные кольца, поэтому я предположила, что Джек был ее мужем. Когда он увидел, что я пялюсь на ее спину, то потянулся к ней и опустил рубашку девушки, поправляя ее, пока не закрыл татуировку.

— Что я тебе должен, брат? — спросил он Кинга.

— Услугу, — ответил тот. — Будь на связи.

— Договорились.

Джек прижал к себе свою жену настолько близко, насколько только мог, и они направились к двери.

Проходя мимо меня, девушка начала говорить:

— Меня зову Эб...

— Мы уходим, — прервал Джек, глядя на нее так, будто собирался ей о чем-то напомнить.

Она кивнула и подарила мне скромную улыбку, прежде чем они оба исчезли за дверью. Я была рядом с ними лишь десять минут, а мне уже показалось, что они совершенно разные. Он выглядел аморальным ублюдком и смотрел на нее так, будто она была его лотерейным билетом на миллион долларов. Но она не принадлежала ему. Это было очевидно.

Он принадлежал ей.

— Кто это был? — поинтересовалась я, наблюдая из окна, как пара взобралась на лакированный мотоцикл. Мужчина помог девушке надеть шлем, и затем они сорвались с места в сторону дороги, исчезая за деревьями.

— Если бы они хотели с тобой познакомиться, то сказали об этом.

— Они влюблены.

— Надеюсь, так и есть. Они женаты. Есть ребенок.

Кинг снял перчатки и бросил их в ведро из нержавеющей стали возле своего рабочего столика. Он встал и присоединился ко мне у окна. Я могла почувствовать жар, который обдавал теплом кожу на моей спине. Кинг навис надо мной, касаясь щекой моего виска. Я закрыла глаза, не давая этой близости повлиять на меня.

Я сильнее этого.

— В мире много женатых пар, но это не значит, что все они влюблены. По крайней

мере, не так.

— Да, — согласился Кинг. — Не значит.

Он отступил, оставляя после себя холод там, где только что касался меня. Я выпустила воздух, даже не заметив, что задерживала дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — спросила я, отворачиваясь от окна.

Кинг уже сидел на кушетке с телефоном в руках.

— Нет. Сегодня будет много клиентов. Ты можешь помочь.

— У тебя на самом деле талант, — отметила я.

— Тебе не обязательно подлизываться, — произнес Кинг, тыча пальцем в экран.

— Я не пытаюсь быть вежливой. Это правда. Ее татуировка действительно потрясающая.

— Угу, — пробурчал он, не отрываясь от телефона.

— Знаешь, люди обычно говорят «спасибо», когда им делают комплимент!

— Спасибо за подсказку.

Снизу донесся звук хлопка машинной дверцы, и две девушки моего возраста вышли из авто и направились к двери дома. Раздался звонок.

— Приведи их, — приказал Кинг.

Следующие несколько часов моя работа состояла в том, чтобы менять мелодию, когда Кингу надоедала предыдущая, бегать вниз на кухню за ред буллом для него или сидеть на месте без дела. В один момент я просто встала, сказала Кингу, что только занимаю здесь место и что мне лучше уйти. В ответ он уставился на меня, а потом одним движением подбородка указал сесть на диван.

— Почему ты делаешь это, если занимаешься... другими вещами? — спросила я его между визитами клиентов, пока мыла емкости для красок в маленькой раковине. — И почему бы тебе не открыть настоящую мастерскую вместо того, чтобы татуировать клиентов в собственном доме?

— Ты задаешь слишком много е*анных вопросов, — ответил Кинг.

— Два.

— Что?

— Ты сказал, что я задаю много вопросов. Я задала всего лишь два.

Кинг скрестил руки на груди, из-за чего его загорелые бицепсы увеличились в размере.

— Чтобы ты знала, я занимаюсь этим, потому что всегда это делал. Рисование было единственным уроком, который мне нравился с детства. И работаю я в своем доме потому, что в любом другом месте заниматься этим будет слишком дорого, так как аренда не блещет маленькими числами. Довольна?

— Так ты делаешь это благодаря тому, что в школе был хорош только в рисовании?

— Еще больше е*анных вопросов, — вздохнул Кинг. — И ты не слушаешь. Я хорошо рисовал в школе. Даже очень хорошо. Я сказал, что рисование было единственным уроком, который мне нравился, а не в котором я был хорош.

— А, — всего лишь ответила я, чувствуя себя последней идиоткой. — Прости. Я подумала...

— Я — плохой парень, щенячьи глазки, а не тупой.

— Я не говорила, что ты тупой.

— Загляни в столешницу вон там, — он указал на ящик с инструментами.

Я открыла его. Внутри лежал диплом об окончании учебы в университете Южной

Флориды, который кто-то вставил в рамку. Под ним лежал пистолет.

— Почему ты хранишь его здесь? Повесил бы.

— Потому что я получил свою степень на онлайн курсах.

— Какая разн...

— Пока был в тюрьме, — перебил Кинг. — И я рад, что сделал это. Мне нравится то, что он у меня есть, но диплом на стене не означает, будто я горжусь им. Мои чувства по отношению к этому вряд ли можно назвать гордостью. Кроме того, Грейс говорит, всегда нужно иметь дома ящик, в котором будет лежать нечто, напоминающее тебе об одном: то, кто ты, и то, что ты делаешь, не одно и то же.

— Кто такая Грейс?

— Узнаешь.

— Ну и почему тогда ты не начнешь свой бизнес? — Кинг прыснул со смеху. — Что смешного?

— Ты, щенячьи глазки.

— Почему это?

— Потому что ты только что спросила меня, почему я не начну свой бизнес.

— И?

— И это смешно, потому что... — Кинг указал жестом на пистолет. Лицо стало серьезным. — Я начал.

Нас прервал стук в дверь. Я быстро повернулась и захлопнула ящик, в то время как Преппи впустил следующего клиента Кинга.

Женщина старше меня гордо зашагала от порога. На ней были лишь обтягивающий топ без бретелек и шорты, тесные настолько, что края впивались в ягодицы. Она уселась на стол, будто являлась королевой этого места. Девушка выдула пузырь из жвачки, описывая Кингу в подробностях, какую орхидею она хотела бы на своей заднице.

Кинг сказал мне, что ему нужен новый набор, и я начала собирать для него инструменты.

— Кто она? — поинтересовалась девушка, искоса оценивая меня.

— Не твое дело.

— Она не может выйти? Я на самом деле стесняюсь, — проворковала она, спуская шорты по бедрам так, словно уже предлагала ему себя. Она осталась в туфлях на каблуках, залезла на стол и вздернула свой зад, на котором красовались лишь крохотные трусики.

— Нет, не может, — ответил Кинг.

Схватив маркер, он начал рисовать контуры орхидеи на ее ягодице.

Девушка надула губы, но не стала продолжать спор. Час спустя она спросила, могу ли я принести ей что-нибудь выпить. Кинг кивнул мне в знак согласия, и я спустилась вниз за холодным пивом.

Вернувшись обратно, я застыла перед дверью.

— Давай, малыш. Ты меня не помнишь? А должен. Твоя работа прямо здесь, — девушка развернулась к Кингу, оперлась на локти и раздвинула перед ним ноги, открывая татуировку бабочки с расправленными крыльями на внутренней стороне бедер.

— Работу помню. Тебя — нет, — сухо ответил Кинг. — Ты хочешь, чтобы я закончил эту е*аную тату или нет?

— Да, но сначала я хочу твой толстый член.

— Этого не случится.

— Из-за этой тощей уродины? У нее, бл*дь, даже сисек нет.

Донесся какой-то шорох, и прежде чем я что-либо поняла, Кинг вышвырнул шорты девушки в коридор, а затем вытолкал ее за дверь.

— Пусть кто-нибудь другой доделывает это дерьмо. Мы здесь на*уй закончили.

Она схватила шорты с пола и прошагала мимо меня.

— Е*аная уродливая сука! Е*анутый х*есос! — бурчала она, в спешке шагая к лестнице.

Кинг стоял в дверях:

— Если еще раз услышу, что ты говоришь какую-нибудь херню в ее сторону, я найду тебя и верну эту бабочку обратно!

— Неужели? — крикнула она, останавливаясь на самой верхней ступеньке. — И каким х*ем ты это сделаешь?

В один миг Кинг стоял в дверях, а в другой выплевывал слова прямо ей в лицо.

— Я скажу тебе каким, — прошипел он сквозь зубы. — Я найду тебя, а потом медленно вырежу каждую чешуйку крыльев этой е*аной бабочки прямо на твоей киске своим гребаным ножом. Лучше хорошо подумай, прежде чем снова открывать свой грязный рот, который предназначен лишь для сосания членов.

Ее глаза расширились от ужаса. Перебирая ногами, она поспешно выбежала из дома, хлопнув за собой дверь. Гравий вылетал из-под колес ее авто, когда она отъезжала.

— Уберись здесь, — приказал Кинг.

Он схватил одно пиво из моих рук и прошел мимо меня назад в мастерскую. Я целую минуту стояла с открытым ртом, прежде чем пойти за ним.

— Какого хрена это было? — спросила я, ставя второе пиво в кулер возле двери.

— Ничего. Убирай давай. Мы еще не закончили, — Кинг допил свое пиво, смял банку и бросил ту в мусорное ведро.

Часы над дверью показывали три часа дня.

Следующим клиентом был мужчина по имени Нейл, которому Кинг начинал бить татуировку на всю руку еще до того, как загремел за решетку. Нейл ждал три года, пока Кинга выпустят, чтобы тот смог закончить начатое. Он сказал, что никому другому не позволил бы этого сделать.

Я сидела на кожаном диванчике и наблюдала, как Кинг морщился, пытаясь сконцентрироваться. Как такой талант мог выглядеть настолько угрожающе?

«Ты уже знаешь, насколько талантливые его руки».

Я прикусила губу, вспоминая его пальцы между моих складочек. К лицу прилила кровь.

— Я чувствую, как ты на меня пялишься, — произнес Кинг, вырывая меня из моих грез.

Нейл напялил огромные красные наушники и сидел с закрытыми глазами. Он либо был поглощен музыкой, либо заснул.

— Мне скучно, — заметила я, сбитая с толку тем, что Кинг поймал меня за подглядыванием.

Он встал и снял перчатку. Открыл один из ящичков столешницы с инструментами, достал что-то оттуда и бросил мне. Рядом со мной приземлился альбом, а за ним прямо на диван упала коробка цветных карандашей.

— Может, это успокоит тебя, — произнес он. — Мне всегда помогало.

После этого он на всю мощность включил музыку на айпоне, взял машинку в руки и продолжил свою работу.

Я открыла альбом, но тот не был пустым. Несколько первых рисунков являлись

вариациями апельсинового дерева, набитого Кингом ранее. Каждый набросок был лучше прежнего, а потом я наткнулась на эскиз татуировки, которую сегодня он в итоге сделал на спине девушки.

В альбоме было несколько страниц с потрясающими рисунками, и я нашла невероятной красоты дракона, полностью вырисованный цветами череп, девушку в полный рост в медицинском халате и наконец-то пустую страницу. Рисуя завитки, я быстро поняла, что такое времяпрепровождение куда лучше беготни вокруг парня, который в один момент пудрит тебе мозги, а в другой заставляет сердце биться быстрее.

Сначала я рисовала лица с улыбками и просто контуры. Но когда начала ретушировать один из набросков, он внезапно начал обретать личность. Я не просто выводила линии. Я практически видела полный рисунок в своей голове, который в ту же секунду изображала на бумаге. Закончив рисовать, я уставилась на каштановые глаза из моего сна. Перевела взгляд на Кинга, все еще занятого своей работой. Я тихонько вырвала страницу из альбома и, смяв ту в комок, засунула между подушками дивана. Часть меня хотела спрятать его, чтобы позже я могла за ним вернуться и добавить что-то к рисунку. Другая же хотела сохранить его, потому что это была хрупкая связь с моим прошлым.

Потом я решила нарисовать птицу, которую видела ранее над водой. Я представила ее в своей голове так же, как и только что запечатлённые мной глаза. Я даже не заметила, с какой легкостью мой карандаш двигался по странице. Я ретушировала, стирала резкие линии в некоторых местах и подводила четче в других.

Когда закончила, это оказалось не совсем той птицей, которую я видела, а более экзотичной ее версией.

Темной. Жестокой.

Ее перья были бесконтрольно взъерошены, а змея, которую она держала в раскрытом клюве, открыла пасть, обнажая собственные клыки. Я нарисовала еле заметный дым, выпускаемый птицей из ноздрей, будто та могла дышать огнем. Мне показалось, она выглядела слишком жесткой, слишком устрашающей, поэтому я дорисовала ей сломанное крыло, а в отображении ее глаза — то, как эта змея спешит проглотить мышь, пока птица не убила ее. Получившееся у меня в итоге стало воплощением красоты и ранимости. В глазах появились слезы, и я вытерла их прежде, чем они смогли побежать по щекам.

Я могу рисовать.

Не просто рисовать — я на самом деле хорошо это делаю. Это получилось так естественно, будто я заново научилась дышать.

Это вторая особенность, связывающая меня с *ней*.

Положив альбом, я подняла глаза, но клиент Кинга уже ушел. Сам парень сидел на стуле, наблюдая за мной.

— Ты была в астрале, — произнёс он. — И выглядела чертовски милой, сидя там и концентрируясь.

Я громко сглотнула:

— Я... Ээмм... Попалась?

Его слова застали меня врасплох. Я представила, как иду к нему и забираюсь ему на колени. Его сильные руки взяли бы мое тело в кольцо и легли бы на мою голую спину под рубашкой. Я думала о том, как бы это было, позволить ему сделать больше, чем он обычно позволял себе.

Что будет, если он использует не только свои пальцы?

— Неси сюда, — сказал Кинг, вытягивая руку и вырывая меня из мира моих грез, где голая я уже извиваюсь под ним.

— Нет, ты не захочешь это видеть. Мне ведь просто нечего было делать. Положу альбом прямо в ящик, — я прошла к раковине с альбомом под мышкой.

Кинг встал со стула и, вырвав его у меня, листал страницы, пока не нашел мой рисунок.

— Твою мать, у тебя руки как у инспектора Гаджета! (прим. пер.: анимационный герой американских мультфильмов, в чье тело были вмонтированы электронные приборы. Одним из таких приборов герой мог удлинять себе руки, чтобы взять что-то на расстоянии нескольких метров), — колко заметила я.

Я явно недоценила расстояние от себя до Кинга.

— Откуда ты это знаешь? — спросил парень.

— Что ты имеешь в виду? Знаю что? — уточнила я.

— Инспектора Гаджета? Это ведь мультфильм. Ты когда-нибудь его видела?

— Эм... Думаю, да. Это тот парень в пальто, в котором спрятаны тысячи гаджетов, и те обычно не работают, когда ему это нужно.

— Я в курсе, кто он. Но хочу знать, смотрела ли ты его хоть раз с тех пор, как потеряла память?

— Нет. Я вообще не смотрела телевизор до сегодняшнего дня, пока Преппи не включил какого-то «Американского Нинзю», — я отступила назад и оперлась копчиком о столешницу. — К чему ты клонишь? Я думала, ты поверил мне.

— Дело не в этом. Я лишь пытаюсь выяснить. Помоги мне понять, — Кинг наклонился вперед и поставил локти на колени. — Если ты его не смотрела, значит, воспоминание всплыло из твоей памяти. Как вообще это работает?

— Точно не уверена, но... Когда я жила в групповом доме, у меня был психолог или психиатр. Да пофиг. Он говорил мне, что потеря памяти у каждого происходит по-разному. Для меня вся моя личная информация стала недоступна. Имена, лица, воспоминания. Но я до сих пор могу ходить и говорить, так что восстановлю все свои функции. Я также знаю факты. Например, знаю, кто сейчас президент, и могу пропеть музыкальный слоган из рекламы «Фалафель Гарри» (прим. пер.: арабское блюдо, шарики из гороха или кормовых бобов). Я только не в курсе, откуда знаю все это, — Кинг кивнул, а я прикусила губу: — Знаешь, ты ведь единственный, помимо психолога, кто спросил меня об этом, — добавила я.

Кинг перевернул страницу альбома и нашел мое творение. Он всматривался в него несколько минут. Время, казалось, текло все медленнее и медленнее. Мне становилось не по себе от того, что он думал о рисунке. Он явно пытался понять, как сказать мне, что я полное дерьмо в рисовании. Но опять-таки я не считала его таким человеком, который станет церемониться с тем, чтобы задеть или не задеть чьи-то чувства.

Тогда почему он так долго пялился на страницу?

И какого хера мне вообще так важно его мнение?

— Ты на сегодня закончил? — спросила я, пытаюсь привлечь его внимание и оторвать от рисунка.

Если он ненавидел его, я бы предпочла вообще не говорить о нем. Кинг поднял свой взгляд от эскиза и уставился на меня, медленно осматривая все мое тело, будто видел меня впервые. Его глаза прожигали мою кожу, будто он на самом деле прикасался ко мне.

— Закончил ли я на сегодня? — он повторил мой вопрос. Кинг провел языком по нижней губе, оставляя на розовой коже влажный блестящий след. — Не уверен. Но, думаю, я

только что начал.

Твою мать.

Знакомый жар поднимался по моему затылку, и уши покраснели.

На часах было без пятнадцати пять, и, хотя я должна была быть уставшей, сейчас, наоборот, как никогда была на взводе. Кофеин и сахар из выпитого мной ред булла, казалось, гарантировали несколько последующих бессонных дней. Но мне необходимо было убраться от Кинга, потому что, видимо, я начала забывать все, думая о том, почему было плохой идеей позволить ему раздеть меня и сделать со мной все, что он захочет.

— Что это вообще значит?

— Это значит, что я закончил с клиентами. И это также значит, что я не закончил с тобой.

Кинг схватил меня за запястье и притянул к себе на колени, как раз туда, где я фантазировала о нем подо мной.

Я резко набрала воздух в легкие.

Твердые мышцы его бедер играли подо мной. Запах — легкая смесь мыла и пота — пьянил. Кинг намотал мои волосы на кулак и повернул голову в сторону, открывая себе доступ к моей шее.

Он втянул мой запах, проводя носом по линии шеи, а затем скользнул кончиком языка по коже: от моей ключицы до чувствительного местечка за ухом. Я застонала, а он не сдержал смехок. Я почувствовала, как смех зародился в его груди и вибрацией прошел через меня.

— Щенячьи глазки... Это будет очень увлекательно.

И он просто отпустил мои волосы и согнал меня с колен. Я почти упала на колени, и мне пришлось схватиться за столешницу, чтобы не рухнуть лицом на пол.

— У нас еще один, — произнес Кинг.

— Я думала, ты только что сказал, будто на сегодня больше нет клиентов, — почти задыхаясь, произнесла я.

Кинг выставил три маленькие емкости с черной краской.

— Вот, — он вручил мне черный маркер с тонким стержнем.

— Что мне с этим делать? — поинтересовалась я.

— Я хочу, чтобы ты снова нарисовала эскиз. Такой же. Перенесла то же самое.

— Куда перенесла?

— Нарисуй такой же эскиз на тыльной стороне моей ладони. Размер будет намного меньше твоего рисунка. Поэтому тебе придется уменьшить его, и у меня осталось лишь два листа чистой трансферной бумаги.

— Зачем?

— Почему ты всегда задаешь так много е*анных вопросов?

— У тебя разве нет аппарата, который сделал бы это? Ты можешь скопировать рисунок и просто перевести его на руку, если это то, чего ты хочешь.

Кинг разочарованно вздохнул:

— Да, хочу. Но суть не в этом. Я хочу, чтобы ты нарисовала его на мне. Хочу, чтобы ты взяла этот маркер и воспроизвела этот рисунок заново. Мне плевать, если он получится кривым. Плевать, если он неидеален, просто, бл*дь, нарисуй его! — крикнул он, вставая. Он приблизился ко мне на несколько шагов, а я попятилась назад, пока не уперлась задницей в столешницу, прижимая альбом к груди. — Пожалуйста?

Слово «пожалуйста» прозвучало из уст парня, который никогда не говорит его.

— Ладно, — согласилась я. — Но зачем?

— Потому что я смотрел на тебя, пока ты его рисовала. И ты выглядела очень милой, кусая розовую губу, с румяным лицом, а кончик карандаша касался твоего рта. И когда ты показала мне рисунок, я четко увидел.

— Увидел что?

— Себя. Птица. Ты нарисовала меня, — я открыла рот, чтобы сказать, что это была лишь птица, но не смогла.

Он был прав.

Темный и опасный.

Жесткий и невероятный. Берет от этого мира все, что только хочет.

Это был он.

Кинг поставил альбом на стол, оперев его на что-то, чтобы я могла повторить рисунок. Я старалась самым лучшим образом, пытаюсь создать мини-версию рисунка на тыльной стороне его ладони. Я сосредоточилась еще больше, пытаюсь игнорировать электричество между нами. Кинг так и не оторвал своего взгляда от меня.

Для воспроизведения рисунка мне понадобилось в два раза больше времени, но, я наконец-то закончив, отложила маркер и откинулась на спинку стула.

— Пойдет? — спросила я.

Кинг поднял руку и посмотрел на мою работу.

— Пойдет, — подтвердил он. — А теперь принеси мне кофе.

— Не ред булл? — уточнила я, вставая.

— Уже за пять часов. А это означает время кофе.

— Ладно, тогда кофе, — сказала я, спускаясь вниз на кухню.

Пока я разбиралась с кофейным аппаратом, кстати, единственным экземпляром современной техники на его кухне, и вернулась назад в мастерскую, Кинг уже склонился над своей рукой с жужжащей машинкой для тату.

— Какого хера ты делаешь? — тишина. — Теперь что? Будешь меня игнорировать?

Он оторвал иглу от кожи.

— Да, потому что я нарисую этой птице член во рту вместо змеи, если буду с тобой разговаривать, — ответил Кинг.

— Я уже осознала тот факт, что ты типа шутил ранее, хотя не думала, что ты на это вообще способен. Но теперь единственное, на чем я могу сконцентрироваться, — это то, что ты делаешь татуировку из моего эскиза на своей руке! — крикнула я.

— А что, ты думала, я буду с ним делать? — Кинг макнул иглу машинки в чернила.

— Не знаю, но не это!

— Малышка? — нежно произнес Кинг.

— Что?

— Хватит вопросов. Ты меня отвлекаешь. Иди, бл*дь, в кровать.

— Но... — я начала спорить.

— Щенячьи глазки?

— Что?!

— В кровать. Живо. Можешь остаться, но я тебя предупреждаю: если будешь здесь в момент, когда закончу, я нагну тебя на этом диване и трахну так, что ты не сможешь встать до следующей недели.

«Бл*дь».

Я поспешила убраться из комнаты так быстро, насколько могла, даже не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Я все еще слышала его смех, когда закрыла дверь его спальни и сползла по стене на пол.

Если говорить кратко, я полностью и бесповоротно была по уши в дерьме.

ГЛАВА 15.

Кинг

«Ты выглядела чертовски милой, сидя там и концентрируясь».

Откуда это, бл*дь, вообще взялось? Я даже не понял, что сказал это вслух, пока по ее щекам не пополз румянец. Но, с другой стороны, флиртовать с ней и ставить ее в неловкое положение стало моим новым и самым увлекательным способом развлечься.

Хотя и прошло всего пару дней с тех пор, как она начала есть стряпню Преппи, прибавка в весе уже была заметна. Несколько фунтов сделали ее фигуру просто изумительной. Ее впалые щеки стали чуть полнее и каким-то образом делали ее похожей на ангела. Ее сиськи и попа стали круглее и умоляли прикоснуться к ним даже больше, чем раньше. У нее были тело женщины и лицо ангела, а я постоянно находился возле нее и пытался скрыть свой постоянный стояк, будто бы был тринадцатилетним пацаном.

Правда в том, что я не стал ее беспокоить, пока она рисовала, потому что не хотел, чтобы она двигалась. Мне было абсолютно комфортно просто сидеть здесь и наблюдать за ней всю ночь. Она то скрещивала ноги, то потом раздвигала их, закусывая губу, и я мог думать только о том, как же сильно мне хотелось самому укунить эту губу и каким влажным у меня бы получилось сделать местечко между ее ног.

Я не встал со своего места, когда ушел Нейл, потому что боялся, что если вдруг она оторвет взгляд от альбома, то увидит мой натягивающий джинсы стояк. Если бы она была какой-нибудь шалавой, я бы специально привлек ее внимание к моему члену, но мне не хотелось, чтобы она с криком убежала в другую комнату. Самое страшное в этом было то, что я вообще не хотел ее пугать.

Потому что мне на самом деле нравилось, когда она была рядом.

Каким-то образом в какой-то момент моя злость к ней превратилась в запутанную привязанность. Мне следовало бы пресечь ту на корню, потому что любые чувства и похоть испортят все планы, которые у меня были на нее.

Она боялась меня. Это было больше, чем просто очевидно, но дыма без огня не бывает, и чем сильнее она боролась, тем сильнее меня это заводило.

То, как ее тело реагировало на меня, наталкивало лишь на один вопрос: как долго она сможет сопротивляться неизбежному?

Под неизбежным я подразумевал себя и момент, когда трахну ее так, что она не сможет вспомнить свое имя.

Хотя она и так его не знает.

Зато знаю я.

Незнакомое чувство начинает проедать дыру в моей совести.

Это вина?

Я оттолкнул ее. Нет времени на то, чтобы я позволял ей руководить собой. Лучшая возможность вернуть Макс — это не споткнуться и не упасть лицом в грязь, как я только что сделал. Я собираюсь провести свое время с ней так, как захочу. В ее случае это означает делать все, что согреет ее, сделает ее влажной или пробудит в ней желание.

— Босс! — выкрикнул Преппи, врываясь в мою мастерскую с круглыми глазами, словно он только что вынюхал грузовик кокаина и забыл, как моргать.

— В чем дело, Преп? — поинтересовался я, заканчивая рисовать тату, которое щенячьи глазки нарисовала для меня.

После того как я увидел эскиз, мне нужно было заполучить его на своей коже в ту же секунду и до конца своих дней, только не знаю почему. Но с плеч будто свалилась гора, как только я это сделал.

— Что это за херня?! — спросил Преппи, указывая на тыльную сторону моей ладони.

Я вытер с кожи излишки краски и кровь и вытянул руку перед собой, чтобы посмотреть на работу.

— Это татуировка, придурок. Или ты забыл, чем я занимаюсь в этой комнате?

— Я знаю, что это, долбо*б. Я всего лишь хотел узнать, почему ты сам делаешь себе татуировку?

— Ты видел меня за этим делом сотни раз! Какая нахер разница? — рявкнул я.

Мне не очень нравился его допрос с пристрастием.

— Что именно это такое? — уточнил парень, наклоняясь через мое плечо, пока я прикладывал кусок пленки на руку.

— Ничего. Это нарисовала щенячьи глазки. Что именно ты хотел?

Я ненавидел резкие разговоры с ним, но и не собирался отвечать на вопросы, ответы на которые сам толком не знал.

— Пришел сообщить две новости. Первая. Звонил Медведь. Он слышал разговор отца Айзек приезжает в город. Он не уверен, когда именно, но знает, что тот будет здесь. Хотя и приставил к нему человечка. Айзек еще в Далласе.

У МК (прим. пер.: мотоклуб) была очень длинная история с нашим бывшим поставщиком травки.

— И?

— И я по большей части уверен, что он немножко... Совсем чуть-чуть... В ярости из-за того, что мы отрезали его основные поставки.

— Я был в тюрьме. А он не хотел иметь дело с кем-либо, кроме меня. Если он ожидал, что мы прекратим дело, пока я не выйду, это была его ошибка. У нас появилась другая возможность. Мы ее использовали. Конец истории.

— Да, старик, но это мы с тобой так видим. Но Медведь слышал, что Айзек считает это ударом по яйцам и отплатить хочет неслабо.

— Я не собираюсь прятаться от Айзека или кого-нибудь еще. Если хочет со мной поговорить, он знает, где я, мать его, живу. Ну а теперь что за вторая новость, которую ты хотел мне рассказать?

— Чувак, у тебя такие перепады настроения с тех пор, как ты вернулся. Ты как сучка на коврик: скулишь по двадцать четыре часа в сутки. Вторая новость — это то, что я собираюсь пригласить Доу на свидание в субботу вечером.

— Что ты, бл*дь, собираешься сделать?!

Из-за одного этого предложения мне хочется, чтобы моя машинка для татуировок

превратилась в настоящий пистолет с пулями. Преппи ступил на опасную территорию.

— Она горяча как ад, и я собираюсь пригласить ее на свидание. В кино или еще куда-нибудь. В кинотеатре под открытым небом показывают какую-то паранормальную хрень, а цыпочки любят такое дерьмо. Начинают жаться к тебе, — произнес Преппи, обнимая себя руками.

— Черта с два ты ее куда-нибудь поведешь.

Он не только не возьмет ее никуда, мне еще кажется, что фильмы ужасов не самый любимый жанр Доу. Девчонке и в реальной жизни хватает ужасов.

— Чувак, я не собираюсь ее трахать. Ну, если, конечно, ты не против. В этом случае я *точно* с удовольствием ею займусь.

Я встал со стула. Он откатился назад и ударился о стену.

— Ни. Единобо. Е*аного. Шанса!!!

Мысль о его руках на ней вызывала у меня тошноту.

— Она тебе даже не нравится, — огрызнулся он. — Кроме того, ты ничего о ней не знаешь. И это по твоей же вине, потому что Доу и сама не много-то помнит о себе, но и о той малости, которой она располагает, ты не удосужился спросить.

В его словах было зерно правды, но Преппи не в курсе, что у меня была на это причина, и еще некоторое время эту причину я придержу при себе.

— О чем конкретно ты хочешь, чтобы я с ней поговорил? Потому что вопросы а-ля «откуда ты» и «как тебя зовут» не совсем то, что нужно.

Преппи фыркнул и сплел пальцы на затылке:

— Не знаю. Мог бы спросить что-то обычное, например, какие сэндвичи она любит или что-то типа того.

— Сэндвичи. Ты хочешь, чтобы я обсуждал с ней сэндвичи?

— Бл*дь, ну а почему нет?! Все любят вкусные сэндвичи, а поговорить о них лучше, чем болтать о том дремучем дерьме, в котором ты плаваешь последние дни.

Вот почему Преппи был моим лучшим другом. Он видел меня насквозь.

— Я знаю, что Макс важна. Знаю, что нам нужно вернуть ее, но пока тебе стоит жить, брат. Болтовня с девчонкой, которая на всех основаниях — законных и незаконных — живет в нашем доме, не станет костью поперек твоего горла.

«Это ты так думаешь».

— Ты вообще уже трахал ее? Я имею в виду, цыпочка спит в твоей постели и все такое. Зачем все это?

— Это не твоего ума дело, — предупредил я. Он переходил границу.

Преппи закатил глаза:

— Буду считать, что нет. Может, поэтому ты так зол на весь мир с тех пор, как вышел из тюрьмы? Может, тебе всего лишь нужна попка? Трахнись! Позволь своему члену трахать все, что вздёрнуто вверх, пока он не сморщится и не отвалится.

— Я трахался после того, как вышел, так что захлопни свой рот на этот счёт. Дело не в том, нравится ли она мне или трахал ли я ее. Дело в том, что если я говорю «НЕТ», то говорю это ОДИН раз, а ты просто слушаешь и выполняешь!

— Кинг, ты стал моим другом во времена, когда еще динозавры населяли эту планету, так что послушай меня. Когда я говорю, что ты смотришь на нее, будто хочешь оттрахать до потери пульса, а относишься к ней, словно она дерьмо под ногами, то это так и есть, и это не круто, чувак. Ты же решил оставить ее здесь, и с самого начала это была не самая яркая идея,

поэтому, ради Бога, дай мне хоть немного повеселиться.

— Дело в долге, который она должна выплатить, — неуверенно защитился я.

— Да ладно! Мы оба знаем: она ничего не брала. И поскольку это ты здесь читаешь мораль о том, как нужно жить, ответь мне, кто кому что должен заплатить? Ты тренер по жизненным вопросам? Кроме того, она не твоя собственность. Доу — человек, а не гребаная тачка.

— Красноречиво, — я слышал от Преппи слова, от которых у меня по коже бегали мурашки, но, если он собрался бросать дерьмо мне в глаза, я такое брошу ему в ответ.

— Серьезно, она ведь не твоя. Ты не можешь просто взять ее.

— Да, именно *моя*, и я взял *ее*. Она спит в моей постели, не забыл? Рядом со мной. Может, я и не трахнул ее, но именно ко мне она обратилась той ночью, и именно я дал ей то, что ей было необходимо. Так что нет, я не трахнул ее. *Пока*. Но ответ по-прежнему «НЕТ» ты не можешь пригласить ее на гребаное свидание, — рывкнул я сквозь стиснутые зубы.

Я чувствовал, как кровь бурлит в напряженных венах. Преппи склонил голову на бок и улыбнулся. На его лице появилось понимание.

— Ну, она не моя собственность. Она — мой друг. Поэтому, если я не могу пригласить ее на свидание, пригласи ты. Я не для себя это делаю. А для нее. Ей пришлось пережить дерьмо, а мы оба знаем каково это. Девчонке нужен перерыв. Плюс веселье.

— Черта с два. Я не собираюсь приглашать ее на свидание. Это даже не обсуждается. Никаких свиданий. Ничего. Просто оставь нахер эту тему.

Впервые в своей жизни мне хотелось врезать Преппи. Он никогда не поднимал во мне такую волну злости.

— Чувак, вытащи свою гребаную башку из задницы. Она просто сбита с толку. Или ты приглашаешь ее на свидание или разрешаешь сделать это мне. Я, может, и называю тебя боссом, но мы друзья, а это значит, что ты не можешь принимать решения за меня. Можешь командовать, но я все еще в силах решить за себя сам. Я не спрашиваю тебя. Я говорю тебе.

— Хорошо! — прокричал я, вскидывая руки вверх. — Приглашай ее на это гребаное свидание. Какого х*я я вообще парюсь по этому поводу? Вали! Повеселись, бл*дь!

Я с силой снова сажусь на стул и притворяюсь, что перебираю свой инструмент. Какого х*я меня так бесит то, что не может быть под моим контролем?

Возможно, я забыл, как общаться с людьми, на которых нет оранжевых комбинезонов или формы офицера исправительной колонии.

— Круто! — Преппи перепрыгивает с ноги на ногу. — Пойду поглажу свой самый лучший галстук.

— Преп?

— Да, босс?

— Сейчас, бл*дь, шесть утра.

— И?

— Ты хочешь пригласить ее в субботу?

— Ага.

— Сегодня понедельник.

— А.

— Так почему бы тебе не стереть под носом белый порошок и не поспать? Погладишь свой лучший галстук завтра.

Преппи, может, и не слушал меня, но сказать ему, что именно делать, никогда не будет

ЛИШНИМ.

Пока меня не было, я забыл, что Преппи был заядлым тусовщиком.

Мы оба были.

Или я так думал.

Пока не появилась Макс.

Пока я не сел в тюрьму.

Пока не появилась *она*.

Преппи собрал порошок из-под носа и втер его в десну.

— Да, сэр, — ответил Преппи, усмехаясь и отдавая мне честь.

Он развернулся, чтобы уйти.

— Еще кое-что, Преп! — крикнул я.

— Да, босс? — отозвался он на полушаге.

— Ты идешь с ней исключительно как друг. Усек?

— Усек.

— Хорошо. Потому что я нах*й прикончу тебя, если ты хоть пальцем ее тронешь.

ГЛАВА 16.

Доу

— Зачем все это? — спросила я, пялясь на тарелку с нарезанными мясом и сыром.

— Фигня для сэндвичей, — ответил Кинг, передавая мне хлеб.

— Да, это я вижу. Но почему мы делаем сэндвичи на причале?

Мне было интересно, какая причина стояла за всем этим. Кинг не был похож на парня, любившего устраивать пикники на пристани, и неважно в какой ситуации. Плюс за все то время, что я провела с Кингом, он ни разу не приготовил что-нибудь для меня. И даже не поел вместе со мной.

— Потому что сегодня прекрасный день для того, чтобы провести его на свежем воздухе, и кстати, кому, бл*дь, не нравятся сэндвичи? — Кинг сел на один из пластиковых стульев, окружавших деревянный стол, прикрученный болтами к настилу, чтобы тот не улетел во время урагана. — И к тому же Преппи сказал... Не знаю. Просто налетай.

— От такого количества еды даже лошадь подавится, — произнесла я, осторожно выбирая индюшиное филе и бекон для своего сэндвича.

— Ты когда-нибудь видела, как лошадь давится майонезом? — спросил он.

— Вполне возможно. Я просто не помню этого.

Я схватила пригоршню читос из пакета и посыпала ими свой сэндвич, раскрошив их между ладонями. Кинг начал вытаскивать из-под меня стул, чтобы подвинуть его ближе. Он помахал мне, чтобы я села рядом с ним.

И теперь не только подлокотники прикасались друг к другу, но и наши руки.

— Как это? — начал он, открывая банку пива и протягивая ее мне.

— Ты о чем? — уточнила я, положив свою бумажную тарелку на колени.

— Не помнить ничего. Я все думаю об этом, но не могу даже представить.

— Это... — я порылась в своей голове в поисках подходящих слов, но лишь одно крутилось в ней снова и снова. — Пустота.

— В тебе столько много качеств, щенячьи глазки, но пустота явно не одно из них, — Кинг заправил непослушную прядь волос мне за ухо.

— Неужели? Тогда скажи мне, кто я, потому что я не могу думать о чем-то, что не сокрыто в моей памяти, — я вонзила зубы в свой сэндвич, и кусок получился такой большой, что почти полностью заполнил мой рот.

Кинг прыснул со смеху:

— Ну, для начала... Ты причудливая.

— Причудливая?

— Щенячьи глазки, а кто сейчас посыпал свой сэндвич читос?

— Правильно подмечено. Ладно, причудливая. С этим можно жить. Продолжай. Что еще ты, думаешь, знаешь обо мне?

— Ну, ты смелая. Храбрая даже. Я бы рискнул и посмел бы назвать тебя дохера дерзкой. Ты по три часа думаешь, прежде чем что-то сказать. Ты задаешь слишком много е*аных вопросов. У тебя ямочка на левой щеке, которая появляется, когда ты улыбаешься, но на правой щеке она появляется, только когда ты в ярости, — смущение обожгло мне щеки, будто я стояла возле костра. — Твои шея и лицо краснеют, когда ты стесняешься. Начиная с шеи. Вот отсюда, — Кинг легонько приложил ладонь к моему горлу. — Потом поднимается к щекам, — он едва коснулся моей челюсти большим пальцем, — а после подбирается к ушам.

Он наклонился и губами всосал мочку моего уха, путешествуя языком по чувствительной плоти на ушке и посылая искры вниз по всему моему телу. Соски затвердели и уперлись в ткань рубашки.

Кинг подавил смешок и притянул меня к себе:

— Поэтому не говори, что ты пустая, щенячьи глазки, потому что в тебе есть все, кроме пустоты, — в его глазах зародился шаловливый огонек. Нечто, чего я раньше не видела. — А еще я думаю, что ты самый интересный человек, которого я встречал в своей жизни.

— Спасибо, — ответила я. — Но перестань представлять, как бы ты чувствовал себя, не имея воспоминаний. Тебе повезло, что ты знаешь, кто ты и где твое место.

Кинг оторвал этикетку от банки с пивом и вздохнул:

— Иногда мне хочется не знать.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы у меня был выбор — проснуться завтра и не помнить, кто я, все то совершенное дерьмо и оставленных мной в прошлом людей— я бы сделал это. Я мог бы просто начать заново. Быть кем-то другим.

— Я не хочу, чтобы ты был кем-то другим, — вырвалось у меня, и я прервала его признание.

— Ты должна ненавидеть меня, — произнес Кинг, убирая тарелку с моих колен и ставя ее на стол. — На твоём месте я бы тебя ненавидел.

— Я думала, что ненавидела.

— А теперь? Что ты теперь обо мне думаешь? — спросил Кинг, наклоняясь ближе.

— Думаю, ты самый упертый, заносчивый, раздражительный, несносный, сложный и красивый мужчина, который ходил по этой земле.

— Я считаю тебя тоже красивой, — выдохнул Кинг.

Одним ловким движением он стащил меня с моего стула и усадил к себе на колени.

Его руки только скользнули в мои волосы, когда со стороны мангровых зарослей

послышался будоражащий грохот.

— Бл*дь, ты остаешься здесь, — приказал Кинг.

Он встал и отпустил меня из своих рук. Я присела возле бетонной подпорной стенки, которая отделяла причал от двора. Кинг без проблем перепрыгнул через нее и побежал в сторону гаража, откуда и доносился звук.

Казалось, я просидела там несколько часов в ожидании Кинга или какого-нибудь происшествия.

Ничего.

Живот заурчал, напоминая мне, что я едва ли коснулась своего ланча. Я плюхнулась на задницу и выпрямила ногу в попытке подтянуть к себе стул, на котором стояла моя тарелка. Зацепила пластиковую ножку носком и медленно потащила стул на себя. Раздался ужасный скрежещущий звук, когда пластиковая ножка заскользила по деревянной поверхности причала. Я остановилась и замерла.

Ничего.

Поэтому я решила продолжить. Медленно, дюйм за дюймом, я подтаскивала свой ланч к себе, пока мой сэндвич с раскрошенными читос не оказался на расстоянии вытянутой руки. Я потянулась к тарелке и взяла ее. Уже даже открыла рот и была готова сполна насладиться своей победой, когда кто-то надо мной прочистил горло.

Держа сэндвич перед открытым ртом, я посмотрела поверх хлеба и увидела Кинга и Медведя, пялившихся на меня сверху.

Медведь выглядел так же суперски, как и в ночь, когда я впервые встретила его, возможно, сейчас даже еще лучше. Потому что на нем не было рубашки. Грудь была чисто выбритой, и на ней блестели капельки пота. Я думала, у Кинга много татуировок, но на теле Медведя не было ни единого не закрасшенного чернилами места.

Кинг начал первым:

— О, нет, нет, не волнуйся обо мне. Я в порядке. Просто пришел проверить, откуда доносился звук, от которого хотелось отрезать уши, но ты не стесняйся. Можешь прикончить сэндвич. Мы подождем, — улыбка осталась в уголке его рта.

Медведь присел рядом:

— Черт. Рассчитывал проведать тебя. Не думал, что ты все еще жива.

Я положила свой сэндвич и встала:

— Если вы двое закончили стебаться надо мной, может, скажете, что за звук доносился из зарослей?

— Черт. Извини, это все я. Приходила девушка, а у нее старый «Фольксваген-жук». Одно за другим, ну и...

— Не хочу знать, — перебила я.

Медведь продолжил:

— Всего лишь хотел сказать, что, пока ее губы ласкали мой член, я чуть не забыл, что должен был починить ее жука. Ну а звук — это ее машина. Что, думаю, было в последний раз, потому что ей пи*дец. Ну, типа вообще пи*дец. Что абсолютно обидно, потому что девушка могла сосать...

Кинг поднял руку вверх:

— Ладно, Медведь, хватит нести всякое дерьмо. Можешь сказать ей, что случилось на самом деле.

Медведь кивнул, и в этот момент его телефон зазвонил. Он вытащил его из своего

заднего кармана и нажал на кнопку принятия вызова.

— Да, — он почесал бороду. — Бл*дь. Ладно. Окей. Да, я скажу ему, — он снова нажал на телефон и спрятал его назад в карман. — Айзек сделал ход. Джимми и Би-Джи засекали его и его парней в Корал-Пайнс сегодня утром. Выглядит так, будто у них здесь дела. Би-Джей говорил с мужиком из команды Айзека. Они проедут по нашей земле через неделю или около того.

— Черт, — выругался Кинг.

— Я говорил тебе убраться нахер из города, чувак. Ты знал, что он едет.

— Да, и мне, когда ты сказал это, было плевать, если он даже придёт прямо к моему порогу, размахивая пистолетом.

— А сейчас? — уточнил Медведь. Кинг кивнул в мою сторону. — А, понятно. Что хочешь сделать, старик? Твой ход. Знай, я всегда за тебя, — ответил Медведь, подкуривая сигарету.

— Думаю, мы пойдем в наступление, — проговорил Кинг.

— Подождите, что это все значит? Кто такой Айзек?

Кинг меня проигнорировал.

— Отправлю ее к Грейс до этого времени, — сказал он Медведю.

— Кинг, кто такой, мать твою, Айзек? И, бл*дь, кто такая Грейс? — прокричала я, давая понять, что я участник беседы.

— Щенячьи глазки, когда Преппи брал тебя с собой в поездку, он говорил тебе, что когда мы с ним начали эту операцию с бабулями, то отрезали продажу товара нашего поставщика?

— Да, говорил.

— Так вот Айзек был нашим поставщиком.

— Черт, — вырвалось у меня.

Медведь сделал длинную затяжку и выпустил дым через нос, выглядя как птица, которую Кинг не так давно вытатуировал на своей руке.

— Да. Это если вкратце.

— Грохот, который ты слышала, был предупреждением.

— Каким предупреждением? — не унималась я.

Медведь потушил сигарету о бетонную стенку.

— Таким, которое взрывается.

— А что взорвалось?

Визг Преппи разрезал воздух, словно еще один взрыв:

— КАКОГО Х*Я ПРОИЗОШЛО С МОЕЙ Е*АНОЙ ТАЧКОЙ????!!!

ГЛАВА 17.

Доу

Все признаки игривости Кинга, которые я видела во время ланча, испарились. Он дал мне всего лишь десять минут, чтобы я собралась и затащила свою задницу в грузовик.

Я не знала, куда мы собирались, а его ответ, который он мне рявкнул, дал понять, что он и не собирается говорить мне.

Мы ехали в настолько напряженной тишине, что она, казалось, сидела рядом третьим лишним. Как незваный гость. Устроилась между нами на длинном сиденье грузовика. Мы свернули на разбитую узкую дорогу. Мое любопытство подняло нос, когда Кинг остановился на обочине возле стильного желтого домика на ранчо с коротким заборчиком спереди.

— Идем, — произнес Кинг.

Выбравшись из грузовика, он открыл замок на воротах и пошел по цементной дорожке. Я следовала за ним, иногда подбегая, чтобы успеть за его длинными шагами. Несколько вертушек на палках создавали видимость ветра во время сегодняшней жары, пока мы проходили мимо них. Я думала, может, Кинг вместо Преппи заехал забрать то, что нужно, и это был еще один из домов в их операции «Бабулина оранжерея», который я еще не видела.

Когда мы подошли к двери, Кинг не постучал, а просто открыл ее и вошел внутрь. За секунду мое сердце пропустило удар от мысли, что он собирается ограбить это место, но эта идея умерла сразу же, как только он выкрикнул:

— Грейс?

«Грейс».

Я уже слышала это имя прежде.

Я последовала за ним в дом и закрыла за собой дверь. Когда обернулась, то столкнулась с тысячами пялившихся на меня маленьких глазок. Небольшая гостиная была буквально усеяна ими. От длинных полок буфета и стола при входе до кофейного столика и верха телевизора — все было заставлено керамическими кроликами различных размеров.

Кинг не уделил этому никакого внимания, шагая через гостиную к раздвижным дверям в дальнем углу столовой, где эти самые кролики сидели на шести стульях у стола, будто наслаждаясь своим обедом.

«Думаю, Грейс любит кроликов».

— Я здесь! — послышался высокий, но хриплый голос.

Кинг придержал раздвижную дверь открытой таким образом, чтобы я могла пройти, но при этом не отступил. Мне пришлось протиснуться мимо его груди, чтобы пробраться на другую сторону. Пытаясь прикоснуться к нему как можно меньше, я споткнулась снаружи о деревянный порог веранды. Миниатюрная женщина с поднятыми у корней волосами сидела перед нами в синем плюшевом кресле. Она задрала ноги вверх, положив пятки на край стола и скрестив лодыжки. Она попивала зеленую жидкость из высокого стакана. На поверхности напитка плавали лед и зеленый листочек.

Вместо того чтобы спросить, кто я такая, она встала и обняла меня. Ей было под семьдесят. На ней был джинсового цвета свитер, который подходил к ее штанам, и былая ортопедическая обувь.

— Я Грейс, — представилась она, держа меня за локти так близко, дабы иметь возможность изучить мое лицо.

— Привет, — я не была уверена, кем мне нужно было назваться, но Кинг решил эту проблему за меня.

— Это Доу.

— Какое необычное имя. Что оно значит?

Я посмотрела на Кинга, и он кивнул.

— Доу как у Джейн Доу. Неизвестной, — ответила я ей.

— Твои родители слишком увлекались криминальными новеллами или они хиппи, которые пережарили свои мозги амфитаминами? Потому что, говорят, в этих краях их

много. Хотя я так ни одного и не встретила, поэтому не поверю, что ты из Логанс-Бич.

— Я не уверена, чем увлекаются мои родители, мэм.

Грейс вопросительно посмотрела сначала на меня, потом на стоявшего в дверном проеме Кинга. Он пожал плечами.

— Ты выпустишь весь прохладный воздух отсюда. Садись. Выпей.

Грейс помахала Кингу и мне и вытащила для нас стулья. Она налила нам по стакану зеленой жидкости из графина на столе.

— Надеюсь, вы любите мохито, — обрадовалась она, наполняя свой стакан.

Я сделала глоток. Кубик льда стукнулся о передние зубы. Напиток был и сладким, и горьким одновременно, но после жары на улице его вкус показался мне божественным.

Слава богу, мои солнечные ожоги прошли — мне больше не нужно было прятаться в тени. А еще я перестала напоминать спелый помидор.

Кинг уселся рядом со мной и оказался напротив Грейс.

— Что у тебя для меня есть? — спросила Грейс Кинга.

Он прыснул со смеху и чуть поерзал на своем месте. Он достал маленький черный пакетик из кармана и скользнул им по столу.

— Спасибо тебе, сладенький, — произнесла Грейс, игриво прижимая пакетик к груди. Она положила его назад на стол и обратилась ко мне: — Так как вы двое встретились? Расскажите мне все от и до.

— Эм... — я понятия не имела, как ответить ей на это, так что начала с правды. Как только я начала говорить, предложения вылетали из меня, будто я блевала ими и была не в силах остановить этот словесный понос: — Ну, Грейс, мы встретились в ночь, когда я решила продать себя за горячую пищу и место, где могла поспать. Я собиралась отсосать этому парню, а когда поняла, что просто испугаюсь, сама мысль об этом вызывала во мне тошноту. Потом моя подруга меня подстрелила или зацепила пулей — называйте как вам угодно. После он нашел мою подругу мертвой в комнате отеля с иглой в руке, но это было до того, как я сбежала. А потом он убил моего возможного насильника и вернул меня снова в свой дом, искупал и провел поучительную беседу о том, что я теперь его собственность и у меня нет никакого права выбора.

Я остановилась и посмотрела на Грейс, чьи очки сползли на середину переносицы.

Кинг откашлялся:

— Она пришла в мой дом на вечеринку по поводу моего возвращения.

Это была правда, но он опустил самые пикантные подробности, которые я только что выложила Грейс как на духу. Женщина сняла очки и откинула голову назад, разразившись безудержным смехом.

— Не думаю, что кто-нибудь будет смотреться рядом милее, чем вы двое, — произнесла она, игнорируя все, что я только что выплеснула на нее. — Я очень рада, что ты нашел кого-то, мой дорогой мальчик. Я так скучала по тебе, пока тебя не было, и каждый божий день молилась, чтобы ты нашел кого-то, кто сделает тебя таким же счастливым, как и мой Эдмунд сделал меня, — Грейс покрутила серебряное кольцо на своем пальце.

— Мы не... — начала я, но Кинг положил руку на спинку моего стула и развернул к себе.

— Я хотел, чтобы ты с ней встретилась, — сообщил он, скользя пальцами по моей шее, словно выказывая свою неожиданную привязанность.

Хотелось мне того или нет, но моя кожа ожила под его невинным прикосновением, и я

уверена, что громко схватила воздух ртом, потому что плечи Кинга затряслись от беззвучного смеха. Грейс встала и обошла стол. Остановившись возле Кинга, она поцеловала его в лоб.

— Ты так осчастливил меня, старую женщину, — призналась Грейс, вытирая под глазом слезу. Она шмыгнула носом и сложила руки перед собой. — Я собираюсь приготовить обед. Доу, солнышко, ты согласишься помочь мне?

— Конечно, — согласилась я, вставая из-за стола.

Я до сих пор не была уверена, где мы находились, но мне понравилась Грейс, а иметь кого-то еще, помимо трех татуированных амигос (прим.: с исп. «друзья»), было неплохой переменной. В ней было что-то от любящей бабушки, что располагало сразу же, как она начинала говорить. Я собиралась насладиться ее обществом, пока у меня был такой шанс и пока мистер Настроение Дня снова не запер меня в четырех стенах своего дома.

— Нужно забрать кое-что из грузовика, — сказал Кинг, подсакивая со стула и исчезая за углом дома.

Грейс провела меня на кухню и достала из холодильника ингредиенты для пасты с фрикадельками. Она убрала одного из мягких кроликов со стула, чтоб я смогла сесть за стол и помочь ей нарезать овощи, тогда как сама смешивала ингредиенты для фарша.

— Откуда вы знаете Кинга? — поинтересовалась я, нарезаю зеленый перец на доске и затем сметая измельченные кусочки в общую миску для овощей.

— Он не сказал тебе?

— Он вообще немного говорит, — признала я.

— Немногословный парень — это про него, — с теплотой ответила Грейс. — Я знаю Брэнтли с тех пор, как он еще был сопливым школьником. В один день он попытался обокрасть мой сад. Ему тогда едва исполнилось двенадцать.

— Брэнтли?

— Он на самом деле не говорит тебе ничего, да? — Грейс посмотрела на меня искоса.

— Что вы сделали, когда поймали его?

Мне было интересно. Как Кингу удалось завязать отношения с женщиной, которая была в три раза старше, чем вся его жизнь?

— Я отломала ветку от дерева, так же как сделала бы моя мама, стащила джинсы с его маленькой бледной попки и отходила прутком, — без промедления проговорила Грейс, обмывая помидоры и высушивая их бумажным полотенцем.

— Нет, не может быть, — произнесла я, наполовину не веря потому, что не могла представить, как Кинга можно отшлепать веткой, отломленной от дерева.

— Да, я и правда это сделала. А потом Эдмунд позвал мать Кинга, пока я готовила обед, но она не отозвалась. Эдмунд оставил ей сообщение, но она так и не появилась. Так что он остался на обед. Потом на ночь. И с тех пор он приходил к нам каждое воскресенье. Ну, каждое воскресенье, когда не был занят чем-то или когда не сидел в тюрьме. Но в таком случае мы ходили к нему сами.

— Вы знали, что он был в тюрьме?

— Конечно. Я навещала его каждую неделю. И когда умер мой Эдмунд, этот мальчик пришел на его похороны в зеленом смокинге, который купил в секонд-хенде и который был велик ему на три размера. Я тысячу раз предлагала ему остаться жить здесь, но он не тот человек, что позволит содержать себя. Он решил остановиться подальше, делать то, что ему хочется. Мальчик приезжает приглядывать за мной и домом.

— Так... Вы знаете все?

Грейс кивнула:

— Не в таких грязных подробностях, но я все-таки не тупая женщина. Я знаю, что мой мальчик не на правильной стороне закона. Но я люблю его как сына, и это все, что имеет для меня значение, — и не делая паузу, Грейс продолжила: — Любовь — это то, что ты сделал бы для другого человека, а не для себя в частности. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что он бы отдал свою жизнь ради меня. И я бы сделала то же самое ради него, — она открыла холодильник и вытащила еще одну тарелку с зеленым перцем. — Ещё я в курсе, что все, что ты рассказала о вашей встрече, правда до последнего слова.

— Почему вы ничего не сказали об этом? — спросила я.

Грейс вздохнула и отвернулась в сторону, глубоко задумавшись:

— Был такой фильм про девочку. Это была черно-белая картина о грабившем поезда парне. Я никогда не забуду конец. Видишь ли, ковбой вернулся к женщине, которую любил, и рассказанная ей правда о том, что он грабил поезда, о том, что делал страшные вещи, что воровал у людей, убивал, не означала, что он любил ее меньше или был не способен на любовь.

Грейс указала, чтобы я взяла блюдо с перцем и следовала за ней на веранду. Я поставила его на стол, а Грейс расставила небольшие тарелки и разложила приборы. Когда мы закончили, она подвела меня к перилам и кивнула в сторону Кинга, который стоял на лестнице и вкручивал маленькую лампочку в углу ее сарая.

— То, что я пытаюсь сказать, дорогая, и то, что думаю о ковбое, пытавшемся спасти свою любовь в фильме, и есть разница между быть плохим и быть злом. Только потому, что он был плохим мальчиком, не значит, что Кинг не может стать великим человеком, — я прокручивала ее слова в своей голове, когда она добавила: — Господь свидетель, солнышко: если ты разобьешь ему сердце, я перережу тебе горло прямо там, где ты стоишь. Если умру до момента, как это случится, будь уверена, смерть не остановит меня от того, чтобы выследить тебя, — Грейс улыбнулась, будто не она сейчас угрожала моей жизни, и притянула меня в еще одно объятие. — А теперь давай вернемся к тефтелям.

Грейс, может, и была маленького роста, но она, видимо, неправильно поняла то, что происходит между мной и Кингом. Но у меня не было сомнений в том, что она пройдется ножом по моему горлу не моргнув и глазом, если я перейду ей дорогу.

Кинг нырнул в ванную помыть руки, а потом присоединился к нам на веранде. Солнце только начало садиться, когда я заметила, как лучи падают на наши головы. И по мере того, как оно спускалось ниже к линии горизонта, те становились все ярче, будто это были тысячи звезд, освещающих нам ужин.

Мы наслаждались едой, а Грейс в основном говорила. Она часто обновляла мохито в моем стакане и в один момент вышла наполнить графин. Она заинтересовалась мной и задавала кучу вопросов. Уплетая тефтели, я заполняла для нее пробелы в своей истории.

— То, что вы есть друг у друга, очень хорошая новость, — заметила она.

— Она не моя девушка, Грейс, — возразил Кинг, в ответ ее губы сжались в тонкую полоску.

Грейс пожала плечами и сделала еще один глоток своего напитка.

— Знаете, а ведь нашу с Эдмундом свадьбу устроили. Наши матери договорились между собой, еще когда мы сосали молоко из их груди. В первые годы, когда мы были вместе, я терпеть не могла этого человека, но со временем научилась его любить. Потом я влюбилась

в него, и это чувство не покидало меня до последнего дня, до его смерти. Некоторые события часто начинаются не так, как мы хотим. Важно то, как они заканчиваются. Я, может, и не любила Эдмунда сперва, но он превратился в любовь всей моей жизни.

У Грейс было самое оптимистическое, если не извращенное, понимание об отношениях. Но чего я ожидала? Эта женщина была живым ходячим противоречием. Маленькое милое существо, которое выпивало как рыба и материлось как моряк. Если не упоминать уже о том, что ее дом выглядел так, будто в передаче «Хордер: мир кроликов».

— Да и секс у нас был фантастический, — заключила Грейс, уставившись на свет.

Я выплюнула целый глоток мохито. Брызги полетели на рубашку Кинга. Я приготовилась к его злости, медленно поднимая на него глаза, но ничего не последовало. Его плечи затряслись, когда он разразился смехом, а Грейс простонала ему в ответ.

Я помогла Грейс убрать со стола, пока Кинг пошел вытирать с себя брызги. Я услышала, как из крана в ванной полилась вода. Кто знает, может, он застирывает свою рубашку, чтобы не осталось пятен от мохито?

— Грейс, откуда столько кроликов? — спросила я.

Мне нужно было узнать. Она улыбнулась и закрыла посудомоечную машину. Она повернула выключатель, и звук был такой, будто машина Преппи снова взорвалась.

— Эд всегда привозил кроликов из командировок, — она посмотрела на игрушки вокруг стола. — Знаю, это странно, и знаю, что они занимают почти все пространство в доме, но каждый из них напоминает о мгновеньях, что, когда мой муж был где-то без меня, он думал обо мне.

Грейс выглядела уставшей. Мое сердце сжалось. Я не ожидала, что секрет будет таким сентиментальным, и ненавидела то, что вообще подумала о том, будто кролики просто были ее фетишем.

— Я закончу сама, Грейс. Почему бы вам не прилечь?

Она кивнула и вытерла руки о кухонное полотенце, которое свисало с её плеча. Опустив его на кран, она обняла меня еще раз.

— Спасибо. Ты ведь позаботишься о моем мальчике, так ведь? Ему нелегко с тех пор, как он вернулся. Я беспокоюсь о нём.

Я не знала, как ответить на это, поэтому струсилась и сказала ей то, что она хотела услышать:

— Конечно.

Грейс прошла по коридору, и я услышала, как дверь открылась, а потом закрылась за ней. Я закончила с посудой и просидела за кухонным столом где-то час. Становилось поздно. Грейс уже явно было пора ложиться спать.

И где носило Кинга?

Я потопала по коридору и замерла перед дверью, за которой слышала приглушенные голоса. Дверь не была плотно закрыта, так что я слегка приоткрыла ее еще больше в надежде, что она не заскрипит. Уставившись в щель, я увидела отражение Кинга и Грейс в зеркале большого столика из орехового дерева, занимавшего почти половину маленькой комнатки. Грейс сидела на краю кровати в ярко-оранжевой ночной рубашке и в такого же цвета тапочках.

Ее ноги не касались пола. Кинг присел перед ней на корточки и протянул нечто, по форме напоминающее стеклянную трубку для курения.

— Мне это нравится, — произнес он, зажигая смесь в трубке, втягивая в себя дым, а

затем выдыхая его.

Он передал трубку Грейс, которая повторила то же самое, глядя на Кинга для большей уверенности. Выпустив дым, она начала тяжело кашлять. Кинг держал ее руку, пока она кашляла и смеялась одновременно.

— Я каждый раз буду это делать? — спросила она, когда наконец-то смогла связать слова в предложение.

— Нет, только первые несколько раз, — уверил ее Кинг с несмелой улыбкой.

— Хорошо. Ненавижу кашель, — ответила Грейс.

— Уверена, что тебе больше ничего не нужно? — начал Кинг.

— Я старая бабка и скоро умру от этой хрени. А ты и дальше будешь приходить в мой дом, чинить вещи и заботиться обо мне оставшиеся полгода. Ты и так слишком много для меня сделал.

— Не говори так, — скривился Кинг, сжимая переносицу.

Грейс протянула руку, взяла ладони Кинга в свои и положила их себе на колени.

— Ты мне ближе сына, которого у меня никогда не было, — призналась она.

Кинг уставился в пол:

— Ты всегда была мне большей матерью, чем... *Она*.

На лице Грейс проступила серьезность.

— Я жалею лишь о том, что не прикончила ее собственными руками.

Одно из ее слов вырвало меня из транса, и я забыла о том, что мне не стоит двигаться. Споткнувшись, я приземлилась на колени и руки почти перед ее кроватью.

— Она всегда такая грациозная? — поинтересовалась Грейс.

Кинг поцеловал ее в лоб и выключил свет. Я с грустью помахала ей рукой перед тем, как он поспешно вывел меня из комнаты, закрывая за нами дверь. Он выключил весь свет в доме и запер раздвижную дверь. Когда мы почти дошли до выхода, Кинг остановился, потянулся за чем-то в карман и поставил что-то на край стола в коридоре. Я отставала от него на несколько шагов, поэтому смогла рассмотреть то, что он оставил для Грейс. И когда я увидела, дыхание застряло у меня в горле.

Он оставил ей маленького, белого, керамического кролика.

ГЛАВА 18.

Доу

— Нам нужно сделать еще одну остановку, — предупредил Кинг, набирая сообщение на своем телефоне на пути к грузовику.

Я посмотрела на него — на самом деле посмотрела — будто впервые встретила. Я видела мужчину, отбросившего свой устрашающий облик и постоянные перемены в настроении и просто заботившегося о женщине, которую любил. Мужчина, которого я начала считать монстром, был способен на любовь.

— Зачем ты показывал Грейс, как курить травку? — спросила я.

— Грейс, может, хорошо притворяется, но она постоянно терпит сильную боль, — скривился Кинг. — Все медикаменты, что ей выписывают врачи, просто херня. Они должны заставлять ее чувствовать себя комфортно, а вместо этого ее от них тошнит.

— Что у нее?

— Какая-то ху*ня, которую врачи называют агрессивным раком, — костяшки Кинга побелели, когда он с силой сжал руль.

— Ей действительно осталось полгода?

Кингу стало не по себе, но после встречи с ней я думаю, что должна знать больше о ее состоянии.

Он положил локоть на опущенное стекло дверцы, подперев челюсть кулаком.

— Они говорят полгода, но мне сказали, что время всегда стоит делить пополам. Врачи вечно преувеличивают насчет оставшемся нам времени.

— Кто тебе это сказал?

— Ее доктор.

— Оу.

Мы провели в тишине следующие двадцать минут, пока не приехали к нашему находившемуся по соседству пункту назначения. Кинг припарковался, и когда я схватила дверную ручку, чтобы выйти, он остановил меня, прижав руку к моей груди.

— Что? — спросила я.

— Мы не выходим.

Заглушив мотор, он откинулся на спинку. Я открыла рот, чтобы спросить почему, но темный взгляд Кинга ответил мне, что он не в настроении для разговора. Я скрестила руки на груди, ожидая, что причина нашей остановки покажется сама.

И спустя несколько минут она показалась. Загорелся свет. Не в доме, перед которым мы припарковались. Свет исходил из-за дома. Оттуда, где мы сидели, открывался хороший вид на застекленную террасу. Высокая женщина с короткими черными волосами собирала с пола игрушки, когда маленькая белокурая девочка влетела на террасу.

Кинг выровнялся.

От нас до дома было около ста футов (прим. пер.: 30,5 м), но я сразу же узнала бегавшую в своей пижамке малышку.

— Это девочка с фото в твоей комнате, да? Она твоя сестра? Ты хочешь зайти поздороваться с ней? Я подожду здесь, если хочешь.

Кинг не произнес ни слова, пялясь на малышку, пока женщина не заметила, что на нее смотрят, и не забрала девочку назад в дом, выключив свет.

— Я не могу пойти к ней. У меня нет права. Я ее единственная семья. Я нужен ей, но суд считает меня всего лишь преступником. Мне не разрешается даже навещать ее. Находясь в тюрьме, я сделал всё допустимое, нанял всех адвокатов, которых только нашёл, но они ничего не смогли сделать, чтоб помочь мне. Пришлось дать на лапу чиновнику в обмен на адрес ее приемной семьи. Только так я смог узнать, где она.

— Мне жаль, — произнесла я, и мне на самом деле было жаль. Кинг знал, кто его семья и где та была, но они все равно не могли быть вместе. — Она на самом деле прекрасна.

— Согласен, — ответил он. Он повернул ключ зажигания и завел грузовик. — Макс.

— Что? — переспросила я.

— Макс. Ее зовут Макс.

— Сокращенное от Максин?

Кинг улыбнулся и помотал головой, возвращаясь на главную дорогу.

— Нет. От Максимилиан.

— Для девочки? — я сморщила нос.

— Да, и заткнись. Это лучшее еб*аное имя для девочки во всей Вселенной, — отозвался Кинг, все ещё улыбаясь. В его ответе я услышала нотку гордости, и мне не хотелось выступать против. — Сильное имя для сильной девочки.

— Имя потрясающее, — мягко подметила я.

— Именно.

— Зачем ты привез меня сюда? И зачем хотел, чтобы я увиделась с Грейс? — поинтересовалась я, используя краткий момент его ранимости в свою пользу.

— Потому что не знаю, что за ху*ню я творю, щенячыи глазки, — признался Кинг. — Ты нахрен сводишь меня с ума, и я чувствую себя дерьмово из-за того, что не могу... — он замолчал. — Тюрьма вывернула мне душу, заставила вновь задуматься о многом, но тебе удалось перевернуть мой мир больше, чем это сделала решетка. Почему-то я хочу, чтобы ты была рядом. И так как у меня ху*во со словами, я понял, что будет лучше всего, если ты узнаешь настоящего меня, встретившись с двумя самыми дорогими людьми в моей жизни.

— Оу.

Я прикусила губу. Не знаю, какого ответа я от него ожидала, если вообще ожидала, но его слова застали меня врасплох.

«Он ХОЧЕТ, чтобы я была рядом?»

— Я был в тюрьме самого строгого режима. Вокруг меня находились худшие из худших. Мне приходилось спать с одним открытым глазом, потому как я считал, что следующий вдох может стать последним.

— Зачем ты рассказываешь мне все это?

Он повернул голову в мою сторону и приковал свой взгляд ко мне. Кинг протянул руку и провел своим длинным указательным пальцем по моей щеке.

— Потому что хочу, чтобы ты знала: ни один из тех ублюдков не пугал меня больше, чем пугаешь ты.

Телефон Кинга зазвенел на своей подставке на консоли грузовика, и он ответил, оставив меня с открытым от шока ртом.

— Да, — произнёс Кинг, приложив телефон к уху. — У*бок! Нет, я понял. Оставайся там же. Я скоро подъеду. Да, знаю. Уверен. Понял.

Кинг бросил телефон мне на колени и развернул грузовик так резко, что, уверена, в какой-то момент машина находилась в положении на двух колесах.

— Что происходит?

— Последняя остановка, — бросил Кинг, стиснув зубы.

Кто бы ни был на другом конце провода, он сказал ему нечто, чего я явно не хотела бы услышать.

Спустя несколько минут мы припарковались возле маленького захолустного бара с зеленой неоновой вывеской «У Хансена», под которой было нарисовано изображение корабля. На парковке там и тут было всего несколько машины. Кинг занял одно из мест и выскочил из грузовика.

— Оставайся здесь, — приказал он.

Он наклонился над бортом багажника и, взяв что-то оттуда, направился в сторону бара. Чтобы пройти в дверь, Кингу пришлось пригнуться.

За один день я увидела три стороны этого человека. Темную, пугающую до чертиков. Сексуальную как ад, от которой у меня дрожали коленки при его малейшем взгляде. И сторону, о существовании которой я даже не подозревала: он безукоризненно заботился о

ком-то, за исключением самого себя. Было приятно узнать, что, в конце концов, он не женоненавистник.

Из помещения донесся шум. Дверь распахнулась. Кинг вышел из бара словно огромная черная тень. За ним послышался визг женщины.

Менее часа назад он беспокоился о жизни, которой мог жить со своей сестрой. А незадолго до этого он тревожился о пожилой женщине и помогал ей найти утешение в последние дни ее жизни.

А сейчас он приближался длинными шагами к грузовику, в его темных, опасных глазах горел безумный, яростный взгляд. Только когда он оказался на расстоянии трех метров от меня, я смогла лучше рассмотреть его.

Кинг крепко сжимал деревянную бейсбольную биту. Темные пятна покрывали поверхность снаряда и все его тело, капли чего-то были разбрызганы на его груди и лице. Когда он повернулся положить биту обратно в багажник грузовика, на него упал свет, и мое дыхание замерло в груди.

И бита, и тело Кинга были покрыты кровью.

***

Кинг выехал с парковки с визгом шин. Когда мы достигли трассы, Кинг свернул на первом же повороте и остановил грузовик под мостом. Мое сердце быстро и тяжело стучало в груди.

Тук. Тук.

Тук. Тук.

Свет луны падал на лобовое стекло, создавая эффект мерцания на каплях высохшей крови на лбу Кинга.

— Какого х*я там произошло? — завизжала я, расстегивая свой ремень безопасности.

— Бизнес, — ответил Кинг, не придавая слову ни единой эмоции.

— Ты покрыт кровью! Ты убил... Кого-то?

— Нет, не убил, но он подумает дважды, прежде чем снова совать нос в мое дерьмо.

— Кто это был?

— Кто-то, кто привык пугаться с Айзеком. Преппи узнал, что тот был шестеркой, которая доложила Айзеку о «Бабулиной оранжерее». Нужно было преподать урок. Ему не понадобится его рот, если он не будет знать всякую херню, — Кинг провел ладонью по голове. — Если войне предстоит начаться, она начнется.

— Вот что случится? Начнется война? — спросила я. — Что нам делать?

— Не будет никакой войны, если я смогу разобраться. Я вышел на людей Айзека, попросил о встрече. Хочу разобраться со всей этой ху*ней, пока не стало хуже, — Кинг развернулся ко мне. — Ты ничего не будешь делать. Я все держу под контролем. Тебе не стоит переживать об этом. Обещаю, с тобой ничего не случится. Я сказал, что защищу тебя, и я говорил серьезно.

— Думаешь, я волнуюсь о себе? Машина Преппи в буквальном смысле слова взлетела на воздух. Медведь живет в гараже в десяти футах от тебя. За тобой охотится опасный парень, и, по твоим же словам, он на самом деле опасный, а ты думаешь, что я о СЕБЕ беспокоюсь?! — я задыхалась. — Какой, мать твою, эгоисткой ты меня считаешь?!

— Так ты волнуешься обо мне, щенячьи глазки? — поддразнил Кинг, вздергивая бровь.

— Нет! То есть да. Почему тебя это, бл*дь, раздражает? — закричала я. Кинг выключил

зажигание. — И какого хера ты заехал под...

Кинг прервал мою словесную тираду резким рывком в мою сторону. Он приподнял меня, обхватив бедра, и дернул на себя так, что я плюхнулась на спину и заскользила спиной по длинному сиденью его грузовика.

— Я люблю, когда ты обо мне беспокоишься, — произнес он, накрывая мое тело своим и обрушивая свой рот на мой. Его губы были мягкими, полными, настойчивыми и нуждающимися одновременно. — У тебя такие чертовски сексуальные губы. Я тысячу раз представлял, как они будут обернуты вокруг моего члена, — он скользнул рукой под мою рубашку, обхватывая грудь. — Я обожаю твои чертовски идеальные сиськи, — он раздвинул мои ноги коленом и разместился между ними. Его член уперся в мое местечко, которое было уже влажным и готовым от желания. — Не могу дождаться, когда окажусь в тебе.

Он провел губами по линии шеи. Скользил языком по коже, лизал ее, всасывал и подразнивал, пока катал мой сосок между двумя пальцами и вжимал меня бедрами в сиденье. Я выгнула спину. Каждое его движение посылало шоковые волны желания, разрывавшие во мне любые мысли о сопротивлении, которые только могли поселиться в моей голове.

— Скажи мне, что хочешь этого, щенячьи глазки. Скажи, что хочешь этого так же сильно, как и я.

Он тяжело дышал мне в шею. Одним движением пальцев Кинг расстегнул пуговицу на моих джинсах и просунул руку внутрь, пока не нашел искомое. Я застонала, когда он достиг точки, которая уже дрожала от ощущения его эрекции.

— Да ты, бл*дь, чертовски влажная. Ты хочешь этого. Я чувствую, — он очертил моей влагой круг вокруг клитора. — Ты настолько готова для меня. Скажи мне, что хочешь, чтобы я трахнул тебя. Позволь мне услышать это.

Я откинула голову назад, будучи не в силах произнести ни слова. Он был прав. Он был так чертовски прав. Я хотела его.

Я хотела этого.

Вероятно, Грейс оказалась права, когда сказала, что плохой парень может быть хорошим. Что одно не исключало существование другого.

Может, мой мозг и не был согласен с этой идеей, но тело реагировало на каждое его прикосновение, будто я была создана для того, чтобы Кинг удовлетворял меня, будто я не могла насытиться этим. Будто, если он не окажется внутри меня, я умру. Мне нравилось чувствовать его сверху. Нравилось его прикосновения. Нравилось его желание.

Нет. Не нравилось. *Я любила это!*

Я любила спать в его кровати рядом с ним. Мне нравилось чувствовать себя маленькой рядом с ним. Я любила, как его ноздри трепетали перед тем, как он собирался поцеловать меня, а когда он целовал, я любила то, что он целовал меня так, будто был на меня зол. Словно в том, что он хотел меня настолько, что не мог удержаться и не коснуться меня губами или руками, была моя вина.

Кинг уселся, и мне пришлось свести бедра вместе, чтобы унять боль, которая начала зарождаться между ног в ту же секунду, когда он меня коснулся. Кинг потянулся руками за спину, стащил с себя полностью покрытую кровью футболку и бросил ее на пол.

Я потянулась руками к его груди, потому что не могла сопротивляться своему желанию. Она блестела от пота, вздымалась от тяжелых вдохов и была покрыта самыми невероятными татуировками. Я наклонилась вперед и лизнула его сосок.

Он застонал и схватил мои волосы в кулак, жестко заставляя мою голову отклониться назад. Его губы вновь нашли мои. Язык скользнул в мой рот, двигаясь синхронно с моим. Будучи снова сверху, он двинул бедрами навстречу, и я больше не чувствовала, что мое тело подчиняется мне.

— Мне нужно услышать, щенячьи глазки. Скажи, что ты хочешь этого, и это станет твоим. Скажи мне, что хочешь меня, — Кинг почти задышался.

Он стащил джинсы и трусики с моей задницы. Он оставил их на уровне колен, когда наклонился вниз и припал губами к моему жаркому месту, щелкая языком по клитору. Я чуть не выпрыгнула из грузовика от мощности ощущений, но понимание происходящего снова вернулось ко мне, когда он прижал мои бедра руками к сиденью. Кинг снова и снова посасывал и облизывал мои складки, а его язык проникал в меня. Если бы он не удерживал мои бедра, я бы сдавила его голову ногами.

Он не просто вылизывал меня, чтобы заставить кончить. Он ласкал меня там так, будто целовал мои губы и рот. Он занимался любовью с моей киской.

Давление начало зарождаться внизу моего живота, и я корчилась под ним в поисках освобождения.

Кинг что-то сказал, чего я не разобрала, потому что была буквально на краю пропасти. Я собиралась прыгнуть в эту бездну навстречу самому совершенному оргазму, когда он вдруг исчез и холодный ночной воздух коснулся всех частей моего тела, которые из-за него стали чертовски влажными.

Внезапно я осознала, что лежала обнаженная и открытая перед ним.

Щеки загорелись огнем.

— В чем дело? — спросила я, задыхаясь так, будто только что пробежала марафон.

Кинг откинулся на сиденье. Помимо его яростного стояка, который выпирал под его джинсами, он выглядел невозмутимо после только что произошедшего.

— Я не собираюсь трахать тебя, пока ты не скажешь, что хочешь меня. Если ты не можешь выдать из себя эти слова, когда я вылизываю твою киску, значит, это не то, чего ты желаешь на самом деле. Я уже говорил, ты будешь умолять меня о том, чтобы я трахнул тебя.

— Когда ты прикоснулся ко мне, — начала я медленно, — тебе не показалось, что я хочу этого? Не показалось, что я хотела тебя?!

Кинг помотал головой из стороны в сторону:

— Твое тело хочет меня. Как и мое хочет тебя. Но, если ты не можешь сказать это, тогда у нас проблема. Что сдерживает тебя настолько сильно, что ты не можешь произнести эти гребаные слова, когда распадаешься подо мной на кусочки? — Кинг наклонился, заправляя прядь волос мне за ухо. — Ты до сих пор боишься меня?

Мы встретились взглядами. Это то, о чем он думал? Конечно, он внушал страх, словно был дьяволом, и в какой-то момент я боялась того, что он со мной сделает. Но он не причинял мне боли. Он не сделал ничего. Лишь дал мне место, где спать, и еду, чтобы не умереть.

Благодаря ему я нашла друга в Преппи.

Благодаря ему я постоянно находилась в состоянии, будто вот-вот кончу.

— Нет, — честно ответила я. — Я боялась. То есть... Ты огромный.

— Да, огромный.

Кинг опустил взгляд на свою эрекцию.

Я облизала губы, желая узнать, каков он на вкус.

— Нет, — простонал он. — Не смотри на меня так. Нам нужно об этом поговорить. Если ты и дальше будешь так на меня тарашиться, любые границы, которых я сейчас пытаюсь придерживаться, канут в лету, и я просто нагну тебя над капотом этого грузовика и заставлю забыть все, что ты знаешь, — его слова послали спазм в моем теле, что отдавался пульсирующим желанием. Я почти кончила прямо в грузовике, когда он даже не прикасался ко мне. — Так что это? Что удерживает тебя от меня, если не лично я?

Я крепко зажмурила глаза.

— Это не ты. А я.

— Как, бл*дь, в гребаных сопливых мелодрамах.

— Нет, ты не понимаешь. Я принимаю решения не только за себя. Я должна думать и о ней тоже.

— Щенячьи глазки, я бы не отказался от секса втроем, как и любой другой парень, но в грузовике я больше никого не вижу. О ком конкретно ты говоришь?

— Ты знаешь, что я ничего не помню до лета, когда проснулась в таком состоянии, будто меня выбросили, словно я мусор.

Кинг кивнул, притягивая меня ближе настолько, что наши бедра теперь соприкасались. Я закрыла глаза и сфокусировалась на том, что собиралась ему сказать, а не на его твердом как камень члене на моем бедре, от которого по моему позвоночнику проносилась дрожь.

— Продолжай, — настоял он, нежно целуя мою челюсть и проводя губами к местечку за ухом.

— Я не смогу, если ты продолжишь делать это.

— Сможешь. Продолжай. Я ведь слушаю.

Мои внутренности сжались, и я выдала ему оставшуюся часть истории, пока ощущения от прикосновений Кинга ко мне окончательно не размели мое подсознание в пух и прах.

— Ну, я имею в виду ту девушку, которой была до этого. До того, как потеряла память. Ее. Абсолютно незнакомого мне человека, потому что она та, кем я была. Другой человек.

— Переходи к гребаной сути. Потому что, если ты этого не сделаешь в следующую минуту, я вдолблю в тебя свой член. Хотя прежде я насажу на него твой ротик, чтобы ты почувствовала мой вкус, потому что — знаю — именно об этом ты сейчас и думаешь.

Я снова закрыла глаза и попыталась сконцентрироваться, в то время как Кинг поднял меня за бедра и усадил к себе на колени так, чтобы я оседлала его и уперлась спиной в руль. Это была чувственная позиция, и мне некуда было спрятаться. Хоть его твердый член и утыкался в меня, мне пришлось отодвинуть мысли о нем внутри в сторону, дабы закончить свою историю.

— Суть в том, что я не способна делать то, что потенциально может изменить мою жизнь, потому что должна думать не о своей жизни. Мне нужно думать о том, что в один день мои воспоминания вернуться и та, кем я была, вернется ко мне. Этого может и не случиться, но я не могу рисковать. В тот день, когда я снова стану *ею*, мне придется столкнуться со всеми поступками, которые я делала, пока не знала о своей личности. Даже если я думала, что твои рисунки за гранью поразительного, и представляла, что ты создашь что-то подобное для меня, с того самого дня, как увидела тебя в твоём рабочем кабинете, я не могу сделать этого из-за нее. Что, если она возненавидит меня? Если она настроена против татуировок, а я оставляю на ней что-то, от чего она не сможет избавиться? Вот поэтому, даже если мое тело хочет тебя и даже если я хочу тебя, это не имеет значения.

Потому что человек, которого ты видишь перед собой, временный, — Кинг отпрянул назад и теперь сверлил меня взглядом, пока я говорила. — Я таю от твоих прикосновений и ничего не могу с этим поделать, но и не в состоянии перестать думать о ней. Что, если у нее есть парень? Или жених? Что, если секс с тобой разрушит ее?

Я шмыгнула носом. Слезы вот-вот хлынут из глаз. Кинг прижал меня к себе и положил руку мне на шею. Я думала, что Кинг просто снова поцелует меня, но он повернул мою голову так, чтобы слизать слезу со щеки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что, если она девственница? — прошептала я.

Кинг медленно снял меня со своих коленей и усадил на пассажирское сиденье.

— Я не подумал об этом, — тихо сказал он. — И чувствуя дикое возбуждение от мысли оказаться в твоей киске первым, если это так, я считаю, нам необходимо заполнить дыры в твоей истории о том, кто ты такая, прежде чем ты перевернешь свою жизнь с ног на голову.

— Какие дыры ты имеешь в виду? — спросила я.

— Во-первых, твоя теория про девственность. Кому какая нах*й разница? Если твоя память вернется и ты вернёшься к прежней жизни, у тебя хотя бы будут ох*енные воспоминания, и ты сможешь проигрывать их в голове, чтобы симитировать оргазм с дебилом, с которым тебе придется трахаться.

— Почему это он дебил?

— Поверь мне. Парень, отпустивший тебя и не нашедший до сих пор, если он вообще искал, явно законченный дебил. Ты мне даже не понравилась сначала. Факт, что я, бл*дь, ненавидел тебя, но не хотел отпускать от себя и на два метра. И мой член со мной согласится.

Я содрогнулась.

— А следующая дыра в моей теории? — мой голос прозвучал так, будто ржавая струна под смычком.

— Татуировки. Все, кому не нравится, как я рисую, могут идти нах*й.

— Все так просто?

— Да, все так просто, — бесстрастно ответил он. Потом его лицо обрело серьезность. — Все так просто, но не из-за какого-то парня, который сохнет или, может, не сохнет по тебе, или не из-за страха перед тем, что ты позволишь мне трахнуть тебя или сделать тебе татуировку, — Кинг прочертил пальцем линию от моей руки до плеча, будто рисовал воображаемое тату. — Все так просто, потому что ты не должна проживать жизнь той, которой всего лишь можешь оказаться. Что, если твои воспоминания вернуться, а с ними вернется и человек, которым ты была? Ей придется разбираться с тем фактом, что ты была здесь, когда не было ее. Сделай свой выбор, пока еще можешь, щенячьи глазки.

— Тебе так легко об этом говорить.

— Потому что это легко.

— Нет. Я просто... Не могу, — выдохнула я. Я бы не смогла жить сама с собой, зная, что мне не удалось защитить ее. — Ты дал обещание, что защитишь меня. А я дала обещание ей, что защищу ее, — ответила я похожим на шепот голосом.

— Ты хотя бы когда-нибудь думала о том, что сейчас ты и есть тот человек, которым должна быть? Что, может быть, с чистым листом вместо воспоминаний из херни и без внешнего влияния ты сейчас принадлежишь себе больше, чем когда-либо? — спросил он, и с каждым словом его голос звучал громче.

— Нет, — ответила я. Я не думала об этом. В словах Кинга был смысл. — Но я не хочу принимать жизнь, думая, что правда оказалась лишь игрой.

Я опустила взгляд в пол и пожелала, чтоб на его месте появилась дыра и высосала меня из этой машины.

— Тогда позволь мне понять. Ты была готова трахаться с первым встречным байкером, но не можешь быть со мной?

— Это удар ниже пояса.

Но Кинг продолжил, будто я и не прерывала его.

— Так я для тебя один из них? Всего лишь байкер, с которым ты не хочешь трахаться, чтобы потом не пожалеть?

Кинг повернул ключ зажигания и выехал назад на трассу.

— Нет, ты не такой, как все они, — прошептала я, не будучи уверенной в том, что он меня слышал.

— Как ты можешь считать меня худшим из них, если знаешь, что хочешь меня? Я чувствую это. И, бл*дь, не отрицай этого. Потому что отрицание — херня чистой воды, и ты это знаешь.

Кинг смотрел прямо перед собой на дорогу. Он настраивал радио, пока песня Джонни Кэша не наполнила салон настолько громко, что у меня начали дрожать барабанные перепонки. Слезы потоками катились по моим щекам.

Я прислонила голову к окну и обняла себя руками. Огни встречных машин и дорожные знаки сливались в сплошную линию, пока мы ехали.

— Ты прав. Ты намного хуже, чем они, — прошептала я, зная, что из-за музыки Кинг не мог меня слышать. — Потому что с ними мне не было бы так больно.

ГЛАВА 19.

Доу

Кинг уже несколько дней не спал со мной в постели. Я до сих пор помогала ему по вечерам в его мастерской, но наш разговор заканчивался лишь тем, что он рывкал мне приказы.

В субботу утром на кухонном столе я нашла коробку с адресованной мне запиской. Она гласила следующее:

«ДЛЯ НАШЕГО СВИДАНИЯ.
БУДЬ НА КРЫЛЬЦЕ В ВОСЕМЬ.
ПРЕППИ».

Нашего свидания? Зачем нам идти на свидание? Внутри коробки было коротенькое черное платье без бретелек и пара шпилек такого же цвета.

Преппи позаботился о том, чтобы у меня были джинсы и футболки на каждый день. Он даже остановился возле магазина, чтобы я могла купить себе нижнее белье и туалетные принадлежности, но у меня не получилось выбрать такие же хорошие вещи, как это сделал он.

Часы на микроволновке показывали, что сейчас было всего лишь десять утра. Я почувствовала разочарование из-за того, что мне предстоит ждать так долго.

Ровно в восемь я стояла на ступеньках дома и теребила край моего короткого платья. Я провела последние два часа, принимая душ, брея ноги и суша волосы феном. Я была более, чем просто готова. Я была возбуждена от мысли, что мне предстоит новое отвлечение.

Я понятия не имела, что Преппи скрывает за своими татуировками.

— Доу, ты готова? — спросил он, выскакивая из дверного проема под лестницей.

Он обнял меня за плечи и повел к грузовику Кинга, который уже был припаркован напротив дома.

— Я бы хотел отвезти тебя на своей машине. Но ты знаешь, что она нахрен взорвалась, — с горечью произнес он.

Его обычная рубашка с короткими рукавами на сегодняшний вечер отдала первенство темно-синей рубашке на пуговицах с длинными рукавами. Он был одет в джинсы, заправленные в берцы. Его аккуратная бабочка как всегда была на месте. От него пахло так, будто он только что вышел из душа. Свежим ароматом мыла и крема для бритья.

— Ты брился? — поинтересовалась я.

Его борода казалась такой же длинной, как и утром.

— А? — переспросил он, глядя на меня сверху.

— Ты пахнешь кремом для бритья, но борода на месте.

— Это свидание, детка. Я готов использовать даже воск для депиляции, если буду знать, что мне повезет.

Я рассмеялась:

— Тебе не повезет.

— Знаю. Кинг убьет меня, а я предпочту сохранить себе жизнь. Так что секс сегодня не в меню. Пока, — Преппи подмигнул мне. — Кроме того, если мой член станет влажным не от твоей киски, то, возможно, какая-нибудь другая цыпочка сжалится надо мной и пустит между своих ножек.

Я прыснула со смеху, когда Преппи приправил свои грубые словечки хитрой улыбочкой.

— Ты мило выглядишь, — признала я.

Если бы не знала правды, я сказала бы, что Преппи покраснел.

— Спасибо. Но сегодня я не Преппи.

— Нет? — удивилась я. — Тогда кто ты?

— Нет. Это свидание. Так что сегодня ты можешь называть меня Сэмюэль. Я бы тоже сказал, что ты мило выглядишь, но ты выглядишь куда лучше, чем просто мило. Я бы сказал...

Преппи отступил назад и скользнул ладонями вниз от моих плеч, сжав руками мою талию. После он поднял одну мою руку и покрутил меня на месте, медленно оценивая мой вид. Лицо вспыхнуло от смущения, когда я заметила, как он пялится на мой зад.

— Горячо. Ты выглядишь ГОРЯЧО, детка. Блинчики сделали свое дело. Чертовски хорошее дело.

— Спасибо, — я почувствовала, как мои щеки снова воспламенились. — Я бы хотела, чтобы ты тоже назвал меня моим настоящим именем, но я не знаю...

Рев мотоцикла прервал меня на полуслове. Мы с Преппи обернулись на звук. Кинг заехал по дорожке из гравия и остановил блестящий черный байк возле колонны дома. Я впервые увидела его за рулем чего-то еще, помимо старого разбитого грузовика. Он с легкостью перекинул ногу через сиденье, стянул шлем с головы и стал приближаться к нам тяжелыми, громкими шагами. Его глаза были неотрывно прикованы ко мне. Он окинул меня

взглядом с ног до головы и заметил, что Преппи держал меня за руку.

Мое сердце грохотало в быстром неровном темпе, пока Кинг приближался. Ладони начали потеть, когда я фальшиво улыбнулась.

— Где ты, бл*дь, достал ЭТУ херню? — прорычал Кинг, указывая на мое платье.

Его взгляд метался от меня к Преппи и обратно.

Парень улыбнулся и отпустил мою ладонь. Он снова закинул руку мне на плечи и прижал к своему боку.

Глаза Кинга расширились, как только Преппи это сделал, и я была уверена, что он ударит либо его, либо нас обоих.

Хотя Преппи, казалось, не волновало настроение Кинга.

— Мы собираемся устроить попойку, босс, — холодно ответил Преппи. — Как мы посмотримся?

Что-то в том, *как* он спросил, заставило меня думать, что он подначивает Кинга.

— Нет, бл*дь! Не собираетесь! Я передумал, — заявил Кинг, плясь на Преппи так будто мысленно уже скручивал ему шею. — Ты затащишь свою гребаную задницу назад в дом, пока я не выпустил е*аную пулю тебе в башку! Вот что ты собираешься сделать!

— Почему нет?

Я услышала свой голос раньше, чем успела подумать о вопросе, стряхнула руку Преппи со своих плеч и уже сделала шаг к Кингу. Он тоже подошел ближе. Носки нашей обуви соприкоснулись. Поскольку я была намного ниже него, мне пришлось задрать голову, чтобы он увидел неодобрение в моем взгляде.

— Потому что, бл*дь, я так сказал, щенячьи глазки, — проревел Кинг.

Его ноздри трепетали от злости.

Его изумрудные глаза сейчас превратились в черные омуты ярости. В чертах его лица появилась строгость, схватку с которой мне никогда не выиграть.

Но это не означало, что я не попытаюсь.

— Я здесь, потому что у меня нет другого выбора! Я понимаю, что ты, бл*дь, злишься на меня и даже, мать твою, ненавидишь. Правда понимаю! Но я всего лишь хотела притвориться на одну гребаную ночь, что я нормальная девушка на нормальном свидании в нормальном месте!

Как только я развернулась, чтобы убраться обратно в дом, Кинг схватил меня за локоть и развернул к себе, удерживая подбородок двумя пальцами.

— Стой. Здесь, — приказал он. Его лицо до сих пор было злым и строгим. — Ты! — Кинг рывкнул Преппи. — На пару слов! *Сейчас же!!*

Он указал подбородком на дом и, отпустив меня, словно ураган направился по ступенькам, хлопая за собой дверь. Преппи с любопытством посмотрел ему вслед, и я не была уверена, как он собирался пережить разговор с Кингом, который буквально бурлил от ярости.

— Прости, детка, — извинился Преппи с понимающей улыбкой. — Может, в другой раз?

Он попятился назад, а потом поднялся по ступенькам, перепрыгивая по две за раз. Я подумывала пойти за ними, но мне не хотелось провоцировать Кинга еще больше.

Следующие десять минут я кипятилась от волнения на крыльце, думая о том, что они поубивали друг друга, потому что из дома не было слышно ни звука. Солнце давно опустилось за деревья, и я осталась в свете фонарей на крыльце. Вскоре мне надоело стоять.

Я едва ли успела коснуться задницей нижней ступеньки крыльца, когда входная дверь распахнулась и тяжелыми шагами Кинг пронесся мимо меня. Я подпрыгнула и придержалась за перила, чтобы не упасть на дорожку.

— Поехали, — произнес Кинг, протягивая мне руку. Злость все еще кипела в его глазах, но теперь там было еще и замешательство.

— Поехали? Куда поехали? — переспросила я.

— На свидание, — из-за смущения, которое он почувствовал после моего вопроса, Кинг нахмурился настолько сильно, что его брови почти сошлись вместе.

— С тобой?!

Кинг кивнул. Поскольку он так и стоял с протянутой рукой, а я не сдвинулась с места, чтобы взять ее, ему пришлось наклониться и самому схватить меня за руку. Я посмотрела на него и будто увидела нового его.

Он только что принял душ и пах так, словно использовал лосьон. На нем были его обычные темные джинсы и черная рубашка. Щетина так и осталась на щеках, но теперь она выглядела аккуратно. Поверить не могу, что он сделал это за десять минут, пока я парилась здесь, на улице.

— Со мной, — подтвердил он, медленно шаря глазами по моему телу. Его взгляд прожигал во мне дыру.

— Что случилось с Преппи? — спросила я, вызывая напряжение у Кинга.

— Он больше недоступен, — выплюнул Кинг, ясно давая понять: тема закрыта.

— Оу, — ответила я, глядя себе под ноги.

— Бл*дь. Просто забудь. Это все равно была тупая идея.

— Что? Нет, я только... это, вообще-то, была идея Преппи.

— Заткнись, — ответил он, прекращая мою болтовню.

Кинг потянул меня за руку и повел к своему байку. Он вручил мне шлем и, перекинув ногу через сиденье, уселся на мотоцикл. Кинг повернул ключ зажигания, и с диким ревом байк вернулся к жизни. Парень обернулся и кивком головы указал на место позади него.

Я прокричала поверх рева двигателя:

— Я в платье!

Кинг схватил меня за руку и притянул к себе.

— Думаю, теперь мы оба знаем, что ты в силах оседлать его, так что давай, мать твою.

Я сжала бедра вместе, пытаясь выбросить из головы воспоминания обо мне и Кинге на сиденье грузовика.

— Почему мы не можем воспользоваться грузовиком или даже пройти пешком? — предложила я.

Кинг уставился на меня:

— Щенячьи глазки?

— Что?

— Сядь на этот е*анный байк!!

— Ты на самом деле отмороженный ублюдок, знаешь это?! — я выделила каждое слово специально для него, тыча указательным пальцем в его грудь.

Кинг вызывающе улыбнулся. Мне не хотелось улыбаться. Мне хотелось вмазать ему! Мне стало казаться, что это нужно было сделать давным-давно.

— Слишком много времени, — ответил он, хватая меня за указательный палец.

— Времени для чего?

— Понять, что я отмороженный ублюдок. А теперь сядь на этот гребаный байк!

— Пошел нахер!!

Кинг слез с мотоцикла, вырвал шлем из моих ладоней и грубо надел мне его на голову. Волосы попали в глаза, и я тут же перестала видеть. Он воспользовался этим, поднял меня на руки и усадил на байк.

Я завизжала в шлем, но, прежде чем смогла снять его и слезть с байка, мы уже двигались. У меня было лишь два варианта: либо держаться за Кинга, либо свалиться с движущегося мотоцикла.

Я неохотно обняла его за талию.

Но на самом деле мне хотелось сжать свои пальцы на его горле. Мы ехали несколько минут, но мне показалось, что мы тряслись целый час.

Пока байк мчал вперед, рассекая ночь, воздух Флориды, обычно затхлый и влажный, сейчас обдавал меня ночной прохладой.

У меня почти отвалилась челюсть и остановилось сердце, когда перед глазами возникло место, куда мы приехали.

Ярмарка.

Кинг привез меня на ярмарку.

Чертово колесо возвышалось над нами так близко, что я могла поднять руки вверх и коснуться движущейся кабинки.

Кинг остановил байк на газоне, но мое тело все еще вибрировало после поездки на нем.

Будучи в восторге от пребывания на ярмарке, я так быстро спрыгнула с сиденья, что зацепилась ногой за выхлопную трубу.

— Черт, черт, черт!! — кричала я, прыгая на одной ноге.

Кинг снял свой шлем и оказался возле меня.

— Иди сюда, — произнес он.

Я все еще была зла на него, и двадцать минут поездки ни капельки не усмирили мое желание причинить ему физическую боль. Я проигнорировала его приказ и нагнулась, чтобы осмотреть ожог.

Кинг помотал головой в неодобрении и, подхватив меня на руки, усадил на ближайший столик для пикника.

— Научись слушать то, что тебе говорят, — сказал он, беря мою ногу, чтобы поближе осмотреть рану.

Я выдохнула:

— Хватать меня, как игрушку, необязательно, знаешь ли.

Кинг присел и нежно подул на рану, посылая мурашки по моему позвоночнику. Я точно знала, что, как только он поднял меня на руки, платье задралось вверх, открывая его взору бедра. Я заметила, как он смотрит на открытый кусочек белой ткани у меня между ног.

— Тогда, бл*дь, делай то, что тебе говорят, — Кинг стал осматривать ногу поближе. — Ожог небольшой, — объяснил он, но я едва ли слышала эти слова, так как его дыхание коснулось моей кожи.

— Я думала, ты не бываешь нежным, — поддразнила я.

Кинг помог мне снова встать на ноги и протянул мне руку.

— Я и не бываю, — он повернулся к воротам, жестко дергая меня за запястье и тем самым доказывая свои слова.

Кинг заплатил за наши билеты, и мы прошли через турникет. Как только мы оказались

внутри, во мне проснулся ребенок и на время я забыла о своей злости. Неоновые огни, ярмарочная музыка, корн-доги и сладкая вата.

Здесь было все, о чем я могла мечтать на первом свидании. Ну, разве что я не совсем хотела идти на него. Я выдернула ладонь из хватки Кинга, но он снова схватил ее и в этот раз сжал еще крепче, притягивая меня поближе к себе.

— Что хочешь сделать сначала, щенячьи глазки?

— Все. Я хочу абсолютно все!

Я задрала голову, чтобы получше рассмотреть чертово колесо.

— Оно последнее в нашем списке, — сказал Кинг, толкая меня к рядам палаток с играми.

По мере того как мы продвигались все глубже в толпу, шум вокруг меня возрастал в разы. Мимо нас пронеслась стайка детишек, позволяя услышать лишь хохот, который шлейфом стелился за ними.

Работники ярмарки выкрикивали названия своих игр и рекламировали то, как легко у них можно было выиграть приз, который они держали в руках.

Кинг остановился возле палатки с игрой, где из водяного пистолета нужно было попасть в рот двигавшемуся по лестнице бегемоту. Приз сможет забрать тот, кто выстрелит точнее всех и передвинет малыша-бегемотика вверх по лестнице.

— Играешь?

— Я во все играю! — ответила я, едва сдерживая восторг и пиная воздушный шарик ногой.

— Два, — сказал Кинг, доставая из кармана пару купюр и передавая их контролировавшему игру мужчине. Кинг занял место на изодранном кожаном стуле, а я села за ним. — Боишься сесть рядом? — спросил Кинг.

— Нет. Ты — огромный, а эти стулья — маленькие. Не хочу врезаться в твою руку и проиграть только потому, что ты три года не вылезал из тренажерного зала, — я прикрыла один глаз, целясь пистолетиком.

Кинг потряс головой.

— Этот твой ротик, — произнес он.

Было несколько вариантов того, как я могла понять его слова, но у меня не было времени думать об этом, потому что мне необходимо было выиграть.

— Предупреждаю. Я очень хорош в этой игре, — выдал Кинг.

Он заигрывал?

— Значит, соперники, да? — поддразнила я, фокусируясь на центре мишени.

— О, щенячьи глазки. Ты и понятия не имеешь.

Прозвенел звонок, и мужчина выкрикнул:

— Начали!

Я нажала на курок. Вода брызнула из моего пистолета прямо в цель. Мой маленький бегемотик продвинулся вверх по лестнице, но игра закончилась, не успев и начаться. Я посмотрела на Кинга, который сидел и улыбался. Почему на его лице такая улыбка? Я ведь выиграла!

— Победитель! Победитель! — выкрикивал мужчина.

Он открепил огромного мягкого оленя от тента и передал его Кингу, который забрал свой приз и просто пошел.

«Он выиграл? Как это вообще возможно?»

— Эй! — выкрикнула я, побежав за ним. — Почему тебе отдали приз? Я выиграла. Мой бегемотик был намного выше твоего. Я вообще не видела, чтобы твой двигался.

Кинг остановился:

— Щенячьи глазки, ты не видела, как он двигался потому, что я выиграл еще до того, как ты начала стрелять.

Он снова улыбался. Хитрая, настоящая, головокружительная улыбка, коснувшаяся его глаз. Она ему шла.

Нет, она БЕЗУМНО ему шла.

— Ты, наверное, шутишь?? — я продолжила кричать на него.

— Соперники, значит, да? — с издевкой спросил Кинг. — Я же сказал тебе, что хорош в этой игре.

Кинг казался обычным нормальным парнем, пригласившим свою девушку на свидание. Ну, по крайней мере, если татуированную грудку мышц ростом свыше ста восьмидесяти сантиметров, выглядывшую круче модели мужского нижнего белья, можно было назвать нормальной.

Мне нравился игривый Кинг.

Очень нравился.

— Значит, ты играл в нее раньше, — подметила я. — Это нечестное преимущество.

— Ага, можешь и дальше так думать. Эта ярмарка проходит здесь с тех пор, как я был ребенком. Мы с Преппи всегда тайком пробирались через забор вон там сзади, — Кинг указал на ворота с огромным замком. — Мы крали корн-доги с прилавков с едой прямо из фритюрницы. Замок повесили после того, как они выяснили, как мы проникали (прим.: корн-дог — сосиска, которая покрывается толстым слоем теста из кукурузной муки и жарится в горячем масле. Почти всегда подается на деревянной палочке).

Я знала, что Преппи и Кинг были лучшими друзьями, но это была первая история об их совместном детстве.

— Вот что я тебе скажу, — начал Кинг, — это свидание, а парни обычно отдают свои призы девушкам. Так что я отдам тебе своего оленя, — он протянул мне мягкую игрушку.

Я не знала, издевался ли он сейчас надо мной. Если я не ведала, как обуздать вспльчивого Кинга, то об игривом и добром не стоило даже говорить.

Я забрала оленя из его рук, будто он мог передумать отдавать его мне, и крепко зажала под мышкой. Кинг прыснул со смеху.

— А теперь что смешного? — поинтересовалась я.

— Доу... С оленем (прим. пер.: в оригинале «Doe... holdingadoe». Первое значение «Doe» — Доу — лань, самка оленя. Каламбур с именем героини).

Ладно, на этом он меня подловил. Я прикрыла рот рукой, чтобы сдержать смех.

Следующие несколько часов мы играли в каждую игру, которая только попадалась нам на глаза. Я не выиграла ни в одну.

Кингу понравилось отдавать мне свои призы, и вскоре у меня в руках не осталось места, чтобы держать их.

— Не думаю, что нам нужно еще играть, — сказала я ему, указывая глазами на кучу игрушек у меня под подбородком.

Прозвучал звонок, оповещающий о начале одной из игр, и я была готова идти дальше, когда Кинг меня остановил:

— Нет, подожди секунду.

Он наблюдал, как маленький мальчик трижды пытался выиграть приз в схватке с двумя подростками. Минуту спустя папа мальчика отвел того в сторону:

— Хватит, Сэм. Мы попробуем в следующий раз.

— Но я хотел этого аллигатора, — пожаловался мальчик.

— Ты его получишь. Может, в следующем году, когда немного подрастешь, — улыбнулся отец.

Кинг вытащил мягкого пингвина из моей кучи игрушек и подошел к мальчику с папой, которые уже удалялись от палатки с игрой. Нижняя губа мальчика дрожала, а на глаза наворачивались слезы.

— Простите, — позвал Кинг, привлекая к себе внимание.

Отец встревоженно обернулся и притянул сына поближе к себе. Кинг проигнорировал реакцию отца и наклонился к пареньку, протягивая ему пингвина.

— Знаю, это не аллигатор, но пингины тоже крутые. Вообще-то, они даже круче. Они живут в снегу и являются единственными птицами, которые не могут летать. Ты это знал?

— Нет, не знал, — ответил мальчик, засовывая большой палец в рот.

— Они также скользят брюшками по льду.

— Круууууто, — проговорил паренек, пялясь на пингвина.

— Теперь ты о нем позаботишься?

Мальчик кивнул и забрал игрушку.

— Спасибо, — беззвучно, одними губами, произнес папа мальчика.

Кинг кивнул, и они скрылись в толпе.

Он вернулся ко мне.

— Ты следующая, — сказал Кинг.

Мы стояли за палатками с играми и раздавали свои призы ребятам, которым не удалось выиграть, до тех пор, пока у меня в руках не остался лишь оленёнок, отданный мне Кингом первым.

Мы купили по мотку сладкой ваты. Поели корн-догов. Слопали горячие орео (прим. пер.: шоколадное печенье с кремовой начинкой). Мы смеялись как дети. Катались на аттракционе, в котором нас просто прижало к стенкам, пока центрифуга вертелась в воздухе, а после мы десять минут думали, что все нами съеденное снова увидит этот мир.

— Держи, — сказал Кинг, протягивая мне бумажный стакан. — Грейс говорит, имбирный эль — лучшее лекарство от расстройства желудка.

Я сделала медленный глоток, и практически мгновенно мне стало легче. Кинг схватил мой стакан и отошёл на несколько шагов выбросить его в мусорный бак. Я заметила, как рядом стоящая женщина пялилась на него.

Огляделась по сторонам, и казалось, каждая женщина вокруг нас — неважно, была ли она с мужчиной или без — буквально раздевала Кинга глазами.

— Они всегда так делают? — пробубнила я себе под нос.

— Что они всегда делают? — переспросил Кинг.

— Женщины всегда смотрят на тебя, будто хотят оседлать и трахнуть? — выплюнула я.

Кинг обнял меня. Его губы коснулись моего уха, когда он прошептал:

— В отличие от некоторых они не скрывают то, чего хотят, — я открыла рот, чтобы возразить, но не смогла найти слов. — Хотя все равно мило, что ты ревнуешь.

— Я не...

— Пора на чёртово колесо, — прервал Кинг.

Становилось поздно, и народу заметно уменьшилось.

— Почему ты оставил его напоследок?

— Потому что это лучшая часть, — ответил Кинг. — Всегда оставляю лучшее напоследок.

Кинг помог мне забраться в скрипящую кабинку, и работник аттракциона закрыл за нами дверцу.

В кабине едва хватало места для нас двоих. Когда я посадила оленя между собой и Кингом, он забрал его и отдал работнику, доставая купюру из кармана:

— Позаботишься о нем, пока мы прокатимся?

— Без проблем, чувак! — он поставил оленя на стул возле панели управления.

Кинг закинул руку на спинку моего кресла, коснувшись моего плеча.

Мы стали двигаться вверх. Поднимались все выше и выше, останавливаясь каждые полминуты, чтобы другие желающие могли залезть в свои кабинки. Как только мы оказались на самом верху, колесо начало двигаться очень медленно. Оно описывало круг, открывая мне вид на мерцающие огни ярмарки под нами.

— Вау, — вырвалось у меня, когда я наблюдала за тем, как внизу суетились люди. — Отсюда они похожи на муравьев.

Я повернулась к Кингу, но он не смотрел на огни города или толпу внизу.

Он смотрел на меня.

Глубина его взгляда приковала меня к месту.

— Щенячьи глазки, пока был в тюрьме, я точно выучил, что все мы — это кучка муравьев.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что мы все куда-то спешим, занимаясь бессмысленной херней. У нас есть лишь одна жизнь. ОДНА. А мы тратим слишком много времени, делая то, что даже не хотим делать. И мне надоело это.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не хочу, чтобы меня запомнили неисправимым Брэнтли Кингом.

— Тогда как ты хочешь, чтобы тебя запомнили?

— Я не хочу. Хочу, чтобы обо мне забыли.

— Ты ведь несерьезно.

— Серьезно. Я привык к тому, что слава опережает меня. А теперь я всего лишь хочу жить в своем доме, рыбачить по выходным и делать татуировки, когда есть настроение. И когда придет время умирать, я хочу просто раствориться, как в конце фильма, чтобы обо мне побыстрее забыли.

— Это звучит одиноко.

— Нет, если ты будешь со мной.

— Брось. Ты сам говорил мне, что я должна буду убраться из твоей жизни, когда надоем тебе, — рассмеялась я.

Но Кинг не смеялся:

— Я серьезно. Что, если бы я сказал тебе, что изменил свое решение? Что, если я хочу, чтоб ты осталась со мной на самом деле?

Я потрясла головой:

— Я бы не знала, что ответить на это. Я даже не в курсе, серьезно ли ты сейчас говоришь или нет, — я вздохнула. — Это не так просто. Ты знаешь, что мне нужно

заботиться о ней.

— Нах*й ее. Нах*й ЕЕ! — повысил голос Кинг. — Я уже сказал, у нас лишь одна жизнь. Одна. И с этой гребаной секунды я не собираюсь делать только то, что хочу делать. Я не желаю стареть, оглядываться и понимать, что у меня была жизнь, а я забыл прожить ее по достоинству, — Кинг коснулся губами моих губ. — Ты со мной, щенячьи глазки?

— Что ты делаешь? — спросила я.

Дыхание прерывалось и становилось почти беззвучным. Кинг наклонился ко мне и поцеловал, прожигая мою кожу. Его поцелуй послал покалывание к моему центру, и я задрожала.

— После всего что было, ты и понятия не имеешь, да?

— Понятия о чем? — произнесла я, тяжело дыша.

Как только я смогла произнести эти слова, его губы обрушились на мои жестким и требовательным поцелуем. Язык ворвался между моих губ, получая доступ к моему рту, вылизывая и танцуя с моим собственным языком. Я простонала в рот Кинга.

Я пылала. Кинг скользнул рукой под платье и нашел местечко, которое уже было влажным и готовым для него. Он издал стон и скользнул в меня пальцем. Его член дернулся под тканью штанов. Кинг потянулся рукой к моему затылку, схватил волосы в кулак и развернул меня для глубокого поцелуя, пока трахал пальцем. Стенки моей киски сжимались вокруг него, и я чувствовала, как нарастает оргазм, когда внезапно все пропало.

— Почему ты остановился? — возбужденно спросила я. Ноги все еще были раздвинуты.

— Потому что мы приехали, щенячьи глазки.

Я даже не заметила, как мы оказались внизу. Работник аттракциона подошел к нашей кабинке и открыл дверцу. Я поправила платье и встала на трясущихся ногах, пока Кинг забирал моего оленя.

К парковке мы шли в полной тишине.

По дороге к байку нам попало какое-то хранилище с реквизитом. Кинг неожиданно схватил меня за талию и затащил в тень, прижимая своим телом к стене.

— Я спрошу тебя в последний раз, щенячьи глазки. Ты хочешь меня? — произнес Кинг, снова находя мои губы своими, повторяя вопрос требовательным поцелуем. Моя кожа ожила и покрылась мурашками в ожидании. — Я больше не могу держаться от тебя на расстоянии. Я пытался и не могу. Я хочу тебя. Мне нужно, чтобы ты сказала мне, что вся эта херня по поводу колебаний позади и я могу взять тебя. Хватит быть просто живой. Начни жить, — он потянул меня за волосы, ища ответа на моем лице.

— Да, — задыхаясь ответила я. Потому что это было правдой. Каждая частичка меня хотела его. Я так долго этому сопротивлялась по ряду причин, которые становились все менее и менее важными, когда я находилась рядом с ним. — Я хочу начать жить.

— Я так отчаянно хочу тебя, — задыхался Кинг, прижимая меня к стене и упираясь своими бедрами в мои.

Его эрекция через джинсы касалась моей киски. Платье было задрано до талии. Нас разделяли лишь его джинсы и мои трусики.

— Почему ты называешь меня *щенячьи глазки*? — спросила я, задыхаясь, когда он скользнул руками по моим бокам, запуская пальцы в трусики.

Он с силой сжал мою задницу, и я резко набрала воздух ртом.

— Потому что, когда я впервые увидел твои широкие невинные глаза, ты выглядела как потерянный маленький щенок.

Меня разочаровало сравнение с собакой, особенно после того, как Преппи назвал меня бродяжкой.

— И, — продолжил он, — с момента, когда ты стояла на пороге моей комнаты, я знал, что хочу оставить тебя.

Он подчеркнул свои слова движением бедер в меня, вырывая из моего горла гортанный стон. Он тихонько посмеивался над моим ухом, а его язык прошелся по линии челюсти и вернулся к моему рту.

— Не здесь, — проговорил Кинг, отодвигаясь от меня и поправляя мое платье, чтобы прикрыть задницу.

Мы вернулись к байку, и я быстро надела шлем. Запрыгнув на байк и сомкнув руки на его талии, я почувствовала, как он содрогнулся от моего прикосновения. Я позволила ладоням скользнуть под его рубашку и коснуться голой кожи на его ребрах. Услышала, как гортанный стон Кинга слился с ревом мотоцикла.

Он хотел *меня*.

Кем бы я ни была.

А я хотела *его*.

Каким бы безумием это ни казалось.

По крайней мере, сегодня ночью я не собиралась думать о том, какие воспоминания будут у *этой* девушки — девушки, которую каждый день пыталась удовлетворить. Я собиралась побыть эгоисткой и думать лишь о том, чего хотела я.

Кого хотела я.

Я решила *жить*.

ГЛАВА 20.

Доу

Когда мы приехали домой, я не ожидала увидеть вечеринку в самом разгаре. Байки выстроились в ряд, заблокировав подъездную дорогу. Кинг проехал мимо них и свернул на разбитую тропинку, которую я не видела до этого ни разу. Она вела прямо к гаражу.

Кинг припарковал мотоцикл и выключил зажигание. Я сняла шлем и отдала ему, чтобы он мог повесить его на руль.

— Что происходит? — спросила я.

— Кажется, кто-то воспользовался моим гостеприимством, — пробубнил он.

Кинг за руку потащил меня наверх. Мы прошли мимо шайки байкеров, скопившейся в гостиной; те наблюдали, как темнокожая дамочка в годах двигала своей задницей вверх и вниз на коленях у молодого парня, штаны которого были спущены до лодыжек. Он выглядел моложе меня. Нашивка на его жилете сообщала о том, что он принадлежал клубу «Перспектива». Он смотрел в потолок, глаза закатывались в экстазе, а рот был приоткрыт.

— Кинг! — крикнул Медведь, помахав ему. — Иди к нам и насладись шоу. Билли отдал свою девственность на растерзание.

— Какого хера, Медведь! Откуда все это? — прорычал Кинг.

Один кулак прижимался к боку, а хватка на моей руке стала лишь крепче. Я смогла почувствовать, как кровь пульсировала под его кожей.

Медведь улыбнулся и вытянул руки:

— Чувак, это вечеринка. Сегодня суббота. Мы ведь закатываем их раз в неделю. Не думал, что ты будешь против.

— Не уходи никуда. Сейчас спущусь. Нам нужно поговорить, — указал Кинг на Медведя, а после потащил меня наверх, в свою комнату. — Мне нужно, чтобы ты осталась здесь, пока я не поговорю с Медведем. Я скоро вернусь, — он впервые не зарычал на меня. Его слова были похожи на просьбу. — Закрой дверь на ключ и не открывай.

— Окей, — ответила я, переступая порог и закрывая за собой дверь.

Впервые Кинг сказал мне сделать что-то, что не вызывало всепоглощающего желания поспорить с ним.

Прошло три часа, а от Кинга до сих пор не было ни звука. Музыка, казалось, становилась все громче и громче. Я немного почитала, пощелкала каналы на телевизоре, пыталась любым способом отвлечь себя, но любопытство взяло верх.

Мне не хотелось его послушаться, но, может быть, я хотя бы на секунду могла куда-нибудь выйти. Я подумала, что можно пойти в его мастерскую в соседней комнате и это не будет нарушением его приказа. Кроме того, там был альбом Кинга, поэтому я могла бы занять себя делом, пока он не вернется.

Я выбралась из комнаты. Вечеринка внизу по-прежнему бушевала, и парни бродили по лестнице, как и в прошлый раз. Толкнув дверь, я вошла в мастерскую.

Я не была готова к тому, что увидела.

Моя челюсть рухнула на пол, как и мое сердце, и доверие к Кингу и его обещаниям. Сердце в груди расколосось на куски.

В комнате было темно, и ничего, кроме неоновых экранов на айпаде Кинга, из которого доносилась песня «Nine Inch Nails», не освещало интерьер. Кинг расслабился в кресле закрыв глаза и сжав губы. Его джинсы были спущены до лодыжек. Голая до пояса брюнетка сидела перед ним на коленях, протягивая пальцы к краям его боксеров.

— Какого хера?! — выкрикнула я, хватая воздух ртом.

Меня чуть не стошнило. Ублюдок просто играл со мной все это время.

Ни одно его слово не было сказано всерьез. Возможно, это была месть за попытку Никки украсть у него деньги. Возможно, Кинг играл все это время и, унизив меня, полностью возместил свой долг.

Кинг резко открыл глаза, и я даже допустила мысль о том, что он извинится за открывшуюся перед мной картину. По крайней мере, я ожидала, что он хотя бы попробует надеть джинсы. Но это были лишь глупые мысли.

Где-то между татуировками, сэндвичами на пристани, домом Грейс и ярмаркой я забыла, с кем имела дело.

Передо мной сидел мужчина, который удерживал меня против моей воли. Приковал меня наручниками к кровати. Угрожал моей жизни.

Убил свою собственную мать.

Кинг был самым настоящим еб*ным воплощением дьявола. И все, что мне понадобилось, чтобы вспомнить об этом, — это брюнетка на коленях перед ним.

— Убирайся, — огрызнулся он.

Кинг сделал длинную затяжку косяка, а потом потянул брюнетку за волосы, откидывая ее голову назад до тех пор, пока его губы не коснулись ее, и затем выпустил дым прямо ей в рот.

Я хлопнула дверью и побежала вниз по лестнице. Схватила бутылку чего-то с кухонной стойки и направилась напрямик к причалу, игнорируя свист байкеров, мимо которых проносилась.

Я миновала пылающий костер и пошла к воде. Уселась на край пристани и свесила ноги. Со злостью открутила крышку бутылки и швырнула ту в воду. Я обхватила горлышко губами и сделала несколько больших, жадных глотков обжигающей янтарной жидкости. Ее вкус напомнил мне чистый бензин, смешанный с очистителем стекол и с запахом хвои. Напиток обжег мне горло и желудок. Я набрала воздуха в легкие и продолжила давиться жидкостью, глотая огромные порции жутко пахнувшего алкоголя. Я не останавливалась, пока не почувствовала, как тепло дурманом начало расползаться по моему телу.

Вытерла рот запястьем и посмотрела на воду.

Может, я и не знала, кем была в прошлом, но зато понимала, кем не хотела быть в настоящем: я не хотела быть слабой.

Я попалась на это. Попалась на его слова. Его тело.

Попалась на его крючок.

Я могла стать шлюхой, но я точно не позволю, чтобы ко мне относились подобным образом.

Возможно, он и был неисправимым Брэнтли Кингом для всех в доме и в городе, но для меня он только что стал последним ублюдком. Ублюдком, который считанные минуты назад разбил мое сердце.

Все было намного легче, когда я ненавидела его.

— Место свободно? — послышался глубокий голос. Я пожала плечами. Медведь уселся рядом со мной и подкурил сигарету. — Тебя что-то беспокоит, красавица?

— Нет, — солгала я.

— Я, может, и не знаю чего-то о какой-то х*рне, но могу сказать: если девушка убегает с вечеринки с бутылкой виски вместо компании, что-то явно ее беспокоит. Опыт подсказывает, что у этого чего-то есть член, — Медведь выпустил клубы дыма.

— Ты не совсем не прав, — признала я, переворачивая бутылку и глотая из нее, но на этот раз жидкость не обжигала.

— Полегче, девочка, — произнес Медведь, выхватив у меня бутылку и сделав затяжку. — Кстати, что происходит между тобой и Кингом? Ты принадлежишь ему? Потому что он явно смотрит на тебя, будто это так. И видя, что он до сих пор не убил тебя, я начинаю думать, что он к тебе чувствует что-то довольно серьезное.

Я потрясла головой:

— В данный момент он в своей мастерской принадлежит фальшивым сиськам какой-то брюнетки.

Слезы защипали глаза, но я отказывалась плакать из-за своей глупости.

— О, ясно, — ответил Медведь, возвращая мне бутылку. — Мальчик не ценит того, что находится у него под носом.

— Он явно не мальчик, Медведь. Я даже уверена, что Кинг старше тебя. И дело не в том, видит ли он то, что у него под носом. Ему просто насрать! — я была пьянее, чем мне казалось. Слова смелее слетали с моих губ прежде, чем я могла подумать о них. И любой фильтр канул в лету. — Что ты видишь, когда смотришь на меня?

Медведь посмотрел на гладь озера и почесал бороду.

— Я вижу ох*ительно прекрасную девушку, которая не должна зависеть с такими

парнями, как те, что собрались в доме. Или с таким, какой сидит сейчас рядом с ней. У нас плохие корни, крошка. А у тебя — хорошие. Я вижу это. Черт, любой на расстоянии ста миль смог бы увидеть. Тебе здесь не место. Это более чем очевидно.

— Мне здесь не место, — признала я.

Туман, выползавший из-за деревьев с другой стороны залива, начал стелиться над водой и с приближением щекотать щиколотки.

— Конечно, не место. Во-первых, тебе нужно выяснить, где именно твое место вообще. А потом уже понять, твое оно или нет.

Я не была уверена, знал ли Медведь мою историю с самого начала, но даже в моем случае его слова были излишне упрощенной версией ответа.

Я рассмеялась:

— Неужели? Ну, сегодня я отсюда исчезну, и мне некуда идти. Не хочу снова жить на улицах, но именно там и окажусь. Это тяжелее, чем принадлежать какому-то месту или не принадлежать... Пох*р, — произнесла я, услышав, как слова сливались в одно.

— Я не забыл, как говорил с тобой в ту первую ночь. Помнишь, что я сказал тебе о возвращении в клубный дом со мной? — поинтересовался Медведь.

— Да.

— Мне не стоило посылать тебя к Кингу. Надо было забрать тебя прямо с вечеринки и сделать своей прежде, чем Кинг смог бы добраться до тебя.

— А Кинг так и не добрался до меня, — выплюнула я. — Он добрался до себя, ну или, может быть, до дороги.

— Ты серьезно? Это в корне все меняет, детка, — ответил Медведь.

Улыбка коснулась даже его глаз, казавшихся ослепительно яркими и красивыми. Я была уверена, что за его бородой скрывалась настоящая красота, и даже самая пьяная часть меня хотела прильнуть к нему и посмотреть, выйдет ли эта красота наружу.

— Это ничего не меняет, Медведь. Я все равно уйду. Он до сих пор с брюнеткой с... — я схватила себя за сиськи.

Медведь прыснул со смеху, открывая моему взору ряд белоснежных зубов.

— Вообще-то, все меняет. Кодекс наших братьев касается именно этого. Зная, что он не сделал тебя своей, каким бы глупым ни было это решение, я делаю тебе довольно неплохое предложение. Что честно, то честно, — выдал Медведь, опять отбирая у меня бутылку.

Я снова посмотрела на него и почти ожидала, что он станет смеяться надо мной, но его губы были плотно сжаты.

Он говорил чертовски серьезно.

И выглядел он не так уж и плохо. Сегодня ночью я впервые видела его светлые волосы собранными в хвост на затылке.

— Послушай, — начал Медведь, — мы с Кингом дружим практически с детства, но он знает правила, по которым я живу. В моем мире ты чистая карта, и я бы с радостью уложил тебя под себя в своей кровати.

— Это всего лишь слова. Правда в том, что ты не захочешь иметь со мной дела, как только узнаешь, что я ничего не умею, когда дело касается... — я опустила глаза на его выпуклость в области паха, — ...этого.

— Бл*дь! — выругался Медведь, закусывая нижнюю губу. — Милая, поверь мне, теперь я хочу этого еще больше.

— У тебя веснушки под глазами, — произнесла я, наклоняясь к нему.

Он придержал меня за плечи, пока я не свалилась вперед.

— Да, щенячьи глазки. Мне это говорили, — рассмеялся он.

У него также имелась ямочка на левой щеке, и это было полным несоответствием, учитывая тот факт, что Медведь был огромным пугающим байкером.

— Почему ты отправил меня к нему? — спросила я. — Я могла уехать с тобой. Ты хороший. Мне нужно было место для ночлега, а у тебя под глазами веснушки, и я бы стала отличной байкерской шлюхой для тебя.

Брови Медведя взлетели вверх.

— Неужели? — переспросил он, кривя улыбку. — Я не вижу тебя байкерской шлюхой. Но зато отчетливо представляю тебя на своем байке.

— Но ты сам сказал: мне здесь не место. Что мне не нужно зависать с тобой. Или с кем-либо... — я махнула бутылкой над собой, промазав мимо челюсти Медведя всего на миллиметр или два, — из тех, кто в доме. Тупые люди в тупом доме на тупых ступеньках, — мои плечи поникли. — Медведь, мое сердце только оттаяло. Но его снова заморозили.

Медведь вырвал бутылку из моих рук и поставил на пристань.

— Я сказал, что тебе здесь не место. Сказал, что ты слишком прекрасна, чтобы тусоваться с нами. Я не говорил, что не зависал бы с тобой. Ты, может, и чересчур хороша для меня, но я тот парень, который смог бы с этим жить.

Медведь прижал ладони к моим щекам. И я поняла, почему его называли Медведем. Он был сильным и теплым, а его руки — настолько огромными, что напоминали лапы. Я закрыла глаза и качнулась в его сторону. Он наклонился ближе, и его губы оказались на расстоянии дыхания от моих.

— Ты поедешь со мной, детка? Не знаю, смогу ли согреть твое сердце, но я точно буду хорошенько согревать твое тело. Я знаю наверняка, что ты сможешь согреть мою постель. А потом, возможно, мы подумаем, как растопить твое сердце. С этим мы тоже разберемся, — заверил он меня.

Медведь говорил искренне, и его предложение было именно тем, что я искала неделями.

Мне показалось, прошла целая жизнь.

Жизнь, в которой не было Кинга.

— Я не знаю, — честно ответила я.

Я больше не могла оставаться с Кингом, в этом я была уверена на сто процентов. Всего алкоголя на планете не хватило бы, чтобы убедить меня в том, что я снова смогу выжить на улицах в поисках еды и ночлега в мусорных баках.

Предложение Медведя — это все, что у меня было, но я не могла заставить себя сказать «да». Это означало бы, что я навсегда закрою дверь перед Кингом. Готова ли я была сделать это? Я повернулась к дому. Свет в комнате Кинга больше не горел.

Я не была готова закрыть эту дверь, но, как только решила открыть ее, Кинг сам захлопнул ту перед моим лицом.

Мне стоит сделать то же самое.

— Думаю, мне необходимо предпринять немного больше, чтобы убедить тебя, — сказал Медведь, обнимая меня и притягивая к своему теплому телу.

Как только его губы коснулись моих, я почувствовала это.

Точнее, я почувствовала его.

— Медведь, убери нах*й от нее свои руки!! — прошипел Кинг.

Мое внимание привлёк щелчок, и я отдернула голову назад достаточно, чтобы увидеть Кинга, стоявшего позади Медведя и приставившего пистолет к его голове.

— Уже кончил? — спросила я, понимая, что руки Медведя все еще были сомкнуты у меня на талии. Я не сделала ничего, чтобы сбросить их с себя. — Она, наверное, разочарована всемогущественным Брэнтли Кингом, Королем тупых дорог, который не смог продержаться и минуты.

Медведь подавился смешком.

Я провела слишком много времени, пытаюсь не злить Кинга, но у меня все всегда выходило наоборот. Мне надоело ходить на цыпочках вокруг него. Я желала разозлить Кинга. Желала спорить с ним больше, чем когда-либо в своей жизни. Мне хотелось кричать.

Хотелось выцарапать его гребаные глаза.

Хотелось причинить ему такую же боль, какую он причинил мне.

— Съе*ись нах*й от нее, Медведь, — повторил Кинг.

— Мы просто разговариваем, чувак, — ответил Медведь без признака страха в голосе.

Я бы даже сказала, что эта ситуация забавляла его.

— Выглядит как нечто большее. Убери от нее нахрен свои лапы и пойдё трахни кого-нибудь другого, — предупредил Кинг. — Она! Моя!

— Неужели? Может, тогда ты скажешь это ей, потому что, кажется, ваши мнения расходятся.

— Единственная причина, по которой твои мозги еще не размазаны по пристани, — это то, что нас с тобой связывает прошлое. Если за две еб*ные секунды ты не убережешь свои гребаные руки от моей девочки, я пошлю нах*й все наше прошлое и нах*р снесу тебе башку, — гневно произнес Кинг сквозь стиснутые зубы.

— Я не собираюсь срывать трусики с твоей красавицы, брат, — Медведь встал и стряхнул грязь с джинсов. — Прости, милая. Может, в другой раз? — он подмигнул мне. — Предложение все еще в силе, — прошептал Медведь. — Если я буду тебе нужен, найди меня.

Я могла почувствовать жар от ярости, закипавшей в Кинге, когда Медведь прошел мимо него, задев его плечом.

— Тебе лучше заявить на нее свои права, прежде чем ребята пронюхают, что ты все еще не сделал этого, — сказал ему Медведь. — Она чистая карта для байкеров в этих краях, включая и меня, поэтому лучше заняться этим побыстрее. Только если она захочет тебя.

Медведь был единственным смельчаком, позволявшим себе так разговаривать с Кингом, который смотрел на него с убийственной яростью. Я почти ожидала, что Кинг выйдет из себя и выполнит свое обещание вышибить мозги Медведю, но тот исчез в тени, а Кинг остался стоять на пристани.

— Я ненавижу то, что ты заставляешь меня чувствовать. Ну, по большей части, — выплюнула я, устав плясать вокруг правды. — Ненавижу замешательство, которое ты приносишь в мою и без того перекрученную жизнь. Я хочу, чтобы эти игры в кошки-мышки закончились, — я сделала глубокий вдох. — Я не могу так больше. То я тебе нравлюсь. То ты меня ненавидишь. То я снова тебе нравлюсь, а в следующий момент ты хочешь меня пристрелить. Хочешь трахнуть. Хочешь, чтобы я осталась. Хочешь, чтобы я начала жить. У меня, бл*дь, голова идет кругом, — туман в моей голове рассеивался быстрее, чем свет солнца на закате. — Тебе лучше уйти. Я не хочу, чтобы ты здесь был.

— Знаю. И мне плевать, — ответил Кинг.

— О, мне совершенно ясно, что тебе плевать. Это я точно знаю.

— Ты нихера не знаешь, щенячьи глазки! — огрызнулся Кинг.

— О, серьезно?! Так это не ты сегодня провел со мной весь вечер на ярмарке и говорил мне милые словечки, заставив меня чувствовать себя идиоткой из-за того, что между нами может быть что-то большее, чем похоть, чтобы потом пойти и сунуть свой член в первую п*зду, которая тебе попадетсЯ? Возвращайся в свой еб*ный дом, Кинг!!

— Я не могу, — беспристрастно проговорил он.

— Почему? Прежде тебе это с легкостью удавалось.

— Потому что не хочу, щенячьи глазки. Не имеет значения, как сильно я сопротивляюсь этому, меня тянет к тебе. Думаешь, это игра в кошки-мышки? Думаешь, ты здесь единственная, кто сбит с толку? — он потряс головой, будто не мог поверить в то, что эти слова слетели с его губ. — Меня тянет к тебе, — повторил Кинг, повернув меня лицом к себе.

— Чего ты ждешь? Я должна упасть к твоим ногам и сказать «спасибо» за то, что тебя «тянет ко мне»??! — Кинг не только был сбит с толку. Он был в ярости. — Тянет ко мне?! Тебя тянет ко мне! Тогда давай я просто стяну с себя эти еб*ные трусики, и мы покончим с этим дерьмом! Да, тебя действительно тянет ко мне. Скажи мне одну вещь, *КИНГ!* Часто первые свидания заканчиваются минетом, который тебе делает другая сучка? Я имею в виду, что никогда не была на свиданиях, так что ты мне скажи! Может, здесь я и ошибаюсь. Потому что если ответ «да», тогда наше свидание прошло просто о*уительно!!!

— Я... БЛ*ДЬ!! Ты считаешь, что знаешь все, но это не так. Ты только и делаешь, что не можешь заткнуться, и думаешь, что я просто так дам тебе это! — Кинг вскинул руки в воздух. — Ты на*уй сводишь меня с ума и знаешь об этом! — прокричал он.

— Я свожу тебя с ума?! Как ты думаешь, я, бл*дь, чувствую себя? Большую часть времени я не знаю, хочешь ли ты убить меня или трахнуть!!! — закричала я, вложив в каждое слово столько злости, что в один момент просто не смогла ее вынести.

Кингу хватило наглости улыбнуться. Он наклонился вперед.

— Разве я не могу хотеть и то, и другое, щенячьи глазки? — соблазнительно прошептал он возле моей щеки.

Я отстранилась от него и встала на ноги.

— НЕТ! Не можешь! И хватит называть меня «щенячьи глазки». Это еб*нутое имя. Я не твой домашний питомец!

Я зашагала подальше от причала. Ярость во мне кипела настолько сильно, что я не могла ничего с ней поделать. Кинг был в этом виноват. Он довел меня до этого бешеного состояния.

Кинг схватил мое лицо в ладони, заставив посмотреть на него:

— Нет, ты — моя.

Он прикоснулся к моим губам таким нежным движением, что мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Это было так не похоже на него.

В этот миг мой гнев вернулся со всей силой. Обеими руками я с таким напором толкнула его в грудь, что у него не было другого выхода, как отпустить меня.

— Пошел нахер!! Ты даже не хочешь оставлять меня с собой! — прокричала я через плечо, направляясь в сторону дома по дорожке из гравия. — Думаешь, я такая дура?! Если бы ты меня хотел, то не сунул бы свой член в рот другой девушки, пока я сидела в соседней комнате! — огромной рукой Кинг схватил мое плечо, развернув на ходу. — Отпусти меня! — завизжала я.

— Послушай, щенячьи глазки! Я пытался сделать по-твоему. Пытался сейчас быть нежным, но ты не стала слушать. Теперь я сделаю по-своему, и ты, бл*дь, выслушаешь! Не заставляй меня снова приковывать тебя наручниками, — предупредил он.

Тон Кинга был смесью ярости и уверенности. Я ни на секунду не сомневалась, что он воплотит свою угрозу в жизнь. Он обвил мою талию руками, прекращая все мои попытки сопротивления.

— Я сделал это, чтобы оттолкнуть тебя, — признался он. — Я хотел, чтобы ты это увидела.

— Мои поздравления, все сработало, — выплюнула я. — Можешь, бл*дь, радоваться!

— Ты... И этот твой язык, — Кинг помотал головой. — Я не рад. Это, бл*дь, далеко не радость. Я напрочь забыл, что такое радость после того, как вышел из тюрьмы. Если оглядываться назад, то я и до нее не был счастлив, и это твоя еб*ная вина!

— Какого хера это МОЯ вина?!

Вот теперь Кинг зашел слишком далеко, обвиняя меня в невзгодах своей жизни еще до того, как в ней появилась я.

— Потому что ты заставила меня понять, насколько несчастлив я был. Потому что с тобой я могу СТАТЬ счастливым!

Пока слова слетали с его губ, он тряс меня за плечи, будто хотел запечатлеть эти слова у меня в голове, чтобы я поняла, что именно он говорит.

Мне нужно было, чтобы это закончилось. Это было слишком. Такая игра на нервах терзала меня больше, чем я могла вынести. Я хотела его. Хотела поверить ему. Слова были всего лишь словами, но, слетавшие с губ Кинга, они могли быть еще одним способом пытки для меня.

Я просто хотела остаться одна. Мне пора было уходить.

— Я уйду. Отпусти меня, — тихо взмолилась я.

Кинг затряс головой:

— Нет. Ты никуда не уходишь!

— Ты не можешь удерживать меня здесь, — произнесла я.

— Видишь ли, вот тут ты не права. Думаю, я уже доказал, что могу, — возразил Кинг. — Кроме того, куда ты пойдешь? Назад на улицу?

— Может быть. Тебе-то какая разница? — выплюнула я.

— Ты, кажется, забыла, какая жизнь ждет тебя там. Или, может, мне откопать Эда, и это напомнит тебе, как бы он избавился от твоего тела после того, как закончил бы насилловать тебя, — выпалил Кинг.

— Я лучше испытаю судьбу вне этого места... — мою грудь сжало тисками, — чем оставлю здесь свое сердце.

— Нет, — продолжал Кинг.

— Какого хера тебе от меня нужно? — спросила я. Мое сердце обливалось кровью при мысли об уходе и о том, что я больше не увижу Кинга. — Почему бы тебе просто не перерезать мне глотку и не покончить со всем этим? Можешь сделать со мной что захочешь! Ударь меня! Трахни меня! УБЕЙ меня к чертям! Просто! Прекрати! Делать! Мне! БОЛЬНО!

Рыдания сдавили мое горло, и я обмякла в его руках.

— Солнышко, — произнес Кинг, крепче удерживая меня, чтобы я не упала на землю. Он впервые назвал меня так, и я пыталась услышать ноту нежности в его слове. — Прости меня. Я не трахнул ту девушку. Не смог. Она не прикасалась ко мне. Я остановился сразу же после

того, как ты закрыла дверь. Я клянусь. Прости. Ты последний человек на земле, которому я хотел бы навредить. Я просто не знаю, как, мать твою, это сделать.

— Сделать что? — спросила я его.

По щеке скатилась слеза и капнула на руку Кинга. Насколько сильно мне не хотелось этого, но я прижалась лицом к его груди, крепко удерживая кулаками ткань рубашки этого мужчины.

— Я не знаю. Все это. Я, бл*дь, даже не знаю, что это такое, — голос Кинга надломился, когда он это прошептал.

— Этого недостаточно, — ответила я, неуверенная, о какой части мы теперь говорили. Возможно, об извинении. Или о его действиях. А может, о его неуверенности. Но возможно и обо всем сразу.

— Думаю, в этом и проблема, — начал Кинг. — Ты заслуживаешь кого-то лучше, чем бывший преступник, которому нечего тебе предложить. Ты заслуживаешь гораздо большего, чем я. Было легко удерживать тебя, когда ты была моей — моей собственностью. Мне будет тяжело удерживать тебя, когда ты станешь моей девушкой. Я не знаю, когда все поменялось, но это произошло. И это то, чего я желаю, и то, чего до этого никогда не хотел. Я даже не водил девушек на свидание до сегодняшнего вечера. Я хочу тебя в своей жизни больше всего на свете, но все намного сложнее, чем простое желание. Сложнее, чем ты думаешь.

— Если ты собираешься меня отпустить,пусти. Если собираешься впустить в свою жизнь, значит,пусти! Но тебе предстоит выбрать. Ты не можешь прижимать меня к себе ночью и держать на расстоянии вытянутой руки днем.

Я оттолкнулась от его груди и повернулась, чтобы уйти, но он снова схватил меня, разворачивая к себе.

Кинг оставил поцелуй на моем лбу:

— Я знаю, солнышко. Я знаю.

— Ты нихера не знаешь!!

Вырвавшись из его хватки, я направилась к крыльцу, подальше от вечеринки на заднем дворе и подальше от Кинга. Мне нужно было побыть одной. Необходимо было подумать. Кинг мог с легкостью поймать меня. Один его шаг равнялся трем моим.

— Мне надоело быть нежным, щенячьи глазки, — проревел Кинг у меня за спиной.

Я продолжала шагать, пытаюсь увеличить расстояние между нами.

— Надоело быть нежным? — бросила я через плечо. — А ты им был? Ты врал мне и играл со мной, а это никак не походит на *нежность*.

Кинг настиг меня, как только я оказалась возле колонны дома. Он придавил меня к ней, а сам прижался к моей спине своим твердым телом. Его эрекция упиралась в мою задницу.

— Медведь нежный, — произнесла я, соприкасаясь щекой с колонной. — Он предложил мне свою постель. Хотел, чтобы я осталась с ним в клубном доме. Хотел, чтобы я грела его постель и трахалась с ним до потери пульса. Он сказал мне, что не будет против, если я окажусь на его байке.

— Что ты, бл*дь, только что сказала?! — прошипел Кинг в мою шею.

Его зубы почти коснулись моей кожи. Это не остановило мой поток ярости по отношению к нему. Кинг заслуживал каждую ее частичку. Я дернулась в его руках, но он оказался быстрее. Спиной прижав к неровной поверхности, он сильнее вдавил меня в колонну. Его глаза потемнели. На горле пульсировала вена, а челюсть была крепко сжата.

— Ты слышал меня, — огрызнулась я. — Я собиралась сказать «да». Собиралась уйти с

ним и позволить его рукам лапать меня. Ты видел нас. Он хотел поцеловать меня! А я планировала позволить ему сделать это!

Я была дикой от злости, ослеплённой похотью и полностью безрассудной в своих действиях.

Я была свободной.

Мне было пох*р.

Это было чертовски восхитительно.

— Что я, бл*дь, снова и снова повторял тебе? — прорычал Кинг, проталкивая колено между моих ног, раздвигая их, пока не оказалось так, что я сидела на его бедре.

— Ничего. Ты не говорил мне ничего, кроме сраной х*рни о том, что я твоя.

— Поправочка, детка! Ты стала моей с самой первой секунды, когда зашла ко мне и увидела, как я трахал девушку. Уже тогда ты была моей, а сейчас и подавно!

Кинг выглядел так, будто в нем не осталось ни капли самоконтроля.

Он укусил меня.

Мне было плевать.

— Ты гребаный лжец! — выплюнула я.

— Я никогда не лгал тебе об этом. Ты! Моя!

— Пошел нах*р!! Я не принадлежу тебе или кому-нибудь еще! — выкрикнула я.

Кинг прижался лбом к моему лбу.

— Я скажу это еще всего один раз! ТЫ! — он подтянул меня вверх по ноге так, что его эрекция теперь упиралась в мою киску, и я резко набрала ртом воздух. — ПРИНАДЛЕЖИШЬ! — Кинг снова сделал это, и в этот раз мне пришлось положить руки ему на плечи, чтобы не упасть. — МНЕ! — проревел он, толкаясь в меня бедрами.

Я отклонилась назад и без колебаний посмотрела ему в глаза:

— Так, бл*дь, докажи это!!

Я бросила ему вызов.

Из груди Кинга вырвался рык. Он запустил руки под мое платье, с силой срывая трусики. Мы были в тени, но любой, кто вышел бы из дома, мог нас увидеть. В то самое мгновение, когда он коснулся меня, я была совершенно потеряна в ощущениях.

Мне было пох*р.

Кинг целовал меня. Всепоглощающе целовал меня. Это была власть. Не просто поцелуй. Он заявлял на меня права как на свою собственность, и я собиралась оставить на нем отметины, где только смогу.

Все мое тело пылало огнем, который он неделями разжигал во мне. Кинг сжал мне грудь через платье и атаковал мою шею губами. Он поднял меня и обвил моими ногами свою талию. Я недовольно застонала, толкаясь на его член. Я не могла добраться ближе. Не могла найти то, что мне было необходимо.

— Ты девственница, щенячьи глазки? — с усмешкой спросил Кинг.

— Ты же в курсе, что я не помню этого, — задыхалась я.

— А сейчас ты узнаешь и после сегодняшней ночи больше не будешь сомневаться в ответе на этот вопрос ни секунды. Я собираюсь похоронить свой член так глубоко в твоей сладкой киске, что ты до конца своих дней запомнишь, кому принадлежишь.

Он опустил лиф платья, обнажая мою грудь, потом дернул подол вверх, и ткань собралась у меня на талии.

— Черт, да! — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

После этого мы сплелись руками и языками. Прикасались, исследовали, нуждались и кусали. Мои зубы стукнулись об его, когда Кинг попытался прижать меня к себе еще ближе. Я была влажной и скользкой — это было поразительно, но недостаточно для меня. Склонив голову вниз, Кинг расстегнул ремень, приспустил джинсы и высвободил свой член. Гладкий и твердый как камень, он подпрыгнул к моей мокрой и горячей киске в поисках входа.

— Да, — выдохнула я.

Я была готова и нуждалась в нем внутри себя больше, чем в глотке воздуха.

Кинг обхватил член кулаком, скользнул по нему и сжал, а в следующий миг одним резким толчком уже оказался во мне. Он стонал, пока входил в мою тугую киску, растягивая меня и наполняя настолько, что мне казалось, будто я распадусь на части. Мне было больно, но я знала: эта боль принесет мне только удовольствие, потому что я ощущала себя настолько полной.

Сама боль, которую он сейчас мне причинял, была удовольствием.

— Бл*дь, да!! — простонал Кинг, погрузившись в меня до предела.

Я громко стонала, и мне было плевать на всех, кто мог меня услышать. От сильных толчков Кинга я скользила вверх по колонне, а стенки моей киски сжимались вокруг его члена. Каждый раз, когда он выходил из меня и с силой возвращался назад, я видела искры перед глазами.

Снова и снова.

— Я говорил тебе, — произнес он, — говорил, что ты принадлежишь мне. Эта киска... Эта киска — моя. Больше ты не сможешь этого забыть!

Он яростно вколачивался в меня. Я принимала его. Полностью. Его член. Его власть. Я позволяла ему заявить права на меня его словами, поцелуями и его членом.

Мы боролись друг с другом, занимаясь сексом.

Перетягивая канат каждый в свою сторону.

Давая и принимая.

Этим сексом мы говорили друг другу: *«Я ненавижу тебя... Я хочу тебя... Я не отпущу тебя»*.

— Черт, щенячьи глазки... Бл*дь! Я знал это! Знал, что это будет именно так, — задыхаясь, сказал Кинг.

Внутри меня нарастало давление, сила которого была в десять раз больше того, что я ощутила, когда Кинг заставил меня кончить на его пальцы. Оно росло с каждым его толчком. Он все глубже и глубже вколачивался в меня, вызывая во мне оргазм. Нет... Пока не вырвал его из моего тела.

Я кричала от кульминации настолько громко и цеплялась за плечи Кинга с такой силой, будто держалась за собственную жизнь, сжимая его бедрами и впиваясь шпильками в его зад, пока он безжалостно вбивался в меня. Я видела искры, яркие и живые, танцующие у меня перед глазами, думала, что могу просто отключиться или умереть в его руках. Возможно, я и отключилась, потому что из-за дыхания Кинга я не слышала своего собственного.

— Посмотри на меня, — приказал он глубоким и хриплым голосом, пытаясь взять контроль в свои руки. Я была совершенно потеряна после оргазма и летала слишком высоко в облаках, чтобы обратить внимание на его слова. — Посмотри на меня! — в этот раз Кинг четко выделил слова рывком бедер в меня. — Не отводи глаз! — велел он, удерживая мой взгляд, пока его член напрягся и дернулся в моей киске.

Он громко простонал, когда кончил в меня, высвобождая тепло глубоко во мне.

Нашими телами мы сказали все, для чего не нашли слов. Прежде он говорил мне, что я принадлежала ему, но до этой ночи я не верила.

Это то, о чем заявляло мне его тело, которое так внезапно поглотило меня, и что перевернуло весь мой внутренний мир.

Кинг принадлежал мне.

ГЛАВА 21.

Доу

— Идем со мной, — сказал Кинг.

Поправив мою одежду, он взял меня за руку и повел назад к пирсу. Когда мы проходили мимо костра, нас поприветствовали свистом и аплодисментами.

Нас явно было слышно.

Мне было плевать.

Мы сели на пристань, свесив ноги через край. По воде стелился туман. Свет полной луны отбрасывал наши тени на блестящую, словно стекло, поверхность залива, делая ее похожей на черный лед.

Кинг держал мою руку в своей и, когда я попыталась выдернуть ее, усилил свою хватку.

— Кинг, — начала я.

— Брэнтли, — поправил он. — Называй меня по имени.

— Брэнтли, — произнесла я, пробуя его имя.

— Я ненавижу его, пока рос, но, к добру это или нет, мое имя — единственная вещь, которая осталась у меня от матери. Лишь Грейс использует его, — Кинг сделал паузу. — Мне нравится, как оно звучит из твоих уст, — добавил он.

Серьезный тон и мягкий взгляд Кинга заставили меня задуматься, к чему он клонил, но потом до меня дошло.

Он впускал меня в свою жизнь.

— Ладно, Брэнтли, что еще у тебя есть? — я слегка ткнула его в плечо.

Он набрал полные легкие воздуха:

— Ты знаешь о Макс?

Я кивнула. Девочка с фото, которую мы ездили повидать.

— Твоя сестра.

— Щенячьи глазки, Макс не моя сестра, — признался Кинг.

— Тогда кто она тебе? — спросила я.

Если она не была членом его семьи, почему он был так заинтересован в ней?

— Она — моя дочь.

«Твою. Мать».

— Твоя дочь? — уточнила я, и мое горло сжалось.

— Да, Макс — моя дочь. Она является настоящей причиной, по которой я попал в тюрьму, и только Преппи и Медведь знают о ней правду, — он сжал мою руку сильнее. Глядя на воду, Кинг, казалось, проигрывал в своей памяти воспоминания о Макс. — Ты хочешь знать историю? Потому что ты спрашивала меня, хотел ли я отпустить тебя или

впустить, и я хочу тебя выпустить в свою жизнь. Хочу, чтобы ты была рядом, но мне тяжело рассказывать все это. Я никогда этого не делал. Единственные люди, знающие об этом, находятся здесь.

— Я хочу знать.

— Ты в курсе, почему я попал в тюрьму?

— Из-за своей матери.

— Ага, — согласился он. — Я не извиняюсь за вещи, которые мне нужно было сделать для сохранения бизнеса. Мы с Преппи переживали дерьмо с самого детства, занимаясь всем, чем могли, чтобы извлечь из этого выгоду; большинство дел оказывалось далеко вне закона, но мы выполняли их. Это дерьмо было неплохим весьма длительное время. Но моя злость постепенно съедала меня, и чаще всего я был тем, кого время от времени отправляли за решетку, обычно лишь на сутки. Иногда на тридцать или шестьдесят дней, зависело от обвинения. Другие участники игры, которую мы вели, знали правила. Также они знали, что, когда выходили за рамки, кое-что происходило. Кое-что, что вело к их смерти. Но это был не один из таких случаев. Я не нажимал на курок, не использовал нож и не посылал никого за ней.

— За своей матерью? — спросила я.

Он кивнул и потом продолжил свою историю:

«Когда мне было пятнадцать, я, Преппи и Медведь создали нашу маленькую компанию. Просто три молодых засранца, которые хотели хорошо проводить время, трахаться и зарабатывать хоть какие-нибудь сраные деньги. Удивительно, но нам это удавалось. Денег хватало, и я смог позволить себе купить дом.

Некоторое время мы втроем были на вершине мира. Я не собираюсь лгать. Это было самое лучшее гребаное время за всю мою жизнь.

Но потом меня прижали. Это было не впервые, и случай был не из тех, за которые меня обычно сажали ранее. Тупая драка в баре, в высококлассном месте на другом берегу реки, в Корал-Пайнс, где хотел побывать Преппи. Какое-то вишное туристическое местечко.

Я беседовал с девушкой, когда какой-то индюк с завязанным на шее розовым свитером подступил ко мне, чтобы поговорить с ней. Мы сцепились, сломали некоторое дерьмо в баре: стулья, бокалы, столы.

Я весь покрыт татуировками, и у меня имелась криминальная история. А у него был розовый свитер на плечах. Легко догадаться, кто отправился за решетку, когда появился шериф.

Из-за моих предыдущих задержаний мне дали девяносто дней. Когда я был в окружной тюрьме, девушка, с которой мы обычно зависали, пришла проведать меня. Она была огромной, будто чертов дом. Я думал, девушка родит прямо в комнате для посетителей. Она сказала, что ребенок от меня и что ей хотелось бы вырастить его, когда я выйду.

Я не думал много о девушке, но она была милой, и, когда первый шок от ее новости прошел, мысль стать отцом действительно меня воодушевила. Я выработал план, пообещал сам себе, что стану хорошим отцом, особенно когда моим собственным мог оказаться любой мужик в городе, кроме мистера Вонга, державшего лавку на углу, по очевидным причинам.

Из тюрьмы я писал малышу письма, хотя тогда Триша и не знала, кто это был: девочка или мальчик. Она говорила, что они пытались узнать пол с помощью ультразвука,

но малыш слишком много двигался. Это было именно то, что мне было нужно. И тогда это было то, чего я хотел.

Естественно, у меня были деньги, но малыш давал мне причину желать от жизни большего.

Он давал мне цель.

В то утро, когда меня выпустили, я уехал из окружной тюрьмы, а Триша должна была забрать меня, но она так и не показалась. Я нашел таксофон, чтобы позвонить ей, и, ответив на звонок, она рассказала, что родила ребенка на неделю раньше срока.

Девочка.

Она назвала ее Макс. Это имя мы выбрали, когда Триша еще была беременна.

Я спросил ее, где малышка, а она пробурчала что-то о том, что это слишком тяжело и что она не могла вынести этого. Что вся хрень о материнстве не для нее. Она сказала, что не вернется.

На заднем плане было много шума, стучали бокалы, играла музыка. Будто она была в баре.

Триша кричала в трубку.

— Где она, бл*дь? — я продолжал спрашивать у нее снова и снова.

На мгновение я подумал, что Триша скажет мне, что отдала ее или какую-нибудь хрень в этом роде, и уже размышлял, кого мне нужно будет убить, чтобы вернуть ее, когда вдруг Триша сообщила мне нечто, шокировавшее меня и перевернувшее мой желудок.

— Я ОСТАВИЛА ЕЕ С ТВОЕЙ МАТЕРЬЮ.

До того дня я видел свою мать не так много раз за несколько лет, и ни один из них не был специальным визитом. В основном, когда я сталкивался с ней, она даже не знала, кто я такой. В самый последний раз, когда я ее видел, она назвала меня Трэвисом и спросила, как прошла поездка на Бермуды.

Как только Триша сообщила мне, где мой ребенок, я повесил трубку и позвонил матери, но линия была недоступна, а я не знал, был ли у нее мобильный.

Я взял такси до ее дома и позвонил Преппи, чтобы он встретил меня там.

Я добрался туда раньше него.

Подходя к дому, я знал, что было что-то не так. Я чувствовал это своим нутром.

Я колотил в дверь квартиры матери, пока костяшки на пальцах не начали кровоточить, но не последовало ни единого ответа. Я слышал, как внутри работал телевизор. Я кричал матери, но она не отвечала. Я собирался спуститься вниз и уйти, проверить кого-то из соседей и узнать, жила ли она здесь до сих пор, но потом услышал ее.

Я услышал ее.

Мою малышку.

Она плакала.

Моя малышка плакала.

Не просто слабое хныканье или капризный плач, а душераздирающий крик прямо из глубины души. Такой, который давал понять, что такого дерьма быть не должно.

Она будто знала, что я был там, и звала меня.

Я выбил входную дверь. В гостиной было темно, свет падал лишь от экрана включенного телевизора. Когда я ступил внутрь, к подошвам обуви прилип мусор: обертки от фастфуда и окурки. Столешница была вся засыпана мусором. На кухне над раковиной, заполненной грязной посудой, летали мухи. Мусорное ведро было переполнено.

Я снова услышал ее плач. Он доносился из задней части квартиры.

Я вбежал в пустую комнату и включил свет, но ничего не сработало. Понадобилось мгновение, чтобы глаза адаптировались к темноте, но, когда они привыкли, я увидел крохотную малышку: прекрасную, напуганную, худую малышку размером не больше, чем моя рука от запястья до локтя, покрытую дерьмом с головы до гребаных пальчиков. Ее глазки были красными и затуманенными от слез. Она не была в колыбельке. Она лежала на грязной простыне на полу. Ни бутылочки. Ни одеяла. Ни света. Ничего.

Я бережно взял малышку в свои руки, и она не весила почти ни грамма. Даже если ей физически было больно и от моих прикосновений в том числе, я помню ощущение, когда впервые взял ее на руки. Еще даже не родившись, она стала для меня самой важной частью мира, но держать ее — значит скрепить сделку печатью.

Не существовало ничего, чего бы я не сделал для нее. Ничего.

Я бы причинил боль кому-угодно, если бы кто-то заставил мою девочку плакать вот так снова. Я бы сжег города ради нее.

Я упал на пол и, прислонившись спиной к стене, качал малышку, пока она не успокоилась. Я рассказал ей обо всех вещах, которые собирался ей купить. Сказал ей, что ее папочка был рядом и что она в безопасности. Я встал и нашел самое чистое полотенце, которое смог, и укутал ее в него. Она прижалась к моей груди и уснула.

Я рвал и метал. Я был так чертовски встревожен. И полностью влюблен. Все в один и тот же момент.

Я уходил с Макс на руках, когда свет от экрана телевизора стал ярче, и мне показалась тень в кресле. Конечно, это была моя мать. Рядом с ней стояла пустая бутылка какого-то дешевого дрянного виски и пепельница, наполненная маленькими мешочками с остатками кристаллов.

Она не позаботилась о моей новорожденной девочке, потому что была чертовски занята бухлом и наркотиками.

Макс умерла бы, не доберись я до нее вовремя.

Именно эта мысль заставила меня слететь с катушек. Она по сей день приводит меня в ярость, заставляя воспроизводить в памяти то, что случилось, словно вереницу событий, когда я перебираю воспоминания.

Меня поглощает ярость. Та, которая заставляет хотеть вырвать чью-то глотку чертовыми голыми руками.

Подкуренная сигарета упала с нижней губы матери, а у нее на коленях лежала развернутая газета. Ее лицо было покрыто мелкими язвами, кожа отслаивалась, будто она таяла. Как бы сильно я ни хотел наброситься на нее, но — словно влияние гребаной космической кармы или чего-то еще свыше — сигарета выпала из ее рта, и газета загорелась.

Я стоял там и смотрел на это.

Я был счастлив. Лучшее не получилось бы, даже если бы я лично поджег ее. Это была жуткая смерть, но, зная, что могло случиться с Макс, мне на самом деле было насрать, была ли это самая ужасная смерть, которую можно представить. Я считал, что в тот момент она ее заслуживала.

Я до сих пор так считаю.

Грудь матери поднималась и опадала, поэтому я знал, что та жива, но она была настолько далеко за пределами сознания в своем кайфе, что даже полыхающий у нее на

коленях огонь ее не тревожил.

Когда газета упала на пол, загорелся ковер. Отблески пламени позволили мне хорошенько рассмотреть все вокруг. Не было ни единого места на полу, которое не было бы покрыто грязью и ржавыми иглами из шприцов, торчавшими из подушек дивана, будто он был игольницей.

Когда огонь поднялся выше, я принял решение.

Развернулся и ушел.

Я чувствовал жар позади себя. Я практически пересек улицу, когда взорвались окна и посыпалось стекло.

Я купил подгузники, бутылочки и детскую смесь в ближайшем магазине и обмыл Макс в уборной, как только мог. Мне понадобилось десять минут, чтобы разобраться, как надевается подгузник.

Преппи видел огонь в доме матери и припарковался за заправкой.

Он отвез нас домой.

Я пел ей выдуманные колыбельные, напичканные матерными словами.

Макс проглотила целую бутылочку смеси настолько быстро, что ей приходилось останавливаться, чтобы не подавиться, и всякий раз, когда она так делала, у меня замирало сердце, но она продолжала.

Я был на чертовых нервах. Я был простым парнем, которому едва ли исполнилось двадцать, который никогда прежде не был в комнате с новорожденным. Я даже с одной и той же женщиной не проводил в одной комнате больше двух часов.

И внезапно мне приходится растить эту девочку. Это был первый раз в моей жизни, когда я по-настоящему мог сказать, что был в ужасе.

Я снова заговорил с ней и напевал «Zeppelin», пока она не уснула у меня на груди.

Я прикрыл нас пледом и наблюдал, как крутятся лопасти вентилятора, когда заметил огни через занавески передних окон.

Голубые и красные.

Оказалось, в магазине была весьма неплохая система наблюдения. Поскольку я ушел, не позвав на помощь, и не попытался потушить огонь или спасти свою мать, они арестовали меня. Выдвинули обвинения о непредумышленном убийстве и увезли меня.

Макс отправили в приемную семью, поскольку они не смогли найти Тришу. Они бы не отдали ребенка Преппи, потому что он сам был преступником, не говоря уже о том, что у него все равно не было официальной работы.

Грейс была в Джорджии, получала лечение для первой борьбы с раком на тот момент».

— Ты знаешь, что вообще случилось с Тришей?

— Нет, но если у нее достаточно мозгов, то ноги ее больше не будет в этом городе, — Кинг вздохнул. — Они забрали у меня малышку. Я пробыл ее отцом всего лишь три часа, и это были три самые лучшие часа в моей жизни. И они, бл*дь, отняли ее у меня.

— Ты до сих пор ее отец, — предположила я.

— Да, я пытался им быть, — произнес Кинг. — Пока меня не было, я делал все, что мог. Заполнял бумаги. Нанимал адвокатов. Но это ни к чему меня не привело.

— Есть что-нибудь еще, что ты можешь сделать? — спросила я. — Должно же быть. Не может же все остаться вот так.

— Осталось по крайней мере два известных мне варианта. Первый —

маловероятный, — лицо Кинга засветилось грустной улыбкой. — Есть один парень, важный судья. Грязный гребаный политик. Медведь связан с ним через МК. Сенатор думает, что сможет заставить его посмотреть на происходящее с моей точки зрения и запросить опеку в мою пользу.

— Так чего ты ждешь? Сделай это! — мой крик был пропитан возбуждением.

— Это обойдется примерно в миллион, — безжизненно сказал Кинг, убивая мой растущий энтузиазм.

— Дерьмо, — выругалась я. — Миллион? Как миллион долларов?

Кинг прыснул со смеху:

— Да, щенячьи глазки, как один миллион зеленобоких, американских, гребаных долларов.

— У тебя есть такие деньги? — поинтересовалась я.

— Были, — признался Кинг. — Больше нет. Мы вложили все в нашу «бабулину» операцию. Даже если бы я продал дом, ему нужен ремонт, а это стоит денег. Рынок сейчас дерьмовый, так что, если бы я сделал это, не смог бы собрать и половины.

— И если ты получишь опеку, тебе нужно будет куда-то ее привести, — добавила я.

— Ага, я представлял, как построю ей здесь домик на большом дубе около гаража и сделаю ей комнату из своей студии, а всю х*рню для тату уберу в гараж.

— Тогда куда пойдет Медведь? — спросила я.

— Домой! У Медведя есть комната в доме его отца и комната в клубном доме. Ему просто нравится жить в местах, где не нужно платить, — рассмеялся Кинг.

— Мне так... Так жаль по поводу всего этого, — произнесла я, когда слезы потекли по моим щекам.

Он вытер их подушечкой большого пальца.

— Не жалею, щенячьи глазки. Я никогда не буду хорошим парнем в этой истории. Я позволил своей матери сгореть заживо. Потерял свою дочь из-за того, кто я есть, и из-за дел, которые сотворил. Это дерьмо всегда будет на моих плечах. Это мое бремя.

Непосильное желание помочь Кингу вернуть свою дочь продиктовало мое решение. Я набрала полную грудь воздуха и схватила его руки, положив их себе на бедра.

— Что нам нужно сделать следующим?

— Нам?

— Ага, — я позволила слову проникнуть в его сознание. — Нам.

— *Нам* не нужно ничего делать. Я со всем разберусь.

— Подожди. Ты сказал, есть два варианта.

Кинг покачал головой:

— Это самый худший сценарий, и, честно, будет хреново вне зависимости от того, решусь я на него или нет. Я в любом случае не могу выиграть.

— Скажи мне, что именно тебе нужно сделать.

— Это темная стезя, и я не уверен, вернусь ли, выбрав ее, — в его голосе слышалась томительная грусть, вынуждающая мое сердце болеть и надавить на него еще сильнее. — Но это самый худший выход, поэтому, если до этого дойдет, мне придется перейти Рубикон (прим. пер.: перейти Рубикон — выражение, означающее готовность к решительным действиям, сделать бесповоротный шаг, совершить решительный поступок, пройти «точку невозврата»). — Кинг посмотрел на меня неоднозначно. — Сейчас я собираюсь пустить все силы на "Бабулину Оранжею" и посмотреть, что мы можем с нее иметь.

— Дай мне знать, если тебе понадобится помощь. Я сделаю все, что тебе нужно.

— Я запомню твои слова, — сказал Кинг, притягивая меня к себе на колени.

— Я серьезно.

— Как и я, — согласился Кинг, крепче сжимая меня. Он зарылся носом в выемку моей шеи. — Мне может понадобиться, чтобы ты ненадолго осталась с Грейс.

— Почему? С ней все в порядке? То есть... Ты знаешь, — я начала заикаться.

— Сейчас с Грейс все хорошо, но скоро здесь может начаться некоторое дерьмо, и я хочу, чтобы ты держалась от него подальше.

— Дерьмо, связанное с Айзеком? — спросила я.

— Ага, дерьмо, связанное с Айзеком. Только не переживай по этому поводу. Просто знай, если я говорю, что тебе нужно поехать и побыть с Грейс, то тебе нужно поехать и побыть с Грейс. Никаких вопросов. Никаких споров по этому поводу. Ты меня поняла?

— Я тебе поняла.

— Щенячьи глазки, мы можем поговорить позже? Я себя сейчас чувствую гребаной цыпочкой, которая выплескивает все, что накопилось, — засмеялся Кинг.

— Да, мы можем поговорить позже, — ответила я.

Я притянула Кинга за шею и посмотрела на воду. Птица, бывшая музой моего рисунка, сидела на верхушке буя с сеткой для крабов посередине залива. Ее клюв был загнут вниз, и она выискивала в воде свою следующую добычу.

— Так что теперь? — поинтересовалась я, поворачиваясь к Кингу.

— Теперь? Теперь нам необходимо подняться наверх, и ты нужна мне в моей постели, потому что я даже не приблизился к тому, чтобы закончить с тобой на сегодня.

ГЛАВА 22.

Доу

— Вставай! — сказал Кинг.

Он взял меня за руку и оторвал от матраса. Я еще толком не проснулась. После того, как Кинг доказал свои слова о том, что он не закончил со мной вчера — и он не врал — я впала в секс-кому.

Жар курсировал от его руки через мою прямо к моему бешено стучащему сердцу, из-за чего дыхание сбилось в горле.

— Куда мы собираемся? — удалось пропищать мне, пока я надевала майку и белье.

Заглянув в мои глаза, Кинг медленно заправил непослушную прядь волос мне за ухо, позволяя самым кончикам его пальцев прикоснуться к моей коже.

— Малышка, — произнес он практически хриплым голосом, — пора перестать жить той, кем ты могла бы быть, и начать жить той, какая ты есть.

— Я думала, что это и делаю, — ответила я, зевнув.

Хватка Кинга на моей ладони окрепла. Он потащил меня в холл, а затем в свою тату-студию, включив свет.

— Сядь, — скомандовал он, отпуская мою руку и указывая на кресло в центре комнаты.

— Зачем? — спросила я, понимая все больше с каждой секундой пробуждения. Ладонки начали потеть. — Ты хочешь, чтобы я села в это кресло? — добавила я.

Кинг подошел к подставке с айподом и, стоя спиной ко мне, пролистал список песен. Спустя несколько минут звуки песни «Stay» группы «Florida Georgia Line» заполнили комнату.

Когда Кинг повернулся и заметил, что я по-прежнему стояла у двери, он сощурил глаза и снова указал на стул.

— Сядь, или я подойду, закину тебя на плечо и сам посажу тебя туда.

Его тон дал мне четко понять, что другого выбора у меня не было. Я неохотно подошла к креслу и скромно устроилась на краю.

— Сними майку, — его голос внезапно стал напряженным, и ему пришлось откашляться.

Кинг уселся на свой вращающийся стул и открыл нижний ящик с инструментами. Он начал перебирать их так, будто собирался сделать татуировку клиенту, как я видела множество раз за последние несколько недель.

— Что? Зачем? Что ты делаешь? — спросила я, будучи не в силах спрятать панику в голосе.

— Потому что, щенячьи глазки, будет очень сложно сделать это, когда твоя майка на тебе. Так что сними эту чертову вещичку, ладно? — Кинг был требовательным, но теперь в его тоне появилась мягкость, которой не было при нашей первой встрече.

— Я уже объясняла тебе, что не могу, — ответила я. — Ты просто не понимаешь. Я, может, и хочу тату, но просто не могу. Я тебе это говорила.

Но после в мою голову пришла другая мысль.

Он ведь не сделает мне тату против моей воли, так ведь?

Кинг встал со стула и медленно приблизился ко мне. В его глазах сверкал угрожающий взгляд. Он раздвинул мои колени и поместил свою огромную фигуру между моих бедер. Прислонился своим лбом к моему, и этот жест показался мне одновременно интимным и новым.

— Сколько же мне раз повторять? Тебе нужно учиться делать то, что говорят, щенячьи глазки, — прорычал он, и его прохладное дыхание разлилось по коже щеки и шеи.

Одним плавным движением Кинг дернул мою майку, бросая ту на ящик с инструментами.

— Ты теперь моя. Во всех смыслах. И я хочу, чтобы ты знала: если к тебе вернется твоя память и ты вспомнишь, кем являешься, то все равно останешься моей. Если у тебя там есть парень, который ждет тебя? Ты все равно будешь моей, — он сделал паузу, — и если ты *когда-нибудь* уйдешь, чтобы вернуться к своей старой жизни, просто знай, что — неважно с кем ты — каждый дюйм твоего прекрасного тела всегда будет принадлежать мне.

Будучи без лифчика и чувствуя себя открытой во всех смыслах, я дернулась прикрыть грудь руками. Посмотрела на пол, чтобы не встречаться с его глазами. Я могла почувствовать взгляд Кинга, скользящий по моему телу. Волоски на моих руках встали дыбом. Соски напряглись.

Губы Кинга изогнулись в порочной улыбке. Он наклонился ко мне и опустил свои руки на мои, убирая их от груди, полностью раскрывая меня своему голодному взору. Он протяжно выдохнул. Его язык дернулся вперед, облизнув нижнюю губу и захватив ее в рот. Спустя, казалось, вечность Кинг покачал головой и издал смешок.

— Сейчас дело касается не меня, — произнес он. У меня сложилось впечатление, что Кинг скорее говорил с собой, чем со мной. — Ложись на живот, — он натянул пару черных

латексных перчаток.

— Ты не можешь. Я не могу, — начала я спорить.

Кинг уселся на стул и, оттолкнувшись ногой от пола, покатился ко мне.

— Ты сказала, что хочешь тату, правильно?

— Да, сказала, и я хочу. Но не могу. Не могу, потому что, если...

— Нет. Позволь мне угадать. Ты не можешь, потому что, возможно, это то, чего хочешь ты, но не то, чего хочет *она*?

Он не ждал моего ответа. Возможно, из-за знания того, что это было именно то, о чем я собиралась сказать.

— Как же ты не поймешь, что ты и есть она! — прорычал Кинг, вставая так резко, что его стул откатился позади него. — Неужели не видишь? Ты не можешь предугадать все, что хочешь, потому что боишься вспомнить свою жизнь! — Кинг прошел по комнате и выкрутил руки, хрустя пальцами. — Нах*р ту, кем ты была! — закричал он. Вены на его шее начали пульсировать с каждым яростным вздохом. — Будь собой: этой фантастической, потрясающей, чертовски прекрасной... — его тон смягчился, и он прекратил расхаживать, поднимая свой взгляд на меня. — Мы не просто собираемся провести жизнь вместе, помнишь? Мы собираемся жить.

Он медленно приблизился ко мне и опять убрал мои ладони от груди. А сам прижался своей грудью ко мне, выписывая руками круги внизу моей спины, отчего я почувствовала грубость его пальцев на мягкой коже.

— Бл*дь, я люблю тебя такой, какая ты есть, щенячьи глазки, и дело лишь в этом гребаном времени, тогда ты тоже научишься ее любить, — сказал Кинг, оставляя легкий поцелуй в уголке моего рта и воспламеняя во мне тем самым глубокое чувство, из-за которого все мое тело начало слегка дрожать.

Любит?

Я бы снова начала возражать ему, но вместо этого туман желания заставил меня опуститься назад в кресло. Я просто села с открытым ртом, ожидая, когда Кинг сделает следующий шаг.

К моему большому разочарованию, он опустился на свой стул и открыл еще один ящик с инструментами. Кинг достал листок практически прозрачной бумаги, которая была усыпана разноцветными эскизами.

— Вот, — он передал мне листок, пялясь в пол. — Я сделал это для тебя.

Я потянулась за бумагой. Понадобилась минута, чтобы я поняла, что на ней было изображено. Линии были начерчены разными цветами: насыщенно фиолетовым, розовым и синим. Дизайн походил на орнамент, и рисунок сначала напоминал изумительное изображение вьющегося растения, но, если присмотреться поближе, в дизайне была спрятана... Я.

Посередине наброска скрывалась открытая книга, у которой по бокам обложки торчали крылья, прикрывавшие пару розовых кастетов. Дальше, вниз до самого края, вьющимися стеблями растения была изображена надпись: *«Я не хочу возвращать свою невинность. Я снова и снова хочу наслаждаться ощущением ее потери».*

Дыхание застряло в горле, и я не смогла вымолвить ни слова. Это полностью напоминало меня.

Он должен был быть на мне.

Внезапно все остальное перестало иметь значение, потому что этот мужчина знал, кем

я была. Знал не ту, кем я привыкла быть, не какую-то девчонку, которая ждала возвращения, сдерживая течение реальной жизни.

Я пыталась не шевелиться. Хотела ринуться вперед. Все, что имело смысл, было тем, чего я хотела в данный момент, и оно было прямо передо мной.

— Где? — поинтересовалась я, будучи не в силах оторвать взгляд от рисунка.

— Ты мне доверяешь? — спросил Кинг.

— Да, — ответила я без колебаний. Потому что это было правдой.

— Хорошо. Тогда ложись, — Кинг забрал у меня листок и, положив ладонь на плечо, прижал его, опуская меня на стол и ставя колено возле моего бедра. — Теперь будь паинькой, — прошептал он возле моей шеи, — и сползи, бл*дь, назад, — кривая улыбка коснулась его губ.

— Да, сэр, — отозвалась я, не в состоянии больше сдерживать свою улыбку.

Желудок сделал сальто, когда я вспоминала, где были эти губы не так давно.

— Хорошая девочка. Уже учишься, — Кинг похвалил меня, подтверждая свой комментарий сочным ударом по моей заднице, когда я сделала так, как он сказал, и сползла назад.

Кинг стал возиться с подготовкой инвентаря. Игла в тату-машинке начала жужжать, и вскоре после того, как он приложил шаблон, я почувствовала резкий укол, а затем последовало ощущение царапания.

Было не настолько больно, как я думала. Я странным образом приветствовала боль. Закрывает глаза и потерялась в ощущении скольжения иглы по моей коже.

Ощущение, когда я беру управление моей жизнью в свои руки и делаю ее моей.

Уколы иглы щипали и царапали кожу на спине и лопатках. В то же время я молча попрощалась с девушкой, которую защищала месяцами.

Я не собиралась по ней скучать.

Пока Кинг клеймил мою кожу, я обнимала ту, чья жизнь только-только начиналась. Я обнимала саму жизнь.

Свою жизнь.

Кинг полностью заполнял меня. Не только мое тело. Мое сердце. Мою душу. Мою жизнь. Мне было насрать, вернется ли моя память когда-нибудь.

Потому что с Кингом я точно знала, кем была.

Я принадлежала ему.

ГЛАВА 23.

Кинг

Набивание татуировки на Доу было самым эротичным моментом в моей жизни. То, что я пометил ее идеальную бледную кожу рисунком, который для нее и создал, делало меня настолько чертовски твердым, что мне приходилось поправлять свой член каждые тридцать секунд, чтобы сконцентрироваться на работе.

Закончив, я передал Доу ручное зеркало, и она прошла к еще одному в полный рост, висевшему на обратной стороне двери. Так же делали десятки моих клиентов. Подняв зеркало, она глотнула ртом воздух.

— Что? — спросил я в панике, надеясь, что она еще не увидела то, что я спрятал в тату.

Я был придурком, сделал это там. Был придурком хотя бы потому, что вообще сделал ей тату.

Я просто был придурком.

Но я не мог сдержаться. Мое имя должно было быть там. Мне недостаточно только называть Доу своей. Мне нужно было заклеить ее. Так что я спрятал его среди виноградных стеблей под найденной цитатой, которую я считал для нее идеальной.

Слово «КИНГ» было вплетено в рисунок. Вам придется вывернуть голову, чтобы увидеть его, иначе ничего не выйдет. Но оно было там.

Конечно, однажды я расскажу ей об имени, но на некоторое время хочу, чтобы это оставалось моим секретом. Доу уже давно прекратила быть моей собственностью — задолго до того, как мне пришлось признать это, но она все равно должна была быть отмечена мной.

Мне до сих пор нравилась идея владеть ею.

Только сейчас она тоже мной владеет.

Доу не заметила имени. В ее глазах стояли слезы. Она пялилась в ручное зеркало, стоя там в одних трусиках. Узенькие шортики, под краями которых выглядывали ее ягодицы. Ее сиськи были всего в дюймах от моего лица.

Слезы счастья Доу заставили мой член дернуться. Хотя слезы ее грусти пробуждали в нем такую же реакцию.

Моему члену было насрать, какого рода это были слезы.

Я забрал у нее зеркало и приподнял над столешницей.

— Тебе понравилось? — поинтересовался я, стаскивая ее трусики по бедрам.

— Я люблю ее, — тяжело выдохнула она, оборачивая ноги вокруг меня и притягивая ближе.

Ее влага пропитывалась через мои боксеры. Я стянул их вниз одной рукой. Член стоял на протяжении трех часов, пока шла работа над татуировкой Доу, и я больше не мог ждать. Я толкнулся внутрь ее узкого, влажного, жаркого центра.

Мы оба застонали от контакта.

— Любишь это? — спросил я, нуждаясь в ее ответе.

— Да, я люблю! — сказала Доу, когда я с силой толкнулся в нее. — Я люблю это. Так сильно. Я люблю тебя.

Я замер, услышав эти слова, и, когда сделал это, ее глаза распахнулись.

— Я не хотела...

— Закрой, бл*дь, рот.

— О боже, я снова не могу уследить за своим языком, прости. Черт, я просто имела в виду, что...

— Закрой, бл*дь, рот! — потребовал я, вколачиваясь в нее сильнее, чтобы привлечь ее внимание. Доу закрыла глаза и откинула голову назад. — Так гораздо лучше. Теперь держи этот милый ротик закрытым, пока я тебя трахаю.

— Ладно, — прошептала она бездыханно.

— Заткнись, — снова повторил я, и она закрыла рот. — Заткнись, чтобы я мог трахнуть тебя... И показать, как сильно я тебя люблю.

Она кивнула, и несмотря на то, что ее глаза остались закрытыми, слеза скользнула вниз по щеке. Я слизнул ее прежде, чем она достигла подбородка и упала на пол.

И после я ее трахнул.

Жестко.

Я показал Доу, как сильно любил ее, пока мы не потеряли то, с чего начали. Пока все, что было в комнате, не исчезло, оставляя нас одних лишь с тем, что притягивало нас друг к другу подобно магнитам. Пока мы не потерялись в чувствах и оргазмах.

И друг в друге.

Я трахал ее, пока мы не стали одним целым и тем, кем были, потому что я давно потерялся на этом пути и снова обрел себя в самом необычном месте.

Я снова обрел себя в преследуемых меня прекрасных глазах девушки, которая была такой же потерянной, как и я.

Или, возможно, мы вовсе не обретали друг друга.

Возможно, мы лишь решили вместе потеряться.

ГЛАВА 24.

Кинг

В субботу утром мы с Доу нежились в постели, пересматривая фильм «Разрушитель». Ее идея. Не моя. Из всех DVD в моей коллекции эту картину она посмотрела большее количество раз за последние несколько дней. Ей также нравились фильмы «Дисней», но всякий раз, когда мы их смотрели, я думал о Макс, и в груди появлялась боль от мысли, что она может не оказаться рядом, чтобы посмотреть их с нами.

Или если Макс будет рядом, то Доу уйдет.

Я собирался сделать все возможное, чтобы сохранить их обоих под одной крышей со мной. Хотя с течением дней вероятность собрать деньги для взятки казалась все меньше и меньше.

Фильмы «Дисней» о принцессах могли быть всего лишь кучкой выдуманных сказок, но идея о нас троих вместе или четверых, если считать Преппи, была моей версией «и жили они долго и счастливо».

— Сейчас все рестораны «Taco Bell», — Доу повторила слово в слово за героиней Сандры Буллок. Она знала каждую строчку. Это было чертовски обворожительно. Кроме того, мы были голыми: одна моя рука лежала на ее груди, а другая впиалась в ее киску, так что мне было грех жаловаться. — Почему дом покрашен лишь наполовину? — Доу резко повернулась, толкнув меня головой в грудь.

— Потому что это был старый дом, и мы с Преппи, переехав в него, использовали его в основном для вечеринок, не закликаясь по поводу ремонта. Потом я попросил Преппи починить дом, потому что собирался привести сюда жить Тришу и Макс.

— И почему он остановился?

— Потому что меня отправили в тюрьму, и ремонт дома ни для кого из нас больше не играл важной роли. На тот момент не было ни единого шанса, при котором они бы отдали мне Макс. Кроме того, Преппи, может, отлично готовит, также он может согдиться в качестве киллера, но руки у него растут не оттуда. Поэтому, пока меня не было, это место в своем роде провалилось в ад.

— Ну, — начала Доу, протягивая руки за голову. Ее торчащая грудь подпрыгнула, когда она зевнула и закинула ногу мне на бедра. — Тебе лучше покрасить дом снова, потому что мы собираемся собрать нужную сумму и вернуть ее домой.

— Да, детка. Мы вернем ее.

Я не был уверен, говорила ли она сама с собой или пыталась убедить меня. Правда была в том, что с каждым наступившим днем возвращение Макс отдалялось все дальше и дальше.

Преппи открыл дверь, и Доу быстро уселась, натягивая простыню на голую грудь.

— Чувак, а стучать, бл*дь? — спросил я.

Преппи проигнорировал меня и запрыгнул на кровать, втискиваясь между мной и Доу. Он закинул руки на плечи каждого из нас.

— Я просто люблю вас, ребята, — произнес он, сжимая всех нас вместе, будто мы были одной большой, толстой и такой же странной, как мир, семьей.

— Это и есть цель данного парада любви? — поинтересовалась Доу, хохоча, когда Преппи склонился пощекотать ее.

Меня должно было разозлить даже то, что он прикасался к ней, но в их связи не было ничего сексуального. Хотя я часто ловил себя на ревности к их простой дружбе. Мне пришлось надрывать задницу, чтобы понравиться малышке, но даже тогда получалось дерьмово.

Однако Преппи был и безумцем, и добряком одновременно, и я всегда слегка завидовал тому, как легко с ним было.

Мы трое вместе имели смысл. Доу могла бы читать Макс сказки на ночь, когда она засыпала бы.

Дядя Преппи мог бы научить ее печь блинчики. Это был сценарий жизни, который имел для меня смысл. Все было ясно. Мне нужно было приложить все усилия, чтобы все это воплотилось в жизнь.

Макс должна вернуться домой.

Щенячьи глазки должна остаться.

Я говорил ей, что был эгоистичным засранцем, именно это я и имел в виду. Я просто не понимал, насколько серьезно Доу воспринимала мои слова. Даю гарантию, она понятия не имела, что я скрывал от нее правду о ее прошлом.

Я не планировал влюбляться в нее, но влюбился. Теперь Доу не была моей пешкой, которую я собирался использовать, чтобы вернуть Макс.

Сейчас она стала частью моей жизни.

Частью, которую мне не хотелось оставлять позади.

Даже если это означало, что мне придется скрывать от Доу правду о том, кем она является на самом деле, пока я не сгнию в земле.

— Вообще-то, в этом есть смысл. Я так рад, что ты спросила! — Преппи повернулся ко мне, и его лицо превратилось в самую серьезность. — Медведь хочет, чтобы мы пришли на сборище сегодня. У них не было вечеринок с тех пор, как его отец взбесился по поводу последней и на месяц запретил ему выезды.

— Хватит сарказма, Преп, — сказал я.

У меня не было терпения для юмора Преппи, потому что все, чего я сейчас хотел, — это остаться с моей девочкой наедине.

— Да, вечеринка с байкерами и четырьмя П.

— Четырьмя П? — заинтересовалась Доу.

— Ага. Пиво. Пьянка. План. Попки. — Преппи окинул нас взглядом. — Ну, может, не попки, поскольку вы теперь что-то вроде парочки. Вы ведь парочка? Мне уже можно доставать фарфоровый сервиз и звать священника? — Преппи повернулся к Доу. — Ты

беременна?

— Что? — спросила она. — Нет! Не беременна, — она прыснула со смеху, пока Преппи изображал обморок на матрасе.

— Но мы действительно парочка, — заявил я.

Не уверен, стоило ли это говорить, но я сказал. Мне нужно, чтобы до Преппи дошло: ясно и четко. Между ними, возможно, и была невинная дружба, но предупреждение твоему возбужденному другу с яйцами по поводу твоей женщины никогда не будет лишним.

— Аааааааа, так что вы говорите, друзья? Вечер-ринка с Преппи сегодня? — он потер руки, будто был колдуном, готовящимся наложить проклятье.

— Ты хочешь пойти? — уточнил я у всё время улыбавшейся Доу.

— Серьезно? — переспросила она.

— Серьезно, — повторил я.

Если каждая вечеринка будет вызывать у нее на губах подобную этой улыбку, я буду водить ее на каждую гребаную вечеринку, на какую она только захочет пойти.

— Урррааа, ублюдки! Одевайтесь, любовнички. Мы собираемся в клубный дом, — Преппи встал на кровати и стал подпрыгивать вверх, пока не бахнул головой о лопасть вентилятора. Он упал на задницу, прижимая руки ко лбу. — Останется след.

Доу наклонилась к Преппи и убрала его руки от головы, чтобы осмотреть ушиб. Она отпустила простынь, которую держала на груди, и ее голые сиськи качнулись перед лицом Преппи.

Парня больше не волновала его рана. Облизнув губы, он открыто уставился на ее соски.

Их дружба, быть может, и не вызывала во мне злости, но мой лучший друг запросто мог получить кулаком в морду за то, что глазел на грудь моей девушки.

Я схватил Доу за запястье и прижал спиной к себе, прикрыв её простыней. Она покраснела.

Если Доу думала, что вечеринка по поводу моего возвращения домой была дикой, то она останется в абсолютном шоке, когда увидит сборище «Пляжных Ублюдков».

— Черт, я забыл об этих гребаных байкерах, — произнес я.

— О, прекращай, — сказал Преппи. — Парни Медведя теперь безобидны. Ты поставил свою метку, пометил территорию, забил мяч в ворота. Это все, что их заботит. Для них это святое. До нее не будут дое*ываться. Кроме того, там буду я, как и Медведь, и ты в том числе.

— Я не особо доверяю Медведю в последнее время, — ответил я. — Не прошло и недели, как он просил мою девочку стать его старухой.

— Но, как я и сказал, ты уже все сделал. Все в порядке, расслабься, расслааааааься.

— Преппи, сколько кофе ты выпил сегодня утром? — поинтересовалась Доу.

— Немного. Шесть или семь кружек. А что? — он подергивал пальцами, будто играл на рояле.

— Мы можем пойти, но ты всегда будешь в поле моего зрения, — обратился я к Доу. — Я серьезно. Или я, или Преппи будем рядом с тобой все время, поняла? В худшем случае иди к Медведю, но, клянусь Богом, если он коснется тебя хоть пальцем, я отрублю их ему.

Фраза вышла грубее, чем предполагалась, но я не собирался церемониться. Реальность того, что могло с ней случиться, если бы она отделилась от меня и осталась одна, теперь казалась невыносимой.

Ни один ублюдок в мире не выживет, если дотронется до нее. Одно только

воспоминание о том, что почти сделал Эд, вызвало во мне желание убить этот кусок дерьма еще раз.

— Поняла, — ответила Доу, признавая серьезность моего тона. Она опустила руку на мое плечо. — Я никуда не пойду, если тебя или Преппи не будет рядом.

— Хорошо, — я выдохнул, не осознавая до этого, что задержал дыхание.

— Так что мы смотрим? — спросил Преппи, опершись на локти и скрестив ноги в лодыжках. — Оооу, «Разрушитель». Он мой любимчик.

— Убирайся нахрен, — приказал я, сгоняя его с постели.

— Бл*, ребята, с вами неинтересно, — Преппи надул губы, поднимая задницу с ковра. — Вы в своем мире любовников забываете о роли старого Преппи во всем этом, — он выпятил нижнюю губу и опустил плечи.

— Чтобы через двадцать минут машина была готова, — рывкнул я, бросая подушку ему в голову.

— Ты имеешь в виду грузовик. Моя классическая малышка разлетелась на миллион крохотных кусочков, а «смерть от бомбы» страховка не покрывает, — ответил Преппи, уклоняясь от подушки.

— У тебя нет нахрен никакой страховки, — ввернул я.

Преппи не верил ни во что, что могло удержать его в системе, и не имеет значения, насколько незаконно это было.

— Но если бы она у меня и была, то не покрыла бы взрыв, — произнес он, отмахнувшись от нас по дороге из комнаты.

— Напомни мне прикрутить засов на дверь, — пробормотал я.

— Перестань. Преппи классный, просто немного переборщил с кофеином, — сказала Доу в его защиту.

— Ты можешь спасовать, если передумала. Мы останемся здесь — голыми — и посмотрим любой дурацкий фильм, какой захочешь, пока ты остаешься обнаженной. Нам необязательно идти на вечеринку Медведя, если думаешь, что тебе там будет некомфортно.

— Я хочу лучше узнать твоих друзей. Хочу выбраться из дома ненадолго. Хочу это все, — улыбнулась Доу. — И хочу это с тобой.

Я хотел выпятить грудь и стучать по ней как Кинг-Конг. Ее слова давали мне силу. Она хотела это все.

Со мной.

Я чувствовал себя хорошо там, где мы были и куда собирались. Так хорошо, что был почти готов лгать ей до конца своих дней.

Почти.

ГЛАВА 25.

Кинг

Клубный дом Медведя был старым двухэтажным мотелем с внутренним двориком и маленьким бассейном в форме почки, стенок которого граффити касалось в сотни раз чаще, чем вода.

Пластиковые стулья с дырами на сиденьях и спинках, а некоторые даже без ножек, были

разбросаны по крыльцу. Несколько штук плавало в углу на дне бассейна в зелёной илистой воде.

Об изысканной музыкальной системе можно было забыть. Древний переносной магнитофон, из которого орал Джонни Кэш, стоял на маленьком круглом столике. Провод был брошен через бассейн и двор, вилка же торчала в одной из розеток где-то в комнате.

Едва одетые женщины были повсюду, а байкеры всех возрастов, форм и размеров сновали в различных состояниях алкогольного опьянения. Два массивных барана носили свои ножи прямо на голой груди и боролись на руках в углу двора на перевернутой корзине для грязного белья.

Две женщины с одинаково выбеленными волосами — обе топлесс — сосались у перил террасы второго этажа, пока тощий проспект стоял рядом с ними, наблюдая из-под тяжелых, полуопущенных ресниц, с выпирающим под джинсами стояком, который он даже не пытался скрыть.

Медведь первым поздоровался с нами.

— Кинг, е*анный засранец! — прокричал он, останавливаясь в открытой двери одной из мотельных комнат и держа под руку девушку с невинными полненькими щечками, но с некой тревогой в глазах. — Сюда!

Он помахал нам и практически вышвырнул девчонку из комнаты. Она бы приземлилась лицом в бетон, если бы Преппи не поймал ее и не поставил на ноги.

— Спасибо, — ответила девушка, поднимая взгляд на Преппи.

Он сморщил нос, будто его сбило с толку ее «спасибо», а потом обошел девушку. Она оглянулась на него, когда уходила.

— Какого хера это было? — спросил я.

— В душе не е*у, — серьезно произнес Преппи. Его веселость будто канула в лету. — Давай начнем эту вечеринку.

— Доу, малышка! Ты здесь! — выкрикнул Медведь, притягивая Доу в объятия, которые длились слишком долго. Я сжал кулаки. Медведь, казалось, не заметил, но если и заметил, то ему было плевать. — Бамп, принеси моим друзья выпить!

Рыжеволосый проспект с веснушками на лице, которого я видел впервые в жизни, наполнил три красных стакана чем-то из бочки и передал нам.

— Для девушки есть что-нибудь в бутылке? — спросил я, опустошая свой стакан всего за несколько глотков.

Мне нужно было что-то, чтобы разрядить обстановку, но я не позволил бы ни одному из этих малолетних проспектов подсыпать что-нибудь Доу в стакан. Мы были друзьями клуба, но некоторым просто не стоило переходить дорогу. Я был готов вылезти из собственной кожи. Нахрена мы вообще сюда приехали? Ах, да. Потому что Доу захотела.

Из-за этой девчонки я становился вялой киской.

— Ты слышал старика. Бутылку для девушки, — приказал Медведь, забрав стакан из рук Доу прежде, чем ей удалось сделать хоть глоток.

Медведь прикончил его содержимое, когда Бамп передал ей закрытую бутылку пива. Я выбросил свой стакан и использовал один из браслетов на запястье, чтобы открыть ту для Доу.

— Слишком бурно реагируешь, дружище? Я не позволю, чтобы с ней что-то случилось. Не тогда, когда я присматриваю. Не в моем доме. Тебе стоит это знать.

Я пожал плечами, а Преппи вмешался прежде, чем я смог что-то добавить.

— Не становись тупорылой задницей, когда дело касается Доу, Медведь. Кинг даже мне не доверяет, если я возле нее, а я всего лишь хотел пригласить ее на свидание, ну или засадить ей только чуть-чуть, но неееееет.

Это было ложью. Надеюсь, Преппи был в курсе, что я доверил бы ему свою жизнь, и я знал, что он бы ничего не сделал с Доу, чтобы расстроить меня. Но это не означало, что я не хотел перерезать ему плотку всякий раз, когда он улыбался ей. Особенно когда ежедневно с тех пор, как я решил, что Доу нужна мне в моей жизни, я чувствовал, будто каждый шаг возле нее нужно продумывать, чтобы она не сбежала от меня с криком.

Или хуже: чтобы я случайно не разболтал ей правду.

— Ты хочешь начать это дерьмо? — спросил Медведь, махнув рукой в сторону старого столика, на котором было насыпано несколько белых дорожек, уже кем-то выровненных.

Я помотал головой. Я не прикасался ни к чему, кроме алкоголя и марихуаны, с тех пор, как вышел из тюрьмы, но Преппи шагнул вперед и втянул две дорожки. Он знал меня лучше кого-либо, и ему было известно, что кокс был последней нужной мне вещью, когда адреналин и так уже курсировал по моим венам. Он также знал, что нюхнуть кокс с байкерами — особенно с Медведем — было равносильно тому, чтобы принести бутылку хорошего вина на обед. Проявление уважения. Байкерский этикет, если в этом есть хоть какой-то смысл. Я подкурил сигарету и посмотрел на Доу, рассматривавшую это место, будто перед ней была Атлантида.

Еще один из подлетьшей Медведя заскочил в комнату. Я узнал в нем парня по имени Гаррис, которого приняли незадолго до того, как меня уперли в тюрьму.

— Медведь, твой старик здесь. Он хотел бы увидеть тебя и сказал привести к нему Кинга и тех, кто с ним, чтобы он мог поздороваться. Он у себя.

Медведь хлебнул пива и продолжительно отрыгнул, бросая уже пустой стакан в Бампа. Тот отскочил от его головы и упал на землю.

— Убери эту херню, — приказал Медведь, выводя нас из комнаты. — Пойдёмте, ребятки. Поздороваемся с моим стариком и покончим с этим.

Отец Медведя был Президентом клуба «Пляжные Ублюдки». Однажды Медведь получит его титул и станет главным.

Когда мы вошли в кабинет, дверь за нами закрылась, и звук щелчка замка эхом раздался в комнате.

Преппи развернулся к двери и повернул ручку, но она уже была заперта.

Черт.

Медведь выругался.

За столом в дальнем конце комнаты стояло кресло, повернутое к нам спинкой. Оно медленно развернулось, и там, где я ожидал увидеть отца Медведя, обнаружил Айзека.

— Ублюдок, — выругался Преппи.

Айзек закинул ноги на стол. Он ласкал свою длинную, заплетенную в косичку бороду. Между губами торчала зубочистка. Его глаза тут же сфокусировались на Доу.

Бл*дь.

— И кто это у нас? — пока Айзек говорил, его взгляд метался от меня к Доу.

Я почувствовал, как мое лицо пылает от ярости. Если еще хоть раз в своей жизни увижу этого сосунка Гарриса, я оторву ему все конечности: одну за другой.

Это был тот момент, когда я понял, насколько глупо было привести Доу на вечеринку. Айзек был опасным человеком. Хоть и думал, будто у меня есть время, пока он вернется в

город, я знал, что существует вероятность, что он уже находился в городе. Я планировал отправить Доу в дом к Грейс на пару дней, по крайней мере, пока все не утрясется.

Очевидно, я был недостаточно быстрым.

Это было полнейшим провалом с моей стороны. Мой мозг перестал работать, потому что вся кровь устремилась к члену, который хотел быть глубоко похоронен в тугой киске Доу.

— Она со мной, — ответил я своим обычным голосом, насколько это было возможно, пытаясь не закричать ему: «ОНА СО МНОЙ НАВСЕГДА, ТАК ЧТО ОТЪЕ*ИСЬ ОТ Н ДОЛБО*Б». Вместо этого я сохранил каменное выражение лица и не показал ни единой эмоции. — А они с тобой?

Я указал на двух блондинок с одинаковыми татуировками слова «СУЧКА», выведенными контуром на их бицепсах. Они устроили шоу, касаясь фальшивых сисек друга друга.

— Полагаю, что да, — засмеялся Айзек. Он хлопнул в ладони и указал на стул перед ним. — Присаживайтесь, мистер Кинг.

Я уселся и притянул Доу к себе на колени, властно положив руку на ее затылок.

Это был жест, который говорил, что она со мной, но сказать Айзеку, что Доу не так уж и важна, было неуважительно по отношению к ней. Она негромко взвизгнула от неожиданности, и я потер место на ее затылке большим пальцем, чтобы успокоить ее. Пульс на шее Доу сильно ускорился.

Взгляд Айзека бродил по лодыжкам Доу, пока не остановился между ее ног, где — как я был уверен — он мог увидеть ее трусики. Я хотел сдвинуть ноги Доу или перекинуть их через свои бедра, чтобы он перестал смотреть на мою девочку так, будто хотел ее съесть, но это показало бы ему, что она моя слабость. Вместо этого я слегка раздвинул колени Доу, чтобы продемонстрировать Айзеку чуть больше. Он облизнул нижнюю губу, и его взгляд встретился с моим.

— Прошло много времени, КИНГ, — произнес он, и в его глазах блеснуло озорство.

Я снова сдвинул ноги Доу вместе.

То, как Айзек произнес мое имя, послало ощущение холода по моей спине. Доу соглашалась со всем, что я делал. Она доверяла мне — и слава богу — но из-за того, как напряглось ее тело, я знал, что она была в ужасе от того, что я только что сотворил.

Как и я.

— Прошло. Слышал, ты недавно потерял племянника в трагическом несчастном случае на стройке. Мои соболезнования, — начал я.

Айзек ухмыльнулся.

— Действительно в трагическом, мистер Кинг, но это не было гребаным несчастным случаем. Волферт крал у меня. Просто как дважды два. Так что я перерезал ему глотку и похоронил под тремя футами бетона. Настоящая трагедия в том, что я был таким дураком, вообще дав ему шанс, а его рыдающая мать теперь названивает мне по три раза в день, — Айзек подкурил сигарету и почесал голову. — Я усвоил урок, мистер Кинг, и больше не буду таким глупым. Правило номер один в этом бизнесе — убедись, что люди, которые тебя нае*али, останутся нае*анными в ответ или встретят быструю смерть.

Доу окаменела.

Айзек махнул блондинкам, которые поднесли ему бутылку дорогого виски. Одна из них наливала, тогда как вторая подавала стеклянные шоты. Добравшись до меня, она устроила

шоу, потираясь о мою руку своей фальшивой грудью. Я собирался сказать ей отъе*аться от меня, когда боковым зрением заметил, что Айзек наблюдает за каждым моим движением.

Я схватил шот и поместил его между сисек второй блондинки. Я устроил представление, слизав соль с ее груди, затем нырнув головой между ее сисек и забрав шот зубами. Я перекинул его в горло, пока Доу крепко держалась за мой бок. Закончив, я махнул рукой, освободил блондинок и, передав им пустой шот, возвратил свое внимание на Айзека, который к тому времени казался удовлетворенным.

Преппи и Медведь находились в задней части комнаты. Во мне росло беспокойное чувство относительно этой ситуации, и, очевидно, в них тоже, потому что они стояли в такой позе, что, если дерьмо полетит во все стороны, им придется выбираться из этой разборки.

— Давай не будем отсиживаться и поднимать это дерьмо, — предложил Преппи. — Повеселимся сегодня, а официальную встречу перенесем на завтра, тогда у всех будет шанс выпить и поймать какую-нибудь киску.

Я мог почувствовать тревогу Преппи. Я мог прочесть его лучше кого-либо, и все в нем четко говорило: «*Давай убираться нах*р отсюда*».

— Да, старик, давай выйдем во двор, — вмешался и Медведь. — Стриптизерши уже должны быть здесь. Бамп и ребята устроили бой в грязи. Давай зарядимся и смочим члены, прежде чем поднимать серьезные темы.

— Звучит заманчиво, — я встал и направился к двери, утаскивая Доу за собой.

В момент, когда мы достигли двери, двое людей Айзека вошли в комнату и закрыли за собой дверь, блокируя выход и поднимая пистолеты.

Когда мы обернулись, еще трое возникли в комнате позади стола.

Их оружие было взведено и направлено на нас.

— И все? Ты бросаешь меня и ожидаешь, что я повеселюсь с тобой и все забуду? — спросил Айзек. Он поднялся и остался перед столом. — Ты не можешь просто насрать на бизнес, которым я занимался десятилетиями. Я не твоя шлюха. Ты не можешь выбирать, когда провести со мной ночь в постели, если тебе угодно, а потом вышвырнуть меня после того, как хорошенько отымел.

— Я был в тюрьме, — возразил я, зная, что это не будет достаточной причиной для Айзека. — Ты не захотел иметь дело с Преппом. Нам нужно было зарабатывать. Мы не отрезали тебя. Мы решили в сторону бизнеса. *Временного*. Я пытался найти тебя с тех пор, как вышел, но ты поджал свои яйца. Я не твоя сучка, Айзек, и не хотел обидеть твои чувства. А теперь давай, бл*дь, двинемся дальше, и, если ты захочешь поговорить, мы поговорим. Но дай им вернуться на вечеринку, — я махнул рукой в сторону моих друзей и Доу. — Пусть хотя бы они насладятся сегодняшним вечером.

— Думаешь, для тебя все будет так легко? Этот округ, может, и принадлежит тебе, но это мое побережье. Всякий раз, когда кто-либо из вас, мелких трейлерных ублюдков, хочет получить какое-нибудь дерьмо, вам нужно мое гребаное разрешение!

Айзек брызнул слюной, вколотив кулак в стол. Его лицо покраснело. Он повернул набок голову и похрустел шеей в обе стороны, прижимая костяшки пальцев к челюсти.

Медведь потянулся за пистолетом, но был недостаточно быстрым. Один из заблокировавших дверь мужчин прижал пистолет к затылку Медведя.

— Даже, бл*дь, не думай об этом, — предупредил тот.

— Какого хера тебе надо, Айзек? — заговорил Преппи. — Ты хочешь, чтобы мы

попытались загладить свою вину перед тобой? Тебе нужны деньги? Хорошо, мы снова будем покупать у тебя. Сделаем тебя богаче, чем ты уже есть. Честно, я не думал, что тебе есть дело. По сравнению с твоими другими делишками нас можно назвать однодневками. Кинга прикрыли. Идея была моей. Вся эта новая операция полностью на мне, — его голос становился громче и смелее. — Хочешь кого-то винить? Вيني меня.

Он не матерился, но его тон был серьезен. Это волновало меня больше пистолетов у наших голов.

Преппи был безрассудным.

И он делал это для нас. Делал так, чтобы взять всю вину на себя и принять все наказание.

Я не мог допустить это, как и не мог позволить этому ублюдку срать на наши головы, будто он управлял целым миром. Я не был гребаным наркобароном, но и не являлся кем-то, на кого можно наставить пистолет и не заплатить за это своей жизнью. Я держал Доу за руку и сжал ее, пытаюсь убедить, что смогу защитить.

Я очень сильно попытаюсь.

— Но я, как только узнал об этом, не остановился, — вмешался я. — Это приносило неплохие деньги, чувак. Но мы готовы сорвать куш. И ты нам в этом нужен.

Я пытался обратиться к бизнесмену в Айзеке. Но была причина, по которой парень достиг своего успеха: он перерезал глотку каждому, кто стоял у него на пути, словно злой дровосек.

Даже своей семье.

Айзек наклонился и захохотал подобно одержимой ведьме. Девушки на диване забились в дальний угол, готовые пуститься в бегство.

— Оставаться на месте, леди! — предупредил Айзек. Его смех мгновенно утих. На лбу пролегли глубокие линии. Губы сжались. — Это не займет много времени.

— Это их не касается, — заговорил Медведь, кивая на девушек и Доу. — Пусть все три сучки свалят, чтобы мы могли уладить эту ситуацию так, как это нужно. Не забывай, это мой дом, мои люди. Не знаю, что ты думаешь по поводу того, что здесь начнется, но без драки не обойтись. У меня с десятков братьев снаружи, и они не останутся сидеть просто так, когда услышат выстрелы.

Айзек прошагал к нам. Я инстинктивно прикрыл Доу собой. Плохая идея, потому что этим движением показал Айзеку, что она была для меня важнее самого себя. Ее защита была моим инстинктом, но в этой ситуации своей реакцией я сделал только хуже.

Он улыбнулся, когда приблизился.

— Король Дорог, — произнес Айзек, изображая в воздухе кавычки при упоминании имени, которое мне дали, когда я начал зарабатывать себе имя в Логанс-Бич. — Ты не король какого-либо дерьма! Единственный король здесь — это я, и, если ты тронешь мое, единственный путь, которым можно все решить, — это тронуть твое, — он повернулся к Доу. — Или трахну твое.

— Ты, бл*дь, даже не прикоснешься к ней! — проревел я, подступая к нему настолько близко, что мог уложить на пол, но почувствовал дуло у затылка и нож Айзека у своего горла.

Мой пистолет все еще ожидал своей участи у меня за поясом.

Мне не добраться до него так, чтобы всех здесь не перестреляли.

Айзек махнул рукой одному из своих людей:

— Отведи ее в заднюю комнату.

Мужчина подошел и схватил Доу, толкая ее вперед. Она споткнулась на своих каблуках и упала на колени. Туфли слетели и загрохотали по полу.

Всего лишь от маленького падения все мои основные инстинкты взревели во мне, чтобы помочь ей, защитить ее. Но я был окружен и не мог сделать ни черта.

Во всей своей жизни я не чувствовал себя таким слабым.

Человек Айзека дернул Доу за руку и толкнул ее вперед. Она приземлилась со шлепком, ударившись щекой о дверь. Я зарычал. Он открыл дверь и толкнул ее внутрь. Айзек последовал за ней и обернулся ко мне, пока к моей голове были приставлены пистолеты.

— Бл*дь, — выругался Преппи.

Мы были полностью беспомощны.

— Как я и сказал, КИНГ. Ты нае*ываешь меня — я нае*ываю тебя. А поскольку члены мне не особо нравятся, твоей девочке придется об этом позаботиться.

И он закрыл за собой дверь.

Доу

За мной зашел мужчина и, удерживая меня за руку, протолкнул глубже в комнату, хлопнув дверью за спиной.

Маленькая кровать стояла посреди пустой комнаты из четырех стен с пустыми полками. Я уставилась на Айзека, вошедшего в комнату следом за мной, и увидела, как позади него Кинг произнес немое «МНЕ ЖАЛЬ» перед тем, как дверь захлопнулась.

И тогда мы остались одни.

Темнота и одиночество были моими самыми худшими страхами.

Это было хуже.

Люди, которые были моей единственной семьей в мире, стояли в соседней комнате с приставленными к их головам пистолетами.

И насколько, бл*дь, иронично это могло быть? Из-за того, что и Преппи, и Кинг были чересчур встревожены моей безопасностью на вечеринке, они заставили меня повторить их правила несколько раз.

Правило № 1: Не уходить никуда в одиночку.

Правило № 2: Убедиться, что хотя бы один из них постоянно рядом.

Правило № 3: Не брать напитки ни у кого, кроме них.

Мы не пробыли здесь и часа, а то, что происходило сейчас, было самой кошмарной ситуацией, которая могла приключиться в моем самом худшем понимании.

Они переживали из-за того, что меня могут опоить и изнасиловать.

То, что произошло, гораздо хуже.

Айзек хотел отомстить Кингу, и было очевидно, что он планировал это с кем-то из МК Медведя еще до того, как появился на вечеринке.

Кинга и Преппи могли убить.

Они уже могли быть мертвы.

Я не чувствовала конечностей, но слышала, как сердце качает кровь в голову.

Может быть, это все было для представления. Я молча надеялась, что Айзек всего лишь хотел доказать свою точку зрения и что его намерения не были плохими, какими казались.

Нет. Они *были* плохими. Они были хуже, чем просто плохими.

Намного хуже.

Потому что в ту секунду, когда дверь за мной закрылась, на меня опустилась реальность. Я осмотрелась вокруг в поисках оружия, чего-то, что я могла бы использовать против него, но было слишком поздно. Я была на спине на кровати с рукой Айзека на своем горле, глушившей все мои крики, которые, хоть я и не знала, выходили из моего рта.

Одной рукой схватив мои запястья, Айзек оседлал меня, блокируя мои ноги своими бедрами. Он отпустил горло и жестко сорвал с меня платье, открывая грудь. Я издала еще один крик, на который он ответил таким ударом кулака в мою челюсть, что голову откинуло в сторону. Мозг рассыпался по черепу. Я увидела звезды перед глазами, и предметы вокруг потеряли очертания. Мои внутренности были в полной боевой готовности.

Каждую капельку адреналина, которая была во мне, я использовала на борьбу с Айзеком. Я была ослеплена из-за удара в лицо, но моих попыток оказалось недостаточно, потому что он отпустил мои запястья и начал возиться с моими трусиками, пока его толстый, не полностью эрегированный член покоился на моем бедре, тогда как я пыталась всеми способами скинуть его с себя.

Айзек не такой большой, как Кинг, но он был достаточно большим для того, чтобы, не напрягаясь, сделать задуманное. Мои попытки отбиться всеми силами были для него не более, чем легким развлечением и слабым раздражением.

Я не собиралась сдаваться. Не было шанса, что Кинг освободит меня в этот раз. Я была сама по себе и собиралась выжить, даже если это означало, что мне придется оторвать Айзеку член собственными зубами.

Тем временем я впилась зубами в ту часть его тела, которая оказалась ко мне ближе всех. Мои зубы врезались в кость на его запястье, отчего заболели, едва ли ранив его загорелую и упругую кожу. В ту же секунду я почувствовала, как что-то холодное коснулось моего лба.

— Я, бл*дь, разнесу тебе мозг по всей комнате, если ты не перестанешь меня кусать, сука. А тогда мои ребята перестреляют твоих дружков и бросят их в болото. Это то, чего ты, бл*дь, хочешь? — выдохнул он, сильнее прижимая пистолет к моей голове.

— Нет, — задохнулась я.

— Так я и думал. Кингу нужно выучить свое место. Ему необходимо узнать, что, когда он начинает со мной работать, я единственный, кто дергает за ниточки, и что принадлежит ему, то принадлежит и мне. Это мои улицы, мой продукт. Это мой е*анный клубный дом. Это мои гребаные сиськи, — Айзек провел своим змеиным, холодным, влажным языком вокруг моих сосков, и мне пришлось проглотить появившуюся в горле желчь. — Вот поэтому я сейчас тебя трахну. Я сделаю это без резинки и отправлю тебя назад со спермой, стекающей по твоим ногам, чтобы он мог зарубить себе на носу, что Кинг — король *ничего*.

Айзек скользнул рукой по моим ногам и схватил за резинку трусов. Когда я закричала, он снова прикрыл мне рот и оседлал меня, поставив колени по обе стороны моих ребер и сжав ногами так сильно, что я почувствовала хруст в тот же момент, когда резкая боль взорвалась у меня в груди. Свободной рукой Айзек потянулся к своему сапогу и достал оттуда длинный охотничий нож. Он занес его в воздухе и вонзил в мое бедро настолько глубоко, что я почувствовала, как лезвие коснулось кости.

Дважды.

Когда он вытащил зазубренное лезвие, вместе с ним вышли кусочки моей плоти.

— Я говорил тебе, бл*дь, не кричать, ты, тупая пи*да.

Боль взревела в моей ноге и расплзлась в каждое нервное окончание моего тела, будто

меня ударили по всей ноге, а не только в бедро. Слезы хлынули из глаз, когда я попыталась увидеть через пелену боли.

Руками Айзек вернулся к моей одежде, сдергивая трусики вниз. Холодный воздух коснулся моих теперь открытых частей тела, давая мне знать, что Айзек удачно избавился от них.

Он разместился между моих ног и потянулся вниз к своему члену у моего входа.

— Будешь сопротивляться, и они сдохнут, — произнес он, глядя мне в глаза.

Не было ничего в его поведении, заставившее бы меня поверить в то, что он не был тем парнем, кто не воплощает свои угрозы в жизнь. Он имел в виду каждое слово. Если я закричу, если буду сопротивляться, единственные люди в мире, которых я люблю, умрут.

Кинг умрет.

— Послушная девочка, — прошипел он, когда я раздвинула колени в стороны.

Приложив немало усилий, Айзеку удалось войти в меня. Он пробивался. Мое тело было сухим, будто тоже боролось с тем, чтобы не дать ему проникнуть. Он плюнул на руку и сунул ее между нами.

Я крепко зажмурила глаза. Может быть, если я не буду видеть, всё это окажется лишь выдумкой.

Но не оказалось. Потому что, если и не могла видеть, я чувствовала.

Он вошел в меня, полностью сокрушая мое тело, которое я только недавно подчинила сама себе. Это было не только вторжением в мое тело. Он заражал мою душу.

Хлоп. Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Звук из соседней комнаты разрезал воздух.

— Какого х*я? — взревел Айзек, поднимаясь с меня как раз вовремя, чтобы повернуть голову к теперь открытой двери.

Хлопок. Голову Айзека разорвало, будто по арбузу ударили молотом. Мое лицо покрылось чем-то густым, теплым и красным. Весь вес его тела упал на меня, выбивая воздух из легких.

Кусочки плоти и кости, бывшие черепом Айзека, попали мне в рот — я тут же повернула голову, и меня вырвало на пол.

Кинг внезапно возник возле меня с пистолетом в руке. Он сбросил с меня Айзека и толкнул его безжизненное тело на пол, наконец-то освободив меня от его члена во мне.

Рубашка Кинга куда-то делась, и он стоял передо мной в черной майке. Каждый дюйм его рук и шеи был покрыт кровью, будто он только что резал корову.

Или людей.

Глаза Кинга широко распахнулись, когда он увидел, насколько я раздета. И они стали еще шире, когда он увидел кровь, хлыщущую из моей ноги.

— Бл*дь!! — Кинг наставил пистолет на Айзека и выстрелил дважды — мертвое тело дернулось от каждого контакта с пулей. — Е*аный ублюдок!! — пробормотал Кинг. — Мне так жаль, малышка. Бл*дь, мне так, так жаль.

— Что, мать твою, происходит? — спросила я. Я быстро теряла кровь, и голова кружилась все больше и больше с каждой секундой. Кинг подхватил меня на руки. — Где Преппи? Где Медведь?

— Закрой глаза, малышка, — приказал Кинг.

— Зачем?

— Потому что если ты оставишь их открытыми, то подумаешь обо мне по-другому, —

прошептал он, вынося меня в другую комнату. — Вид здесь не очень радужный.

Я знала, что мне стоило послушать его, но часть меня — очень глупая часть — должна была это увидеть. И не имеет значения, что я предупреждала себя о том, что может оказаться по ту сторону двери, — всё это не подготовило меня к реальности, которую я увидела.

Тела. Трупы везде.

Переброшенные друг через друга на диванах, стульях, полу. Белый линолеум был покрыт грязными темно-красными отпечатками ботинок.

Преппи сидел в дверном проеме, зажимая бок одной рукой, он выглядел бледным; кровь залила его рубашку на руке там, где он старался ее прикрыть. Медведь стоял над ним, опираясь руками на колени и пытаясь перевести дух. Преппи посмотрел на нас снизу и почесал голову дулом пистолета. Его лицо осветила болезненная улыбка. Таким Преппи и был. Улыбался, когда был серьезно ранен в комнате, наполненной трупами.

— Так... Вы, ребята, теперь готовы повеселиться? — спросил он, его обычно громкий и хрипловатый голос был сиплым, а дыхание — прерывчатым.

За секунды лицо Преппи стало бледным, как у призрака. Кровь стекала по коже с опасной скоростью. Его улыбка померкла, когда глаза закатились назад, а на месте радужек появились лишь белки. Медведь нырнул вниз, чтобы поймать его прежде, чем парень коснулся цемента лицом.

Преппи выдохнул, закашлявшись.

Я бы отдала все в целом мире, чтобы снова увидеть эту улыбку и услышать, как он дышит. Все, лишь бы это не оказалось последним разом.

ГЛАВА 26.

Кинг

15 лет.

— Бл*дь, нет! Я не буду ничьей сучкой! — выплюнул Преппи Медведю. Он сделал еще один огромный глоток из бутылки дешевой текилы, которую мы передавали по кругу. Мы трое сидели на перевернутых ящиках из-под молока на полу гостиной сраной квартиры Преппи, куда я только-только переехал. Ящики — это вся мебель, которая у нас была. — Это звание до ох*рения крутое, но никто не увидит, как я заявляю миру о том, что стал преступником. Пусть мое дерьмо останется только на бумаге.

Это место было абсолютной крысиной норой: две спальни, одна ванная, кухня, состоявшая только из одной плиты и раковины, которые стояли на двух столешницах в маленьком квадратном помещении. Полоски белого и черного линолеума были всем, что отделяло гостиную от кухни.

Комната была грязной. Под одной из половиц завелись муравьи, а мухи запутались в паутине на потолке. Нерабочий вентилятор с двумя сломанными лопастями просто свисал с потолка. Единственное окно в гостиной было забито гвоздями, чтобы его нельзя было открыть.

Это было самое ох*енное место во всем мире.

— Не, чувак, оно просто бомбезное. Копы не трогают нас, потому что боятся. Кроме того, в МК постоянно бывают вечеринки. Киски и порошок везде, куда не посмотри,

мужик, — Медведь качнулся на одной стороне ящика и удержался от падения, всего лишь выпрямив ноги и упершись пятками в пол. — Это полный аут. Ты должен присоединиться. Станешь проспектом, как и я. Как только меня примут, я замолвлю за вас словечко. А спустя год тебе нужно будет только подумать, и любая попка или сиськи окажутся в твоём распоряжении. Более того, вы полюбите клубный дом. Там есть бассейн и даже сраный бар.

Медведь впервые рассказал нам, что он собирался стать проспектом в МК своего отца «Пляжные Ублюдки», когда начал покупать травку у нас в восьмом классе. С самого дня своего рождения он знал, что для него уготовило его будущее. Поскольку Медведь проводил почти все свое время с нами или в МК, он пытался склонить нас стать проспектами с того самого дня, как решил, что мы будем друзьями.

— Не для нас, чувак. У нас типа своего МК из нас двух. Мы типа МК-не-формат, — произнес я, передавая текилу.

Я зажег полуметровую фиолетовую стеклянную колбу, которая стояла перед нами на ящике, служащем нам кофейным столиком.

— А вам нужно убивать людей и всякое дерьмо? — спросил Преппи тихим голосом, будто кто-то его подслушивал, а он не хотел быть услышанным.

Он наклонился, чтобы забрать бутылку у Медведя, вытягивая слишком длинную для своего тела руку.

Если мне было пятнадцать и я был выше большинства взрослых, выглядя на несколько лет старше своего возраста, то Преппи был худощавым задротом странного телосложения, поэтому ноги и руки, когда он их вытягивал, делали его похожим на Гамби (прим. пер.: персонаж одноименного телешоу, созданного английским мультипликатором Артом Клоки. Гамби выглядит как фигурка из пластилина с чересчур длинными ногами и худыми руками), а его лицо выглядело так, будто у него был хронический случай ветрянки.

— Только тех, кто заслуживает, чтобы их убили, — ответил Медведь, будто цитировал то, что слышал уже миллионы раз, и, без сомнений, так и было. — Не женщин или детей, ничего подобного. Только тех, кто знает, за что, и понимает последствия, или тех, кто переходит дорогу МК и зарабатывает на нас, — Медведь посмотрел на Преппи через свои белые пряди и откинул их назад. — А что? Нужно кого-то убить?

Он звучал так же, как и его отец, Президент «Пляжных Ублюдков». Отец Медведя был киллером-психопатом, имевшим дело с наркотиками и женщинами, но Медведю все равно удавалось оставаться самым разумным среди нас троих.

— Не, чувак, — сказал Преппи, махнув рукой в манере «свободен», будто сам вопрос был смехотворным, но я знал, что он лгал. Я видел это в его глазах. — Просто интересно и все.

Я прекрасно понимал, кого ему нужно было убить.

Медведь осмотрелся и немного наклонился вперед, помахав нам, чтобы мы тоже приблизились.

— У нас есть специально обученные ребята. Папаша называет их «санитарами». Знаете, какая у них работа? — поинтересовался он, делая драматическую паузу и ожидая, пока Преппи и я подтолкнем его к продолжению.

— Какая? — не сдержался Преппи, полностью поглощенный. — Что они делают?

Медведь улыбнулся, довольный тем, что Преппи заглотил наживку:

— Когда кого-то нужно убрать или убить, они подчищают все, будто их никогда и не было.

Он взмахнул руками в воздухе, раскинув их в стороны. Медведь выровнялся, удовлетворённый тем, что смог поделиться с нами чем-то об МК. Пока не стал проспектом, он даже не мог заглянуть в дела «Пляжных Ублюдков», и его возбуждало рассказывать нам побольше о клубе, где он вырос, хотя ему самому не нужно было знать о МК ничего, пока он не получит звание проспекта.

Парень был рожден байкером, но, как бы он ни пытался заставить меня и Преппи присоединиться, это было не для нас.

Мы с Преппи никогда не придерживались плана.

Никогда.

— Если за вами когда-нибудь нужно будет прибраться, ребята, зовите меня. Я держу свое слово. Проблема в том, что вы будете должны нам. Так это работает. Не имеет значения, когда мы зовем и что вам нужно сделать, вы просто исполняете это, — Медведь подкурил сигарету и отмахнулся от дыма перед лицом. — Хватит этого дерьма, ребята. Преппи, ты достал товар или как?

— Товар? — переспросил я.

Я не знал, что на сегодняшний или в другой любой день мы продавали Медведю.

С тех пор как стал проспектом, он покупал травку в МК.

Преппи подскочил и прошел к уборной в коридоре. Вернулся, держа нечто, прикрытое дырявой газетой.

— Это что за х*рня? — спросил я.

— Это, — Преппи взмахнул рукой поверх бумаги, — подарок на твой день рождения, ты, неблагодарный говнюк, — он положил его на пол и схватил газету посередине, поднимая ее, словно маг скатерть. — Вуаля!

Преппи отступил назад, и мой взгляд упал на то, что лежало передо мной. Это была картонная коробка, а внутри нее были детали и части чего-то.

И не просто чего-то. Это был пистолет для татуировок.

— С днем рождения, сраный ты п*дрило! А теперь давай выясним, как склепать эту хрень, потому что Медведь и я уже выбрали себе татушки из твоего альбома эскизов.

Я уставился на оборудование перед собой, не веря своим глазам.

— Если так будешь сидеть и пялиться, а не начнешь собирать, я попрошу сделать мне мою татуировку на лобке, — сказал Медведь, вырывая меня из пораженного ступора.

— Спасибо, парни, — я поднял коробку на колени и начал возиться с деталями. — Медведь?

— Чего тебе, чувак?

— Нет ни единого еб*ного шанса, что я стану возиться с твоим лобком.

— Замётано.

В тот день я набил свою первую татуировку. И сделал не то, что ребята выбрали из альбома эскизов. Те были слишком замысловатые, хоть я и умел рисовать, но понадобилось бы время, чтобы изобразить переплетенных змей и логотип «Пляжных Ублюдков» на спине Медведя, и чтобы мне стало понятно, что, мать вашу, я делаю.

Вместо этого Медведь получил тату трехлистного клевера за ухом, хоть я и не знал, имеет ли он какое-то родство с ирландцами. (прим. пер.: трилистник считается символом Ирландии). Преппи получил «ПРЕП» на фалангах пальцев. Буквы были тонкими и кривыми. Это были самые худшие татуировки в мире. Кривые края, кровавый беспорядок. Но парни их полюбили, а я не мог дождаться, чтобы попрактиковаться больше.

— Я как гангстер, — проговорил Преппи, восхищаясь свежими рисунками на фалангах.

— Ты такой же гангстер, как и девяностолетняя бабулька, — ответил Медведь.

— Медведь, а разве у твоей бабушки нет татуировки на всю грудь, и будто бы у нее не фиолетовые волосы? — спросил я.

— Конечно, — подтвердил он.

— Тогда, думаю, она гангстер даже покруче, чем старина Преппи, — сказал я.

— Вот вы сейчас сидите и ржете, но потом посмотрите. Дальше Кинг сделает татуировку у меня на шее, и я стану настоящим мужиком.

— Ты так и будешь носить рубашки, застегнутые на все пуговицы, бабочки и подтяжки? — поинтересовался я.

— Бл*дь, да. Всегда. Это мой стиль.

Медведь подавился смешком:

— Ты, может, и не будешь выглядеть грубым, но изрядно собьешь народ с толку.

— Да нах*р это дерьмо, чувак, — сообщил Преппи, вставая. — Мне приходится донашивать всю эту дрянь за своим приемным папашей. Я вернусь. Чувствуйте себя свободно, насмехаясь над моей дорогой покупкой, пока меня не будет, тупоголовые.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Не, сам разберусь с этим дерьмом. Уже за девять. Этот е*арь либо в баре, либо отключился на диване. Вернусь через час.

Преппи никогда не говорил об этом, но я был уверен, что его приемный отец так и будет бить его, пока парень не съедет. Он всегда слегка хромал или держался за ребра. Когда я спрашивал его, был ли он в порядке, Преппи всегда отвечал мне, что он над этим работает.

— Не, чувак, тренировал грудь сегодня. Болит как сучка, если делать все правильно.

Он хреново врал, но его гордость — это все, что у него было, помимо меня и Медведя. Хоть мы и шутили над ним, последнее, чего я хотел бы для Преппи, — это чтобы ему причинял боль какой-то сраный козел.

Когда я не услышал от Преппи ничего в течение двух часов, я сел на свой велосипед и покрутил в трейлерный парк, где его приемный отец прожигал жизнь. Как только поставил велосипед, я услышал возню внутри трейлера.

— Препп? — выкрикнул я. Ответа не последовало.

— ПОШЕЛ НАХ*Й! — я услышал рев Преппи из трейлера.

Его визжание переплелось с его скрипящим напряженным криком. Одним ударом я выбил трухлявую дверь.

То, что я увидел, будет преследовать меня в кошмарах до конца жизни.

Его приемный отец, Тим, перегнул через старый вельветовый диван Преппа и жестоко вколачивался в него, пока держал дуло пистолета у его виска. Когда я вынес дверь в комнату, Тим обратил на меня внимание, как и свой пистолет. Преппи повернулся и ударил его в бок, отчего пистолет полетел по полу.

Преппи схватил свои джинсы, которые болтались у него на коленях, и упал на стену.

— Убирайся нах*р отсюда, мальчик. Вы двое думаете, что вы лучше, чем это место? Ну, вы чертовски ошибаетесь. Пришлось преподать Сэмюэлю урок. Его место здесь. Он не лучше меня и должен это знать.

Пустая пивная банка отлетела от моего носка, пока я шел к пистолету. Это был первый раз в моей жизни, когда перед глазами все стало красным. Видеть перед собой красный, как оказалось, было не только поговоркой. Все перед глазами заволочло цветом ярости,

закипавшей в моих венах. Я размял пальцы. На костяшках пальцев зудело от нужды высвободить напряжение, которое я чувствовал даже костями. Я хотел причинить ему боль, но желание стояло на втором месте после *нужды* причинить ему боль.

— И что ты собираешься сделать? Ты, бл*дь, пристрелишь меня? — спросил Тим, усевшись на кухонную столешницу.

Оттолкнувшись, он выпрямился, но, прежде чем успел схватить пистолет, я поднял его первым и ударил Тима рукояткой в висок. Он пролетел через крохотную кухню, ударившись головой о дверь холодильника.

— Пристрели его, бл*дь! — выкрикнул Преппи, поправляя джинсы.

Из его носа капала кровь. Щека была желтого и фиолетового оттенков. Очевидно, Тим бил его до того, как решил, что изнасилование может стать более подходящим методом, чтобы преподать ребенку урок.

— Так ты собираешься драться со мной, малыш? Так? Теперь *ты* собираешься поучить меня, мальчик? — Тим посмотрел на меня с пола.

— Нет, — ответил я, чувствуя, как нахлынуло злое спокойствие. Ярость взяла контроль над моими эмоциями. — Я ни черта тебя не научу.

Страх зародился в маленьких черненьких глазках Тима.

— Тогда что, мальчик? Позовешь копов? Потому что я знаю здешних. Они них*я не сделают!

— Нет, — сказал я, подступая к нему на шаг, пистолет в моей спокойной руке был все еще направлен в пол.

— Тогда какого х*я, парень? Собираешься убить меня? — нервно засмеялся Тим, пока не увидел подтверждение на моем лице.

Я поднял пистолет, направил его на лоб Тима и выстрелил.

— Да.

ГЛАВА 27.

Доу

За те дни, что прошли после смерти Преппи, Кинг заговорил со мной единственный раз, когда попросил меня найти что-то в комнате Преппи, в чем можно было его похоронить. По крайней мере, именно это я разобрала из бурчания и рычания, которые доносились изо рта Кинга вместо слов. Ему было больно, а я не могла сделать ничего, чтобы заставить его боль исчезнуть.

Я никогда прежде не была в комнате Преппи, но, открыв дверь, заметила, что его спальня оказалась огромной, намного больше, чем у Кинга. У Преппи была хозяйская спальня. Она была чистой, ухоженной и полной различных мелких вещей. Полки с книгами, видеоигры,двигающиеся фигурки, самые разные безделушки.

На его столике была только одна фотография. Селфи нас троих. Преппи снял его в то утро, когда ворвался в комнату Кинга и прыгнул на кровать, пробуждая нас, что ему удалось сделать очень быстро. На фото Кинг и я были по разные стороны от Преппи, с взлохмаченными волосами и полусонным видом. Кинг прикрывал глаза.

Преппи больше не разбудит нас так.

Гардероб Преппи был настолько огромен, что туда можно было войти. Он был набит различной одеждой. Одна стена была заполнена отсеками, где все было подписано. Один из них оказался приоткрыт. Надпись на нем гласила: «*X*рня, которую случайные цыпочки оставляют в моей комнате*», — он был заполнен разными предметами девчачьей одежды. Думаю, это решало загадку о том, где Преппи брал для меня все вещи.

Я выбрала желтую рубашку и самую кричащую бабочку с многоцветным клетчатым узором, которая была у Преппи в отсеке, подписанном как: «*Крутые е*анные бабочки*».

Внезапно держать одежду Преппи в своих руках — его последнюю одежду, которая будет на нем во время его похорон — стало для меня чересчур. Я рухнула на пол и прижала его пиджак к груди. Мое сердце увеличилось в миллион раз. Я не могла дышать. Не могла ничего делать, только тихо плакать, держась за маленький кусочек своего друга, который у меня когда-либо был.

Не знаю, как долго там просидела, но я плакала, пока не уснула, потому что проснулась с высохшими слезами на щеках, а костюм Преппи теперь просто валялся на мне. Я встала, вернула пиджак на вешалку и уже собиралась закрыть гардеробную, когда увидела конверт, приклеенный скотчем к двери. На нем корявым почерком Преппи было написано: «ОТКРОЙТЕ МЕНЯ, УБЛЮДКИ».

***

Кинг настоял на том, чтобы на похороны мы поехали на его байке, и это я считала продолжением избегания разговора. Когда мы припарковались, там уже стояли несколько байков и старый «Бьюик Глэдис», припаркованный у дороги, которая вела к кладбищу.

Мы были последними, кто приехал. Медведь и пара байкеров, Грейс и шестеро старушек из «Бабулиной Оранжереи» уже сидели под переносным тентом, прикрывавшим прямоугольную яму в земле, над которой возвышался черный лакированный гроб с Преппи. Все были одеты в черное. На головах некоторых из бабушек даже были черные мягкие шляпки. Кинг был одет в черную рубашку с воротником и джинсы.

Я отбросила всякую осторожность и отдала предпочтение ослепительно яркому желтому платью. Думаю, Преппи это оценил бы.

Когда мы заняли свои места на влажных стульях в переднем ряду, Кинг схватил мою руку и положил к себе на бедро, сплетая наши пальцы и прижимая меня так близко к себе, как только смог, не усаживая к себе на колени.

Священник кивнул Кингу и начал говорить о жизни и смерти. Он даже пытался сказать пару слов о Преппи, хотя эти двое никогда не встречались. Мне пришлось подавить улыбку, когда священник назвал его потрясающим многоуважаемым членом общества. На долю секунды на стоическом лице Кинга появился намек на улыбку, пока Медведь безудержно ржал со своего стоячего места под навесом. Священник сделал паузу, чтобы собраться с мыслями, а затем продолжил:

— У кого-нибудь есть что сказать об усопшем? — его голос звучал механически, будто он пересказывал наставление.

Я нащупала конверт в своем кармане, чтобы убедиться, что он со мной. Когда Медведь выступил вперед, я встала и перерезала ему дорогу. Кинг посмотрел на меня с тревогой, а Медведь остановился на полпути.

— Привет, — произнесла я, понимая, что мой голос был недостаточно громким, чтобы слышали все, когда бабушки приложили ладони к ушам.

Я попыталась снова, на этот раз произнося слова громче:

— Меня зовут Доу, и хоть я не знала Преппи... Ээм, Сэмюэля, долго, он был моим другом. Отличным другом. Лучшим другом. Хотя, как бы я ни хотела сказать пару слов о нем, он сделал это за меня в своей типичной форме.

Я достала конверт из кармана и развернула тетрадные страницы с мелким корявым почерком.

Я уже читала его и не хотела плакать, так что попыталась абстрагироваться, пока произносила последние слова своего друга, которые он хотел, чтобы его друзья услышали перед тем, как его опустят в землю.

— И... Просто предупреждение. Я знаю, что здесь совершеннолетняя публика. Поскольку это писал сам Преппи, то в тексте есть... Ээммм... Яркая лексика.

Извиняющимся взглядом я посмотрела на священника, чье внимание уже полностью было в телефоне, а его большой палец клацал по клавишам.

«Друзья и ублюдки,

Вы что, думали, что я оставляю последнее слово за вами?

Них*я. Я быстрее поступлю на работу в отдел гражданской обороны, чем вы скажете обо мне что-то хорошее, так что лучше я сам. Я обновлял это письмо каждую неделю с тех самых пор, как мне исполнилось десять лет, потому что ситуация, в которой я жил, давала понять, что я мог не дожить до двенадцати, а моя семья, если ее вообще можно так назвать, и два пальца об асфальт не ударит, чтобы сказать обо мне что-то на моих похоронах. А мысль об этом, мысль о тишине, когда вы опустите меня в землю, была для меня хуже, чем мысль о смерти. Поэтому это стало привычкой, и я продолжал.

Из-за моей недавней смертью вот что вы все, засранцы, должны от меня услышать.

Если вы читаете это перед толпой народа, разодетой в черное, значит, мне удалось достичь того периода времени, которого я никогда не думал достигнуть. У меня получилось пожать урожай в двадцать шесть, а это была еще та адская поездка.

Теперь я мертв и скоро буду гнить в гребаной земле. Меня сожрут черви, или другие жуки, или какая-то ху*ня. Но не переживайте из-за меня, потому что я умер счастливым ублюдком.

Оглядываясь назад, я никогда не думал, что у меня будет жизнь, которую можно описать словом «счастливая», но она была. И все потому, что, когда мне было одиннадцать лет, этот огромный, дикий, брутальный малец освободил меня от придурка, имени которого я называть не стану. И тогда этот малец стал моим другом. О, нах*й это, того прыща звали Тайлер Найтингейл, и эта киска все еще живет со своей мамашей и работает в ночные смены в магазине «Stop-N-Go» на заправке. Сраный мудило. Пните его машину по дороге домой.

Так, я отхожу от гребаной темы.

Тот мужиковатый парень стал мне больше, чем другом. Он стал лучшим гребаным другом, о котором можно просить. Он стал моей единственной семьей. Наше детство было полным хаосом, нам приходилось проживать наши жизни по правилам, которые мы сами себе устанавливали. Он не обязан был дружить с тощим мальцом в синяках по всему телу и порочным грязным ртом. Он мог отвернуться. Мог проигнорировать меня, когда я без умолку трещал возле него. Есть множество вещей, которые он мог сделать. Но он выбрал меня своей семьей, а я выбрал его своей.

Хоть на нашем пути и были кочки, маленькие кюветы, немного тюрьмы и куча дерьма,

о котором здесь говорить неуместно, я не оглядываюсь на эти события, как на плохие. Я вижу их частью эффектного и самого эпического гребаного путешествия в своей жизни. Путешествие, которое я никогда не думал, что смогу совершить.

Дерьмо, я никогда не думал, что переживу свои четырнадцать, и, если это не благодаря моему лучшему другу и одной ночи, когда он спас мою задницу, у меня бы не было этой жизни.

Хочу выразить свое уважение Медведю. Респект тебе, ты, здоровый гребаный бык. Путешествуй. Развивайся. Сделай все то дерьмо, которое хочешь сделать до того, как клуб проглотит тебя с головой, и ты не увидишь, где начинаются и заканчиваются твои идеи.

Да ладно. Сначала я думал, что ты был всего лишь назойливым тусовщиком, но оказалось, что я смог обрести еще одного друга, и я чертовски рад, что им был ты, старик.

Медведь, тебе придется присмотреть за Кингом и Доу. Одному Богу известно, какая помощь понадобится этим двоим. Я имею в виду, они, бл*дь, любят друг друга, но оба настолько чертовски тупые, что до сих пор не могут отпустить свое прошлое и быть вместе.

Я вижу главные проё*ы в их жизнях. Будь рядом с ними. Помогай им справиться с их смехотворными проблемами и зачитай им проповедь про радости честности и анального секса.

Продолжаем.

Я творил дерьмо, которым не горжусь. Спасибо всем, что не осуждаете меня. Спасибо всем, что остались моими друзьями, несмотря ни на что. Спасибо, что дали мне жизнь, ради которой не жалко было умереть. Я бы сделал все это снова, если бы, бл*дь, только мог. Так что не вздумайте, бл*дь, рыдать надо мной. Порадуйтесь. Порадуйтесь за то, что у меня были такие друзья, как вы, которых я любил больше, чем гребаную семью. Которых я любил больше, чем себя, а мы все знаем, как я себя обожаю. Порадуйтесь за то, что я был счастлив, а вы, засранцы, были частью этого.

Доу, если Кинг не вытащит свою голову из задницы и не женится на тебе, не сделает тебя беременной его маленькими кингеньями, то он тупоголовый осел, и я клянусь, что встану из могилы и займу его место. Мне, конечно, понадобится время, чтобы разобраться как, но если кто-то и сможет это сделать, то это буду я.

Кинг, мой брат, спасибо за то, что все эти годы тому назад рискнул ради худощавого засранца. Спасибо за то, что ты, бл*дь, спас мою задницу. Но ты сделал гораздо больше. Ты спас мою жизнь. Ты дал мне жизнь.

Я люблю тебя, чувак.

Будьте счастливы, ребята.

Теперь пора становиться мертвым. Нет, после похоронной херни. Бл*дь, я не ненавижу это дерьмо.

Идите трахнитесь. Это меня порадует.

Трахайтесь. Отрывайтесь на вечеринках. Веселитесь. Знайте, что я, бл*дь, всех вас любил.

Преп.

P.S. Я также написал свой собственный некролог и хотел бы, чтобы вы разместили его во всех местных газетах.

Я не шучу об этом. Я выслежу вас призраком, если вы этого не сделаете».

— Эмм, я не уверена, стоит ли мне читать дальнейшее вслух.

— Читай! — подбодрил меня Медведь. Даже с другой стороны навеса я могла видеть слезы в его глазах, но на его лице также была и улыбка. — Давайте послушаем!

Толпа присоединилась, и у меня не осталось выбора.

— Оу, ладно, — ответила я, набирая в легкие воздуха и зачитывая автобиографический некролог Преппи:

«Сэмюэль Клируотер.

26 лет.

Сранный Ублюдок.

Жил как босс.

Ушел от семьи, которую он избрал: Кинг, Доу, Медведь и байкерские сучки.

Господи, сохрани его душу... И его двадцатипятисантиметровый член».

Вся толпа, пришедшая на похороны, взорвалась смехом. Не просто несколько смешков, а смех, во время которого ты хлопываешь себя по колену и от которого болит живот. Убрав письмо и сев назад на место рядом с Кингом, я поняла, что сделал Преппи. Он был парнем, который не мог выдержать мысли о том, что по нему будут плакать, так что он навсегда остался Преппи.

Он заставил нас смеяться.

Я посмотрела на Кинга, который не улыбался вообще. Я притянула его руку, но вместо того, чтобы уделить этому внимание, он встал.

Кинг ушел еще до того, как священник сказал свои последние слова.

ГЛАВА 28.

Кинг

Мою девушку изнасиловали, и прошла уже неделя с тех пор, как я предал своего лучшего друга земле. Все это время я не знал, куда деть свою злость на человека, которого ненавидел больше всего на земле.

Нет, не Айзека. Я убил этого ублюдка. Размозжил его голову пулей с близкого расстояния.

Человек, которого я ненавидел больше всего в жизни, — это я.

После всего, что Доу сделала для меня, она заслуживала лучшего, чем жизнь в страхе быть изнасилованной или убитой. Так же сильно, как я хотел удержать ее подальше от подобной жизни; все это было не то, от чего можно просто отскочить. Мне нужно было сделать что-то для нее, но не имело значения, что могло прийти мне в голову, этого было недостаточно, чтобы исправить огромную ошибку.

А потом до меня дошло.

Была одна вещь, которую я мог для нее сделать.

Один поиск единственного гребаного фото в Google. И мне понадобилось лишь это, чтобы узнать, кто такая Доу на самом деле. Я загрузил ее фото с моего телефона, сделанное в ту ночь, когда она спала в моей постели, и нажал «поиск». И вот она: пялится в камеру, будто смотрит прямо в мои глаза. Я не хотел делать этого. Я не хотел бы никогда знать, кто она такая.

Я привык к факту, что знал, кто Доу на самом деле, и что это могло сделать для меня.

Даже если она была тем, что я хотел, как только увидел ее.

Я планировал оставить Доу навсегда и скрывать ее секрет даже дольше, если понадобится.

До этого момента.

Семнадцатилетняя Рэйми Элизабет Прайс.

Либо полиция действительно проделала х*ровую работу, либо вообще никогда не пыталась узнать, кто она, чтобы начать поиск, потому что всего лишь через секунду после загрузки фото и нажатия кнопки на экране моего ноутбука всплыло множество фотографий той, в кого я влюбился.

Не было статей об исчезновении Доу. Только ее фото с различных событий: балы, гала-концерты, благотворительные вечера. Платья в пол, макияж, фальшивая улыбка, если это вообще можно назвать улыбкой.

Последнее ее фото, которое я смог найти, было снято год назад. Лицо Доу было пустым, а в глазах не было ни единой эмоции.

Я знал этот взгляд. Прискорбно, но я сам виноват в том, что он появился. Это был взгляд, разбивавший мое гребаное сердце.

Безразличие.

Она держала за руку парня на вид немного моложе, чем она сама, который улыбался от уха до уха.

«Сенатор Уэстмор Бигелоу Прайс с дочерью Рэйми Элизабет и ее давним кавалером Таннером Престоном Редмондом на гала-концерте «Сердец» для сбора благотворительных пожертвований для педиатрического центра».

Несмотря на то, что я уже второй раз смотрел на это фото, у меня все равно закипала кровь. Из-за парня, который касался моей девочки. Или мужчины, который считался ее отцом.

Сенатор метил в президенты. Мужчина, который не захотел бы скандала на всей территории побережья. Наверное, поэтому они и не собирались искать свою пропавшую дочь.

Е*анный ублюдок.

Я встал из-за кухонного стола и швырнул ноутбук через комнату. Он врезался в подвесной шкаф и упал на пол в виде миллиона кусочков.

Медведь штормом ворвался на кухню.

— Какого х*я? — спросил он, осматривая разбитый ноутбук. — У тебя месячные, парень?

— Нам нужно проехать, — ответил я, пялясь на теперь разбитый компьютер, будто фото Доу — или Рэйми, или какое у нее там нах*р имя — со своим парнем до сих пор были на мигающем экране, освещавшем комнату синим светом снова и снова.

— И куда мы?

— Скажи мне кое-что, Медведь, и честно. Какие у нас шансы достать деньги, которые нам нужны для того, чтобы отплатить сенатору за Макс?

Мои глаза встретились с его взглядом впервые с тех пор, как он вошел на кухню.

— Бл*дь, да почти никаких, старик, — честно признал он.

— Тогда подгоняй сраный грузовик. Я поведу.

— Но ты так и не сказал, зачем я его подгоняю.

— Затем, мой друг, что нам нужно заключить сделку с дьяволом.

Я посмотрел в сторону коридора на закрытую дверь моей комнаты, где мирным сном в моей постели спала девушка, в которую я влюбился. Она была моей, и я всегда буду думать так о ней. Но она заслуживала лучшей жизни, чем та, которую я мог бы ей дать, что, кажется, принесло бы ей еще больше боли.

После похорон Преппи я думал рассказать ей правду.

Теперь я просто верну ее назад.

— И кто в этом сценарии дьявол? — поинтересовался Медведь, пожимая плечами в своем жилете с нашивкой звания.

Я собирался встретиться с сенатором и предложить Доу в обмен на гарантию того, что он подпишет бумаги об опеке над Макс.

Единственная семья, которая у меня была.

Я пялился в окно на кухне, но не видел ничего. Это будто смотреть в белую пропасть: место, куда я собираюсь и из которого не смогу вернуться.

— Я.

ГЛАВА 29.

Кинг

Когда влюбляешься, ты понимаешь, что это серьезно, потому что ради любимого человека мог бы броситься под пулю. А когда ты становишься отцом, то понимаешь, что использовал бы не только свое тело, но и тело того, кого любишь, лишь бы защитить своего ребенка.

Так я и существовал.

У сенатора была дочь, у нее была своя жизнь, был парень. Я не делал никаких одолжений Доу, оставляя ее со мной, не вовлекал в то дерьмо, в котором ей не место. Из-за этой херни погиб Преппи. Я не делал одолжений своей дочери, оставляя ее жить в мире, где не мог ее защитить. Макс нужен был ее отец. Ей нужна была семья.

Ей нужен был я.

Я собирался дать Макс все это. Я не был в состоянии организовать откуп, но, если сенатор примет мое предложение об обмене, тогда мне удастся сохранить имеющиеся у меня деньги, а потом продать дом и исчезнуть с горизонта куда-нибудь, где никто не знал, кто я.

Я и Макс.

Я собирался стать для нее хорошим отцом. Хорошим влиянием. Хорошим примером. Я бы купил нам дом в спокойном районе и отправил бы ее в отличную школу. Я бы читал ей на ночь книги. Я бы делал всю эту гребаную работу, потому что *должен* делать эту гребаную работу. Я собирался исчезнуть, потому что хотел начать жизнь с чистого листа.

Я потерял своего лучшего друга, и это заставило меня понять, что рано или поздно я потеряю и свою девочку тоже.

Потому что, как только Доу узнает, что я скрывал от нее с самого начала, она навсегда меня возненавидит.

Макс была нужна мне, поскольку она все, что у меня осталось, и я был решительно настроен не облажаться. Я молился каждому богу, который слушал о том, что, если мне

удастся остаться с Макс, я сделаю все правильно. Я отдам все Доу.

Свою любовь.

Свое сердце.

Свою дочь.

Свое все.

Я принял решение, разбивавшее мое гребаное сердце и одновременно заставлявшее его петь. Тогда почему я чувствовал себя так, будто часть меня навсегда исчезнет? Нах*й это. Я должен вернуть свою дочь.

Она всегда была моим сердцем.

В обмен на Макс я собирался отдать Доу, или Рэйми, или щенячьи глазки, или кем вы хотите ее назвать, назад ее отцу.

Не говоря Доу о том, что должно случиться, я лишал ее выбора. Но в моей голове не было ни единого сомнения: выяснив, *что* я скрывал все это время, она посмотрит на меня как на монстра, коим я и являюсь.

И снова, может быть, Доу останется благодарна за возвращение ей ее жизни.

А может и нет.

По дороге к офису сенатора я притворился, будто мне все равно.

Мне стоило приготовить, чтобы прикидываться до конца своей жизни.

— У вас назначена встреча? — не отрываясь от компьютера, спросила на ресепшене девушка с черными волнистыми волосами и темными веснушками на носу.

— Меня зовут Brentli King, и мне не нужно гребаное назначение. Дайте ему знать, что я ожидаю. И передайте это. Он захочет меня увидеть.

Я бросил на стол сложенное фото Доу, которое сделал утром, пока она спала. Я не ждал ее ответа. Уселся в зоне ожидания на пластиковый стул, который был повернут к ее столу. Когда девушка наконец-то оторвалась от компьютера, ее челюсть рухнула на пол. Она, вероятно, никогда не видела человека с такой внешностью, как у меня, ожидающего встречи с сенатором. У меня не хватит терпения оставаться незаметным. Мне нужно провернуть это дерьмо до того, как я изменю свое чертово решение.

Секретарь встала и прошла по коридору. И появилась спустя пару мгновений, набирая номер телефона. Она прикрыла рот рукой, шепча что-то в трубку.

— Сенатор Прайс готов с вами встретиться, — ответила она с наигранной улыбкой, ставя телефон назад в стойку.

Девушка ждала, а потому я последовал за ней по коридору, пока мы не пришли в офис с двойным входом. Она открыла первую дверь и отошла в сторону, пропуская меня. Когда я вошел внутрь, она закрыла за мной вторую дверь. Раздался еще один щелчок, означающий, что она заперла ее.

— Я знаю, кто вы, мистер King, и единственная причина, по которой пустил вас в этот офис, заключается в том, что я убедился, что вы прошли через металлоискатель. Так что я знаю, что у вас нет оружия, — произнес сенатор, вставая из-за своего сверхогромного стола из черного дерева с фотографией в руках, которую я дал секретарю.

Он пытался сгладить углы, но, казалось, не понимал, что именно у *меня* на руках все козыри.

— Именно тут вы и ошиблись, сенатор, — я поднял перед рубашки и достал пистолет из-за пояса штанов. На мне был ремень с большой металлической пряжкой, который я выиграл как трофей за то, что поймал на ярмарке овцу с помощью лассо. — Бешеная

вещичка для всех твоих металлоискателей. Они вырубаются каждый раз из-за нее.

Сенатор сел обратно и сложил руки на поверхности стола, указывая на стул перед ним.

— Значит, тогда закончим это дерьмо, не так ли?

Мое внимание привлекла фотография на его столе. Это была моя малышка, щенячьи глазки, на несколько лет моложе, чем сейчас, она лежала на каком-то пляже. Ее улыбка была шире и ярче, чем я когда-либо видел. Однажды она была счастливой, и стало ясно, что эта частичка ее счастья сделает сделку легче.

— У меня твоя дочь. У тебя десять секунд, чтобы рассказать мне, почему ты не знаешь, где она, и почему не ищешь ее. Правду. Паршивая ложь не прокатит, — предупредил я.

Глаза сенатора расширились.

— Лучше бы ты не причинял ей боль, а иначе... — он поднялся из своего кресла, и оно резко отъехало назад, падая на пол. — Что тебе известно?

— Уймись, мать твою. Я знаю, что у нее большие синие глаза и склонность болтать, когда она нервничает, — и ради забавы добавил: — Знаю, что ее сердцебиение учащается, когда она возбуждается.

— Что ты нах*р сделал с моей дочерью?

— Оу, нет. Так это не сработает. Тебе придется ответить первому. Почему ты не заявил о ее исчезновении? Почему не искал ее?

— Какого хрена ты думаешь, что мы ее не искали? — спросил сенатор, возвращаясь к креслу и нервно подергивая руками.

— Потому что, если у сенатора пропала дочь, это оказалось бы немаленьким делом. Все новостные каналы были бы в курсе. А этого нет.

Сенатор Прайс поднял стул с пола и уселся, потирая руками глаза.

— Мы говорили людям, что она за границей, в Париже. Но, как вы уже знаете, это неправда, — признал он. — Мы не заявляли об исчезновении, потому что Рэйми — проблемный ребенок. Она начала общаться не с теми людьми. Исчезала на недели временами. В этот раз на месяцы, и она не пользовалась моей кредитной картой. Мы с ее матерью думали, что она бунтовала и хотела преподать нам урок. Мы серьезно поссорились перед тем, как она вылетела из дома. С тех пор мы ее не видели.

— Так вы не сообщили о ее исчезновении, потому что она была проблемным ребенком? Или потому что у тебя на носу были выборы и ты боялся, что эта история подпортит твою ох-какую-идеальную политическую морду?

— Вы видели, что случилось с Сарой Пэлин, когда они выяснили, что ее шестнадцатилетняя незамужняя дочь забеременела? Это убило ее! Я не мог заявить об исчезновении дочери во время своей кампании и знал, что Рэйми на самом деле не пропала. Она просто сбежала, как делала сотни раз до этого. Так что я извинялся, врал. Говорил людям то, что они хотели услышать, когда мы с ее матерью каждый день молились, чтобы она хотя бы позвонила, — он выглядел обезумевшим. — Скажите мне, что с ней все в порядке.

— Да. Она в порядке.

Сенатор вздохнул с облегчением:

— Почему она так и не пришла домой? Она и правда настолько ненавидит нас? — спросил он, прижимая пальцы к вискам.

— Она не помнит. С ней случился какой-то несчастный случай. Проснулась с потерей памяти. Она даже не знает своего имени.

— Что? — он снова встал. — Отведи меня к ней! Сейчас! Мне нужно увидеть ее! — потребовал он.

— Не так быстро, — я поднял руку. — Сядь, бл*дь, на место, сенатор. Кажется, нам нужно обговорить небольшой обмен.

Он опустился назад.

— Да, конечно. Каковы ваши условия?

— Никакой х*рни. Никаких денег. То, что я предлагаю, лишь обмен. Рэйми за Макс. Мою дочь. Вот информация о ней, — я положил перед ним расписку. — На обратной стороне имя моей дочери, номер социальной страховки и адрес дома приемной семьи, в которой она живет, а также мой адрес. Будь там. Завтра в полдень. Привези Макс и все бумаги об опеке, которые дают мне все права на мою дочь, и тогда — и только тогда — ты получишь назад свою, — слетев с языка, слова причинили мне боль, но их нужно было произнести, потому что этот обмен должен произойти.

— Это можно устроить, но мне понадобится больше, чем один день, — проговорил сенатор, нервно шевеля большими пальцами друг над другом.

Я встал и прошел к двери.

— Завтра в полдень. Если тебя там не будет и ты не привезешь Макс... — я развернулся, чтобы посмотреть ему в лицо. — Я перережу глотку твоей девочке. Без колебаний. Если я не смогу получить свою дочь, ты никогда не получишь свою. И мне насрать, что случится после этого.

Я выдохнул только тогда, когда оказался в машине с Медведем.

— Как прошло? — поинтересовался он. Я вздохнул. — Настолько плохо?

— Все прошло настолько хорошо, как и могло. Вздыхаю из-за того, что я это сделал.

— А что именно ты там сделал?

— Я обменял Доу.

— На что? — крикнул он.

— Кого, — поправил я.

— Ладно, на кого?

— Макс. Я обменял Доу на Макс.

— Ох. Ты ж. Бл*дь.

— Ага, это если вкратце, — ответил я, проведя рукой по голове. — Если раньше я не был уверен, продал ли душу, то теперь на сто процентов это знаю.

ГЛАВА 30.

Кинг

Я лежал в кровати с Доу. Была почти полночь, а я уже отсчитывал часы до полудня. В полдень я увижу Макс впервые с тех пор, как держал ее в своих руках в ту ночь, когда позволил своей матери сгореть заживо.

В полдень я в последний раз увижу свою девочку.

Доу станет человеком, которым и должна быть: человеком, которым она родилась, Рэйми Прайс. Она, скорее всего, даже не подумает взглянуть на меня в зеркало заднего вида, когда поймет, что возвращается к роскошной жизни. Я никогда не был настолько хорош,

чтобы она начала со мной свою жизнь, и это будет самый эгоистический и альтруистический поступок, который я совершил по отношению к ней.

Я возвращал ее.

Я получал обратно свою дочь.

Я еще никогда не был настолько несчастным и возбужденным одновременно. Несколько месяцев назад я и не предполагал, что, если у меня получится вернуть Макс, мне придется пройти этот путь в одиночку. Как минимум я думал, что со мной будет Преппи. Потом я думал, что рядом будет еще и Доу.

А теперь оказываюсь только я один.

Я закинул свою ногу поверх ее. Я не мог приблизиться к ней достаточно. Я убедил Доу отпустить ту, кем она была, чтобы быть со мной, но ее прошлая жизнь, в отличие от Преппи, восстала из могилы и преследовала меня с тех пор, как я нажал на кнопку «поиск».

Я выбрасывал Доу обратно словно рыбу, которая не заслуживала, чтобы ее оставили.

Но она ЗАСЛУЖИВАЛА.

Бл*дь, она заслуживала всего.

Не было ни единого сомнения в том, что если и существовали родственные души, то Доу была моей. Проблема в том, что Рэйми не была. У Рэйми был парень. Были деньги. Будущее в которое не вписывался преступник с татуировками и склонностью к насилию. Рэйми не была готова поставить себя под удар, подвергать себя риску быть подстреленной или даже беспокоиться о том, что кто-то из нас пострадает или умрет.

Я желал для Доу большего. Хотел разбить наши сердца и покончить со все этим, чтобы мы оба могли стать настоящими.

Она — со своей семьей.

Я — со своей.

Я перевернул Доу на спину и залез сверху. Раздвинув ее ноги, я опускался вниз, пока не почувствовал ее сладость в последний раз. Я медленно развел языком ее складки, когда она проснулась со стоном.

На моих глазах появилась влага. До того, как упала моя первая слеза, я довел Доу до оргазма языком. Я был рад, что глаза Доу были закрыты, когда вошел в нее и начал жестко вколачиваться в не просто самую великолепную киску, которая у меня когда-либо была, в не просто самую великолепную девушку, которую я когда-либо знал, а в самую сильную любовь, которая у меня когда-либо была.

Единственную любовь.

Если бы все было по-другому, я бы надел кольцо на палец Доу. Она бы выносила моего ребенка. У нас была бы Макс. Был бы Преппи. Мы были бы семьей, которую я всегда хотел, но которой, я знал, никогда не существовало.

Потому что этого не могло случиться.

Преппи, бл*дь, был мертв, а моя девочка вот-вот должна была вернуться к той жизни, в которой она была рождена.

Я говорил Доу, что люблю ее, с каждым толчком своих бедер. Говорил ей, что мне жаль. Говорил, что хотел бы, чтобы она осталась навсегда. Я говорил ей, что хотел, чтобы она родила моего ребенка. Сексом я говорил ей все, что не посмел сказать вслух. Я говорил ей, что, будь все по-другому, мы бы навсегда остались вместе.

Навсегда.

Я так и не сказал ничего вслух, только смотрел на Доу сверху, полуспящую, пока

доводил ее до грани еще одного оргазма, наблюдая, как могло бы выглядеть это *всегда*.

И оно было так чертовски прекрасно.

Неожиданная слеза соскользнула с подбородка. Я вытянул руку и поймал ее до того, как она вытащила бы Доу из состояния спящего экстаза, в котором та сейчас находилась.

До того, как она поняла, что я на самом деле чувствовал.

До того, как она ушла.

Навсегда.

На следующее утро впервые в своей жизни я занимался любовью с женщиной. Я не трахал ее. И не занимался сексом.

Я целовал ее все время. Держал так близко, как только могут держаться двое. Я говорил ей, что она прекрасна.

Что я любил все в ней.

Я ждал, пока оргазм полностью накроет ее, чтобы прошептать: «Я люблю тебя». Не знаю, слышала ли она меня, но я говорил это больше себе, чем ей.

Мне необходимо было сказать эти слова, пока у меня все еще существовал такой шанс.

Думаю, часть меня любила Доу с того самого первого мгновения, когда я увидел ее. В бегах, прекрасную, напуганную. Я хотел Доу, ее тело и душу.

Она останется со мной еще всего лишь на несколько часов, и я проведу каждую секунду внутри моей девочки.

Пока она все еще была моей девочкой.

Доу

Всякий раз, когда я просыпалась ночью, Кинг прикасался ко мне. Словно — не имело значения, насколько близко мы держались друг за друга — ему было мало.

Мне снилось, будто он говорил мне, что любит меня. Однажды, после того как Кинг закончил мою татуировку, он сказал мне: «*Заткнись и позволь мне любить тебя*». Но то, что я слышала во сне, было по-настоящему.

Что-то было не так. Я чувствовала это нутром. Я спросила, что его беспокоило, но он отмахнулся и просто занимался со мной любовью.

Часами.

Может, он потерялся в мыслях о Преппи и лишь хотел, чтобы я была рядом.

Так что я была.

Наше время вместе в это утро не походило на то, что я ощущала рядом с ним ранее.

Я снова сказала Кингу, что была в порядке после того, как Айзек изнасиловал меня. Это был всего лишь момент в жизни. Ужасный момент. Но я знала, что буду в порядке. Пока у меня есть Кинг, я буду в порядке.

Все будет в порядке.

Я была беспомощной, страстной, влюбленной в сложного человека, который прикасался ко мне, будто я — это тонкое стекло, которое могло раскрошиться в его руках.

Лаская своим членом мой клитор, Кинг шептал мне, насколько прекрасной я была. Он вытащил член из моей киски и потер чувствительный комочек нервов, а после резко вошел обратно.

Я жила ощущениями, и у меня было полно вопросов.

Кинг шептал, насколько сильно он любил быть внутри меня. Как сильно хотел бы не быть таким ублюдком. Насколько я заслуживала весь мир. Как он был недостаточно хорош

для меня.

А потом меня осенило, словно в меня врезался поезд, сошедший с рельсов, и мое сердце разорвалось в груди.

Кинг говорил «прощай».

***

Солнце было уже высоко в небе к тому моменту, когда мы проснулись и оделись. В любую секунду я ожидала, что Кинг ворвется в комнату и скажет, что хочет, чтобы я ушла. Ожидание этого было подобно аду. Я хотела собрать свои вещи, но ничего в действительности не принадлежало мне.

Я накинула кое-какую одежду и вышла на улицу найти Кинга. Вместо того чтобы ожидать, я выглянула из коридора и пошла искать своего палача. Я нашла его снаружи, он качался в кресле-качалке, которого, как я недавно заметила, не хватало на крыльце.

— Что происходит? — спросила я его. — Что-то не так. Скажи мне.

Он закрыл лицо руками.

— Все, солнышко. Все не так, — ответил Кинг, смотря вверх перил крыльца.

Я подошла к нему, и он провел руками вверх и вниз по моим предплечьям. Я села к нему на колени и обернула руки вокруг его шеи. Кинг зарылся носом у меня на груди.

— Скажи мне. Пожалуйста, — умоляла я. — Я могу помочь.

— Не можешь. Никто не может.

— Ты пугаешь меня. Ты должен сказать мне, что не так.

— Мое е*аное сердце разбито, — произнес он, повышая хриплый голос.

— Почему? Кто его разбил? — спросила я.

— Ты, — сказал Кинг, поднимая на меня полные слез глаза.

Я отшатнулась. Что я сделала, чтобы разбить его сердце? Разве у меня была над ним такая сила?

Звук подъезжающей машины заставил нас обоих повернуть головы в сторону дороги. Черная городская машина с темными тонированными стеклами остановилась перед домом.

— Ты запомнишь кое-что для меня? — задал вопрос Кинг, поворачивая мою голову от машины к нему.

— Все что угодно, — ответила я.

И это была правда. Для него я бы сделала все что угодно.

— Помни, что я люблю тебя, — прошептал он.

Он сказал это. Мне не почудилось.

— Почему ты говоришь мне это сейчас? — спросила я, и мне показалось странным, как Кинг необычно отреагировал на приближение автомобиля.

Я хотела, чтобы он меня любил, особенно потому, что знала, что уже давно была влюблена в него, но то, как Кинг это сказал, и то, что происходило сегодня утром, говорило мне, что за всем этим стояло нечто большее.

— Скажи мне, что, бл*дь, происходит! — я спрыгнула с его колен.

— Малышка, — произнес он, протягивая ко мне руки.

— Нет! Не малышкой мне! Говори, что, мать твою, происходит!

Кинг наконец-то посмотрел в сторону машины. Водитель вышел и обошел ее, открывая заднюю дверь.

Парень чуть старше, чем я, с потемневшими белокурыми волосами вылез из машины. На

нем были черные кеды, серые шорты и красная футболка с изображением Бэтмена. Я не узнала его, пока он не посмотрел на меня. Или, во всяком случае, я узнала его глаза.

Каштаново-коричневые.

Глаза из моего сна.

Шок сковал мой язык, превратил крыльцо в лед, пока парень приближался.

— Рэй? Рэй, это действительно ты? — спросил он, глядя прямо на меня.

Я посмотрела вверх на Кинга, чье выражение лица полностью сменилось с обеспокоенного и напряженного на злое и полное мести. Взглядом он метал кинжалы в парня. Его челюсть напряглась так сильно, что, могу поклясться, я почти слышала, как скрипят его зубы.

— Кто такая Рэй? — поинтересовалась я у Кинга.

— Не делай этого, мать твою! — огрызнулся Медведь, стоя в дверном проеме.

— Сука, вернись внутрь! — рявкнул Кинг.

— Ладно. Это твоя е*аная жизнь. Прое*и ее еще больше, чем уже прое*ал. Преппи надерет твою сраную задницу. Поеду к своей сестре. Не могу торчать здесь и наблюдать за этим дерьмом, — Медведь выступил на крыльцо и подергал меня за щечку. — Я люблю тебя, красотка, — сказал он, прежде чем исчезнуть за углом дома.

Мгновение спустя его байк взревел и поднял после себя столб пыли.

— Ты, — наконец-то проревел Кинг. — Ты — Рэйми Прайс.

— Рэй, ты меня не помнишь? — спросил парень. — Я Таннер. Ты не знаешь, кто я?

Я повернулась к Кингу:

— Что это? Кто это?! Почему он здесь?

— Он — твой... Парень, — Кинг выдавил слова так, будто они резали язык во рту.

— Мой кто? — я не ждала его ответа. — Ты знал, что он приедет? — и здесь до меня дошло. Я еле смогла вдохнуть. — Ты знал, кто я? — Кинг ничего не ответил, но, что еще важнее, он не отрицал. — Как долго ты знал? — прошептала я. Кинг уставился на свои ботинки. — Как долго ты, бл*дь, знал?!! — закричала я.

— С самого начала, — признался он. — С тех самых пор, как я вернулся за тобой после твоего побега.

— Побега? — повторил Таннер, напоминая мне о своем присутствии.

— Все это время? — спросила я, чувствуя то лезвие, которое он загнал мне в грудь. — Ты знал, кто я такая все это е*аное время?

— Что ты, бл*дь, хочешь, чтобы я сказал? Я — х*евый человек, и я делаю х*евые поступки. Ты знала это. Я, бл*дь, говорил тебе, но ты все равно в меня влюбилась, — он расстроено провел рукой по волосам. — Ну, теперь все кончено. Добро пожаловать в твою новую жизнь. Или мне лучше выразиться: в старую жизнь, — выплюнул Кинг. Он опустил глаза. — Ты заслуживаешь лучшего, чем это дерьмо, — он махнул рукой на дом. — Ты заслуживаешь лучшего, чем я. У тебя есть семья. Иди и будь с ними, забудь о моем существовании.

Кинг посмотрел на Таннера, который стоял посреди двора со смятением на счастливом лице. Его взгляд метался между мной и Кингом.

— Что происх... — начал Таннер.

— Завали е*ало, — рыкнул Кинг, оперативно затыкая парня.

— Это НЕ тебе решать, — сказала я ему. — Не ты решаешь, куда мне идти и с кем быть.

— Вообще-то, я, — возразил Кинг.

— Какого хера это значит? Какого х*я ты делаешь?

— Рэй! — перекричал наш спор парень.

Кинг взглянул на Таннера так, будто собирался прыгнуть и разmozжить его череп голыми руками.

— Спускайся сюда, — сказал Таннер нежным голосом. — Всего на секунду. Я лишь хочу увидеть тебя. Поговорить с тобой.

Я посмотрела на Кинга, и до меня дошло. Это решала не я, потому что он выбрасывал меня.

Вот к чему были ночь и утро. Он прощался со мной.

Кинг кивнул, будто давая мне добро пойти и побеседовать с Таннером. Я закатила глаза. Мне не нужно было его гребаное разрешение.

Я осторожно спустилась по ступенькам. Достигнув последней, я села на нее.

— Ты знаешь, кто я? — уточнил Таннер, подходя ближе и опуская руки на колени.

Я помотала головой:

— Я узнаю твои глаза, но на этом все, — признала я.

— Как я уже сказал, меня зовут Таннер. Мы знаем друг друга всю нашу жизнь. Мы были королем и королевой школьных балов на протяжении всей старшей школы, — проговорил он со смешком. Потом его лицо стало серьезным. — Я люблю тебя. Ты любишь меня. И всегда любила, — Таннер покраснел и выпрямился на пятках. — Странно, что мне приходится представляться тебе, хоть мы и знаем друг друга с пеленок.

— Кто я? — нерешительно спросила я.

Таннер сел на ступеньку рядом со мной, осторожно держа дистанцию между нами. Мне не нужно было оглядываться на Кинга, который — я знала — наблюдал за каждым движением Таннера. Я чувствовала его взгляд спиной, будто это были лучи солнца на моей коже. Таннер пах пляжем. Его непослушные волосы падали на глаза. Он смахивал их, когда говорил. Широкая улыбка растянулась на его лице, показывая ямочку на левой щеке.

— Ты милая Рэйми Элизабет Прайс. Дочь доктора Марго Прайс и сенатора Бигелу Прайса. Ты живешь в Ист-Палм-Коув в часе езды отсюда. Ты поступила в школу искусств и должна начать обучение осенью. Мы впервые собирались в Европу на лето, но ты исчезла.

У меня было имя.

Рэйми. Рэйми. Рэйми.

— Рэйми, — прошептала я, ощущая свое имя на языке.

До сих пор ничего.

— Я ходила в полицию. Они сказали, что меня никто не искал. Никто не заявлял об исчезновении. Почему ты не искал меня, если я исчезла? — задала вопрос я.

Таннер помотал головой:

— Я бы не хотел быть тем, кто скажет тебе это, но у тебя был тот друг, и он оказался замешан не в очень хорошем деле. Он не раз втягивал тебя в неприятности. Ты оставила записку, в которой говорилось, что ты сбегаешь. Они не искали тебя, потому что думали, что ты не хочешь, чтобы тебя нашли. Тебе только исполнилось восемнадцать. Ты стала взрослой. Заявления об исчезновении не было, потому что ты на самом деле не пропала. Ты просто ушла.

— Я ушла? — переспросила я.

— Да.

— Я ушла от тебя?

— Да, — признал он. — Ты ушла от меня. И своей матери. И своего отца. Ты всех бросила.

У меня была мама.

— Почему моей матери здесь нет?

— Мы не хотели перегружать тебя. Твоя мама дома и ждет, когда ты приедешь, но твой отец в машине, — сказал Таннер, указывая на городской автомобиль с тонированными стеклами, стоявший с включенным двигателем на подъездной дороге.

— Я все еще не помню. Думала, вспомню, если увижу кого-то из своего прошлого или мне расскажут что-то, но ничего нет.

Голова шла кругом. Если я не могла вспомнить его, сидя лицом к лицу, почему я в принципе должна его помнить?

Я вообще вспомню хоть кого-то?

— Пройдет время, но ты вспомнишь. Тебе лишь нужно вернуться в русло. К твоей обычной рутине. Память вернется. Мы не будем торопиться. Твоя мать уже позвонила лучшим докторам. Специалистам. Ты вернешься к старой себе за считанные часы, — произнес Таннер, подтолкнув меня плечом.

Кинг уже все им рассказал. По крайней мере достаточно, чтобы моя мать вызвала врачей.

Девушка, которую я оставила позади, вернулась.

Задняя дверь машины снова распахнулась, и оттуда вышел высокий мужчина в приметном черном костюме и накрахмаленном красном галстуке.

— Кто это? — поинтересовалась я у Таннера.

— Твой отец, — ответил он. — Сенатор.

— Рэйми, — произнес мужчина. — Твоя мама сильно переживает. Поехали. Садись в машину, — настойчиво предложил он, застегивая пиджак на все пуговицы.

На улице было под тридцать пять градусов, а на его лбу не было ни капли пота. Ни покраснения на щеках. Будто он был слишком важен, чтобы его коснулась жара.

Кинг наклонился надо мной через перила. Солнечный свет рассеивался прямо над головой Кинга, и его массивное тело создавало большую тень на земле.

Он действительно выглядел как король. Сила, которую стоит брать в расчет. Зевс, стоящий над миром на своем крыльце.

Сенатор вышел из тени Кинга, будто был слишком хорош, чтобы стоять в ней. Это меня раздражало.

Он был не лучше Кинга.

Никто не был.

Кинг был плохим парнем, но он был моим плохим парнем. Он был даже большим. Он был моим миром. Моим сердцем.

Эти люди, возможно, были в курсе, кем я была до этого, но я знала, кем являлась сейчас. Двоим версиям меня придется выяснить, как сосуществовать, пока я не вырвала то, что у меня было с Кингом, в поисках неизвестного.

— Сенатор, — Кинг узнал мужчину.

— Мистер Кинг, — поприветствовал сенатор, рукой прикрывая глаза от солнца.

— Где Макс? — с горечью спросил Кинг.

— Скоро, очень скоро будет здесь. Другая машина везет ее сюда.

— Обмен — значит обмен, — произнес Кинг. — Она никуда не поедет, пока Макс не

окажется здесь.

Меня снова осенило. Кинг сказал, что у меня не было выбора, и теперь я узнала причину.

Если бы я осталась, Кинг бы не получил свою дочь обратно. Обмен означал обмен меня на Макс.

— А вот и она, — воскликнул сенатор, когда второй автомобиль припарковался на обочине дороги. Кинг перепрыгнул через ступеньки и меня, направляясь к машине. В то мгновение, когда она остановилась, Кинг открыл заднюю дверь.

— Макс? — прокричал он в салон.

Водитель обошел капот и достал что-то из своего кармана. Он защелкнул наручник на запястье Кинга.

— Ее здесь нет, — проревел Кинг, потянув за наручник. — Что это за х*йня? Где она?!

Мужчина, которого я приняла за водителя, заломил вторую руку Кинга и защелкнул второй наручник на его запястье перед ним.

— Что ты делаешь? — прокричала я, подбегая к Кингу. — Отпусти его! — пара сильных рук схватила меня сзади и остановила. — Какого х*я происходит?! Я должна поехать с ним!

Я брыкалась ногами в воздухе, пока мужчина, которого мне представили моим отцом, оторвал меня от земли. Ноздри Кинга трепетали, когда мужчина затолкал его на заднее сиденье машины.

— Мистер Кинг, это детектив Лионс. Вы арестованы за похищение моей дочери, — ответил сенатор, все время удерживая свою хватку на мне.

— Но он меня не похищал! Он ничего не сделал! Он спас меня. Он СПАС меня!! — визжала, избивая руками своего отца, поскольку пыталась вырваться из его хватки.

И я говорила серьезно. Кинг спас меня. Во всех смыслах. Он спас меня от самой себя, от жизни, которая меня ждала. Благодаря ему я двигалась вперед.

Я хотела и дальше двигаться с ним вперед.

— Ты ублюдок! — проревел Кинг.

Детектив Лионс закрыл дверь автомобиля, и я потеряла Кинга из виду за тонированным стеклом.

— Нет! — выкрикнула я. Машина сорвалась с места и исчезла за деревьями. — Отпусти меня, мать твою!

Сенатор развернул меня лицом к себе и грубо ухватил за плечи.

— Успокойся, Рэйми, ты его напугаешь, — предупредил он.

— Кого? О ком ты, мать твою, говоришь?

Таннер подошел к машине и открыл дверь. Маленький мальчик с кудрями, как у Таннера, и белокурыми волосами, как у меня, выбрался с заднего сиденья.

Малыш увидел меня и раскрыл ручки. Он подбежал ко мне, врезаясь в мое бедро с объятьями.

Сенатор отпустил меня. Мальчик спрятал свое лицо на моих ногах.

Я растерянно посмотрела на него сверху вниз.

Мое сердце остановилось не из-за того, что его глаза были такими же небесно-синими, как мои, или что ямочка на его подбородке походила на мою.

Мое сердце остановилось из-за того, что он прокричал:

— Мамочка!

Больше книг на сайте - Knigolub.net